

ЭЛИНОР ФАРДЖОН.

СЕДЬМАЯ

ПРИНЦЕССА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ

ПРЕМИЯ АНДЕРСЕНА

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

СЕДЬМАЯ
ПРИНЦЕССА

и другие
сказки, рассказы,
притчи

МОСКВА
Объединение
"Всесоюзный молодежный
книжный центр"

художественная редакция "ОЛЕТЬЕ" *ТОН*

1991

ББК 84.7 Англ.
Ф 241

Иллюстрации *ЧЕРНЯЕВОЙ Н.*

Фарджон Элино́р

Ф 241 Седьмая принцесса. Сказки для младшего и среднего школьного возраста. Составитель и автор предисловия Н. М. Демурова. Пер. с англ. О. А. Варшавер.— М.: Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1991.— 256 с. (Серия «Международные литературные премии»).

Книга впервые знакомит наших маленьких и взрослых читателей с творчеством одного из самых читаемых и почитаемых в Англии сказочников — Элино́р Фарджон (1881—1965), лауреата крупнейших национальных и международных премий за произведения для детей и юношества. В 1955 г. ей была присуждена Золотая медаль Ханса Кристиана Андерсена, которую называют «малой нобелевской премией». Этой награды она удостоилась первой среди детских писателей всего мира.

В сказках Э. Фарджон волшебство перемешано с бытом, они полны иронии и юмора, у жителей ее сказочной страны вполне человеческие характеры, но злых персонажей нет. Их с интересом прочтут не только дети, но и взрослые.

Ф 4703010500—020 Без объявл.
022(01)—91

ISBN 5-7012-0122-8

ББК 84.7 Англ.

- © Перевод. О. Варшавер, 1991
- © Составление, предисловие. Н. Демурова, 1991
- © Оформление. Объединение «ВМКЦ», 1991

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Несколько слов об Элиноф Фарджон для детей и взрослых . . . . .</i>	<i>7</i>
--	----------

Из книги

«КОРЗИНКА СТАРОЙ НЯНЮШКИ»

<i>Старая Нянюшка . . . . .</i>	<i>13</i>
<i>Берта Златоножка . . . . .</i>	<i>16</i>
<i>Гордая инфанта . . . . .</i>	<i>22</i>
<i>Неужто люди так глупы? . . . . .</i>	<i>25</i>
<i>Покров Иразады . . . . .</i>	<i>28</i>
<i>Лапландец Липп . . . . .</i>	<i>30</i>
<i>Дерево на крыше . . . . .</i>	<i>31</i>
<i>Китайская принцесса . . . . .</i>	<i>34</i>
<i>Золотой орел . . . . .</i>	<i>39</i>
<i>Два брата . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>Морское Дитяtko . . . . .</i>	<i>45</i>

Из книги

«МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕЧКА»

<i>Царь и хлеб . . . . .</i>	<i>53</i>
<i>Тимы . . . . .</i>	<i>57</i>
<i>Юная Кейт . . . . .</i>	<i>60</i>
<i>Безымянный цветок . . . . .</i>	<i>63</i>
<i>Золотая рыбка . . . . .</i>	<i>65</i>
<i>Щенок-спаниель . . . . .</i>	<i>70</i>
<i>Чудо Бедного острова . . . . .</i>	<i>89</i>
<i>Шарманка . . . . .</i>	<i>95</i>
<i>Маленькая Портниха . . . . .</i>	<i>97</i>
<i>Седьмая принцесса . . . . .</i>	<i>106</i>
<i>Ослик из Коннемары . . . . .</i>	<i>111</i>

Добрый фермер	127
Листвия	140

Из сборника

«КНИГА ЭЛИНОР ФАРДЖОН»

Царица Эсфирь	159
Тайная тропа	164
День рождения Розауры	167

Из книги

«МАРТИН ПИППИН НА ЛУГУ»

Том Кобл и Уна	179
Элси Пиддок прыгает во сне	200
Великан из Вильмингтона	216

ЧУДЕСНЫЙ РЫЦАРЬ (перевод Н. Демуровой)	237
---	------------

Несколько слов об Элинор Фарджон для детей и взрослых

Когда Элинор Фарджон, будучи уже знаменитой писательницей, думала о своем детстве, ей чаще всего вспоминалась небольшая комната, полная книг. «В доме моего детства,— рассказывала она,— была комната, которую мы называли маленькой библиотекой. Правда, в нашем доме каждую комнату можно было назвать так. Детские наверху были полны книг. Кабинет отца — тоже. Книги покрывали стены столовой, переливались в гостиную матери и наверх в спальни. Нам казалось, что жить без одежды куда естественней, чем без книг. Не читать было бы так же странно, как не есть.»

Да, Фарджон выросла в необычном доме и необычной семье. Она родилась более ста лет тому назад, в 1881 году, в Лондоне, в семье популярного английского писателя Бенджамина Фарджона, а по матери приходилась внучкой Джозефу Джефферсону, знаменитому американскому актеру. Элинор и три ее брата воспитывались дома. Дети были талантливы, и отец сам занимался их воспитанием. Элинор с юных лет проявляла незаурядные литературные способности. Она росла в окружении знаменитых людей, так как в доме частыми гостями были известные писатели, актеры, композиторы. Писать она начала очень рано, сочиняла стихи, рассказы, пьесы. И первым ее читателем неизменно бывал отец, мнением которого Элинор очень дорожила. Истинная дочь писателя, она в семь лет уже умела печатать на машинке, делать правку и держать корректуру — довольно редкое умение для ребенка конца прошлого века. Смерть отца в 1903 году стала тяжелым ударом для Элинор. Она долго не могла

оправиться после этой потери, искала утешения в работе и в дружбе со своими братьями, которую сохранила на всю жизнь. В год, когда началась первая мировая война, увидела свет книга ее стихов, посвященных сердцу Лондона — старому Сити, который Элинор хорошо знала и любила. За первой книгой последовали другие. Их щедрый поток не прекращался до самой смерти писательницы. Многие ее произведения возникли благодаря «маленькой библиотечке» в старом родительском доме, где Элинор провела долгие часы стоя, сидя на полу или застыв в самой неудобной позе над раскрытой наугад книгой. Вот почему в конце жизни она назвала свой большой сборник детских рассказов и сказок, куда вошло все лучшее из написанного ею, «Маленькая библиотечка». Он вышел в 1955 году и удостоился сразу трех премий — только что учрежденной международной премии за лучшую детскую книгу имени Ханса Кристиана Андерсена, очень почетной медали Карнеги, присуждаемой британскому подданному за лучшую книгу года, и американской премии «Полка Льюиса Кэрролла». В предисловии к сборнику Фарджон писала: «Не удивительно, что когда я выбиралась из маленькой библиотечки, ее золотая и разноцветная пыль кружилась у меня перед глазами. Чего же удивляться, что много лет спустя, когда я сама стала писать книги, в них перемешались выдумки и факты, фантазия и правда. Мне так и не удалось полностью отделить одно от другого, в чем вы убедитесь, читая эти рассказы, возникшие из той самой пыли. За пятьдесят лет семь усердных Старых Дев с семью метлами так и не сумели вымести из моей головы эту пыль, состоящую из погибших замков, цветов и королей, из локонов дам и вздохов поэтов, из смеха парней и девушек. Этим Девам с метлами предстоит и самим обратиться в пыль в какой-нибудь маленькой комнате, полной книг, но изредка, если повезет, они будут снова на мгновение появляться на свет Божий».

Родившись в необычной семье, Элинор Фарджон и сама была человеком необычным. У нее было много талантов. Можно подумать, что при рождении у ее колыбели стояли феи-волшебницы, и каждая наделила Элинор каким-то драгоценным даром. Первым из них был дар слова. Под пером Фарджон самые невероятные события становились простыми и достоверными, а самые дикие персонажи понятными и близкими, словно соседские дети. Подобно Старой Нянюшке, которая рассказывает свои сказки ровно столько времени, сколько требуется на штопку дырки в чулке, Фарджон полностью овладевает вниманием и доверием своих читателей. Это она нянчила БERTУ Златоножку в средневековой Германии и собственными глазами видела, как ее правая пятка чеканила и чеканила золотые монеты, видела она

и как купаются в прозрачной Луаре два мальчика — сын графа и сын старьевщика; она присутствовала при странном решении персидского шаха и отлично знает, как излечилась от гордыни висломерная кастильская инфанта; а чтобы наказать непослушных мальчишек братьев Гримм, взяла да и скрыла от них одну сказку, которую решила теперь рассказать нам. Ее голос чист и ясен, интонация искренна и проста. «Вокруг парка тянулась изгородь, и дальше Королеву не пускали. Она очень любила мужа, не хотела его огорчать, вот и не плакалась ему, не рассказывала, до чего хочется ей на вольную волю. Только часами сидела на дворцовой крыше да глядела на восток, где раскинулись луга, на юг, где струилась речка, на запад, где громоздились горы, и на север, где шумели в городах рыночные торговцы». Так начинается сказка о Седьмой принцессе — и наши сердца уже с Королевой, мы уже готовы во всем ей помогать и печалиться ее печалью. А вот дровосек Джо Джолли смотрит на королевскую дочь, и она ему нравится до чрезвычайности, так как ужасно похожа на его щенка — «и волосы нежно-золотистые, точно его уши, и глядит доверчиво, точно маленький спаниель». И вот он пишет принцессе письмо:

«Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли.»

Другим даром Элинор Фарджон был дар дружбы: В ее доме в Хэмпстеде (который теперь стал частью Лондона) так же, как и в доме ее детства, всюду теснились книги и роилась золотая сказочная пыль. Здесь собирались друзья, единомышленники, ученики, почитатели. Приходили люди, почти не знавшие Нелли (так называли ее родные, друзья и знакомые), и никто не ушел из ее дома с пустыми руками или с пустым сердцем. Она умела дружить и умела помогать людям. Ее большими друзьями были поэты Вальтер де ла Мар, Дэвид Херберт Лоуренс и Эдвард Томас, погибший в первой мировой войне. После этой утраты Элинор уехала из Лондона и поселилась в маленькой деревушке в Сассексе. Она жила там так, как в те трудные годы жили простые крестьяне — копала землю, растапливала печку, впрягалась в упряжку и тащила на себе из лесу вязанки хвороста. Ходила Элинор в простом русском платье (да-да, в русском, но об этом как-нибудь в другой раз), ела скудно, смотрела, как под окном, когда по весне пригревало солнышко, прыгали через веревочку деревенские девушки. Самая, пожалуй, известная сказка Фарджон написана про одну из них — Элси Пиддок. Много лет спустя актер Денис

Блейклок отправился на поиски исторической Элси Пиддок и написал об этом книгу, которую подарил своей любимой писательнице Элиноф Фарджон. Он так и назвал книгу — «В поисках Элси Пиддок» в знак благодарности писательнице за ее щедрый дар любви и дружбы.

И еще один дар был у нее — дар любви и веры. Лишь в очень преклонном возрасте — в 1951 году — она приняла крещение, однако глубокая вера озаряет все ее книги. При крещении она выбрала имя Мария. В письме, написанном брату спустя несколько дней, она рассказала, что, когда входила в храм, дверь отворилась и навстречу ей вышел маленький мальчик. «С мгновенье мы смотрели друг на друга, пока он придержал дверь, пропуская меня. Я наклонилась и сказала: «Спасибо. Как тебя зовут?». Он прошептал: «Питер. А тебя?». «Элиноф», — ответила я и закрыла дверь. Но тут же пожалела, что не сказала: «Мария», и распахнула дверь, чтобы сказать ему об этом. Увы, его уже нигде не было видно. Не правда ли, какая прелестная история — какой бы смысл в нее ни вкладывать? Он мне напомнил о крошке-бамбино в Фиезоле, где я оказалась однажды в полночь и безуспешно пыталась найти свой дом в темноте. Вдруг из крошечной калитки вышел мальчик лет трех или четырех, взял меня за палец и вывел сквозь кусты к ступеньке, прошептал: «Вот ваш дом, синьора». И так же исчез. Для меня любой ребенок с невинными глазами может показаться Божественным Младенцем». Вероятно, эпизод у дверей храма так взволновал писательницу потому, что мальчика, отворившего ей дверь, звали так же, как Апостола Петра, небесного привратника и ключаря. Но как бы то ни было, слова «любой ребенок с невинными глазами для меня Божественный Младенец» могли бы стоять эпиграфом ко всем книгам Элиноф Фарджон.

В сказке о Седьмой принцессе Королева просит: «Подари мне весну...». Элиноф дарит нам весну, не дожидаясь наших просьб, а это ли не самый драгоценный дар? И не должны ли мы быть ей сердечно признательны за это?

Н. ДЕМУРОВА

Старая Нянюшка

Возле камина Старая Нянюшка раздевает детей перед сном. В просторной спальне стоят четыре кровати — на каждого — и ещё остается вдоволь места, хоть в прятки играй. В большом старинном камине пляшет огонь, и красные отблески мечутся по стенам, между высоченными дубовыми шкафами и полками, по наклонному потолку, который причудливо сбегает к самому полу. Дело в том, что наши новые знакомцы спят на огромном чердаке под самой крышей.

Зовут детей Дорис, Рональд, Роланд и Мери-Матильда. Мери-Матильда самая младшая, ей три с половиной года. Рональд и Роланд — пятилетние близнецы, похожие как две капли воды, только у Рональда родинка слева на переносице, а у Роланда — на правой ноздре. Совсем без родинки, конечно, не обойтись — нельзя же отстать от брата! Различить мальчишек почти невозможно, даже имена их нам не в помощь — слишком уж похо-

жи. Впрочем, обычно их называют покороче и не так одинаково — Рони и Роли. Самая старшая тут Дорис, ей целых семь лет. Временами ей кажется, что она живет на свете уже целую вечность, что она очень, очень стара. Но все ж не старее Старой Нянюшки. С ней-то тягаться некому.

Никто в точности не знает, сколько лет нашей Нянюшке. Она всегда была рядом, а прежде она нянчила маму — мама тоже помнит ее возле своей колыбели. А когда их навещает бабушка, очень старая седовласая дама, она непременно говорит Нянюшке:

— Ну что, старая, как поживаешь?

И Нянюшка бодро отвечает:

— Порхаю, моя девонька, порхаю как мотылек. А ты там как себя ведешь? Больно распустилась, как из-под моего надзора-то вышла. Да ты и в детстве была большая егоза.

Услышав такой разговор впервые, ошеломленная Дорис спросила:

— Нянюшка, неужели ты и бабушку нянчила?

— А то как же, дитятко. И была она не ребенок, а сущее наказание. Выросла — вроде потише стала. Время покажет, может, из нее и выйдет толк. Недаром же я в нее столько сил вложила.

— Как это — «сил вложила»? — спросил Рони. — Точно деньги в банк, что ли?

— Вот тупица! — воскликнула Дорис. — Разве Нянюшка о деньгах говорит? Просто она воспитывала бабушку, как меня, как тебя — чтоб хорошей девочкой выросла.

— Вовсе я не тупица, — насупился Рони. — И хорошей девочкой мне вырастать ни к чему.

— Тупица! — повторила Дорис в сердцах. — Ты же понял, что я хотела сказать.

— Не понял — что хотела, понял — что сказала. Сама ты тупица!

— Ну-ка, дети, — перебила Нянюшка, — уговоритесь, а то — сами знаете...

Дети и впрямь знают, поэтому затихают сразу. Иначе не будет сказки на сон грядущий. Нянюшкину сказку они нетерпеливо ждут целый день, а вечером забираются с печеньем и недопитым молоком в свежие прохладные постели, уютно подтыкают одеяла и слушают, позабыв жевать и глотать. После сказки они чистят зубы, и тут уж Нянюшка неумолимо гасит свет.

Нянюшкиным сказкам несть числа, она откапывает их из глубин веков и никогда не повторяет дважды — только если дети попросят сами. Нянюшка обычно соглашается:

— Будь по-вашему, детушки, расскажу, раз она вам полюбилась. Эта сказка как раз величиной с эту дырку.

А другой раз скажет:

— Нет, милые, сказка слишком длинна, а дырка в чулке невелика, не подходят они друг дружке. Сегодня новую послушайте.

Вы, верно, уже поняли, что всякую свободную минуту Нянюшка шьет, чинит и штопает. Корзинка ее вечно полна детских чулок с дырками на мысках, на пятках и даже на коленках. Вытащит Нянюшка чулок наугад, натянет на левую руку, повертит так и сяк — и найдет дырку. Потом вдевает в штопальную иглу нитку под цвет чулка, выуживает из памяти сказку этой дырке под стать и начинает... А заштопает чулок — тут и сказке конец. Дети всегда как завороченные ждут: какой чулок попадетсЯ Нянюшке? Мала дыра — сказка коротка, велика дыра — и сказка подлиннее. Рони и Роли иногда нарочно падают на щеченку, чтоб продрать на коленях дырки побольше! Дорис, разумеется, так никогда не делает, она примерная девочка и нарочно чулок не рвет, только если дыра сама протрется.

Ну, а у Мери-Матильды дырки совсем крошечные, оттого и сказки под них выходят совсем коротенькие. Роли украдкой вытаскивает сестренкины носки из корзинки и прячет, чтоб Нянюшке под руку не попались.

Однажды вечером дети улеглись, и Нянюшка, заглянув в корзинку, вытянула оттуда длинный коричневый чулок. Дорис протерла в нем дырку на самой пятке. Заправляя шерстяную нить в игольное ушко, Нянюшка задумчиво проговорила:

— Дыра точь-в-точь, как у Берты Златоножки. И на том же месте. Я Бертушку в Германии нянчила.

— А когда это было? — спросила Дорис.

— Погоди... вспомню... Пожалуй, лет сто назад. Или двести? Одно я твердо помню: я знала ее еще прежде, чем нянчила братьев Гримм. Проказники вечно просили рассказывать им сказки. Да они, видно, провинились, и эту сказку им услышать не довелось. Потому она в их книжку и не попала. Славные были мальчишки Гриммы, только шепутные, мне их и шлепать иногда случалось...

— Ну, а про Берту Златоножку? — напомнила Дорис. А то примется Нянюшка бывшее вспоминать — на сказку и времени не останется.

— Ах да, Берта... Случилось это, пожалуй, веков пять назад. Или семь? Трудновато все упомнить. Да и незачем. Тише, детки, тише, а то я никак за штопку не примусь...

Берта Златоножка

Сперва я нянчила Бертиноного отца, потом он вырос, женился, а я так и осталась в замке до самого рождения Берты Златоножки. И принялась тогда её нянчить. Отец Берты был бароном. Замок стоял на берегу Рейна, вернее, на горе, что высилась над берегом. У подножия, у самой кромки воды лепилась деревушка. Здешний люд платил барону дань и жил вполне счастливо под острыми черепичными крышами. На склонах горы они разводили виноград. Барон не очень-то притеснял своих подданных — большая по тем временам редкость среди немецких баронов. Да и немудрено: я ж только одного успела вынянчить и воспитать! Обыкновенно раз в году — даже в неурожайные годы — деревенские приносили барону по золотому. Он не мог освободить их от подати, поскольку и сам обязан был платить дань королю. Не заплатишь — король, рассердившись, заберет и замок, и богатства, все до последней нитки. Деревенские знали, что другого такого барона им не сыскать, и очень поэтому боялись разгневать короля. Король в те края никогда не заглядывал, но молва говорила, что любит он лишь деньги да танцы. Не заплатишь ему дань — так разбушует, только держись. Совсем как некоторые знакомые мальчишки... (Тут Нянюшка бросила хитрый взгляд на Рони и Роли.)

На Бертины крестины съехалась вся округа и, разумеется, все главные феи. Барон с женой разослали множество приглашений: а то позабудешь какую-нибудь фею — и с ребенком стрясется беда. Позвали даже Лорелю, прекрасную русалку, что сидит на утесе среди рейнских вод и привлекает людей своим пением на верную смерть. Многие бароновы друзья погибли возле утеса Лорелеи, но барон все же не отважился ее обидеть, не обошел вниманием в такой торжественный день. Однако поя-

вилась русалка уже после пиршества, когда гости, щедро одарив новорожденную, разъехались по домам. Лишь барон, баронесса да я оставались около колыбели. Внезапно двери зала распахнулись и всплыла Лорелея в волнах золотых волос, точно в рейнских водах. Она и вправду была мокрая, только из реки — с золотых одежд, с белых рук падали капли. Русалка приблизилась к колыбели и, нагнувшись, тронула мокрым пальцем правую ножку младенца.

— Дитя, — сказала она, — люди прозовут тебя Бертой Златоножкой. Ты получишь от Лорелеи золотую ножку, едва научишься ходить.

И она всплыла из зала, оставив на полу мокрый след. Никто из нас не понял, что это за подарок такой. Судили мы, рядили — вдруг слышим мерзкий смешок, и через порог прыгает Румпельштильхен, Чулочный Эльф. Всем известно, что это за злобное и противное создание. Среди колдовского племени он птица не великая, вот барон и забыл пригласить его на крестины. Эльф, конечно, мог обидеться, но сильно навредить ребенку — не в его власти. Все же мы испуганно замерли, когда он подскочил к колыбели и ткнул пальцем в Бертину левую ножку.

— Детка, — проквашал он, — у тебя на левом чулке всегда будет ды-ы-ырка!!! И дарит ее Румпельштильхен!

С этими словами он исчез, мы и глазом моргнуть не успели. Барон сказал:

— Неприятный подарок, но бывают куда хуже.

А я, понятное дело, загоревала — от таких вот мелочей, как дырка в чулке, иной раз плакать хочется. Баронесса вздохнула:

— Мне кажется, что подарок Лорелеи намного, намного хуже! Если у девочки золотая нога, как её замуж выдавать? Кто возьмет в жены девушку с таким... подарком?

— А мы ее ножку никому не покажем, — утешил жену барон. — Никто и не догадается. Нянюшка, позаботьтесь, пожалуйста, чтоб эти ножки всегда были в чулках. К счастью, гости уже разошлись, и мы сохраним в секрете подарок Лорелеи. До самой Бертиной свадьбы!

Пока Берта была мала, я всякий день, улучив минуту, вязала ей чулки: хотела заготовить впрок. Ведь едва Бертушка научится ходить, у нее появится золотая ножка! И как только девочка сделала первые робкие шажки, протопала от меня к своей матушке, я тут же натянула ей чулки — чтоб закрыть и ступню, и лодыжки. Заметь кто

из прислуги золотую ножку, слух вмиг разнесется по всей стране. Ей, бедняжке, и носков больше не надевали — носки ведь частенько сползают, это даже Мери-Матильда знает.

Бертушке и спать приходилось в чулках. Переодевала я их ночью, в темноте, так что даже мне не доводилось видеть ее правую ножку. Зато левую видели все — верней, не целиком, а только пятку. Едва я натягивала Берте чулок, на пятке тут же, как по мановению волшебной палочки, появлялась дырка. Без толку было ругать Берту, ведь дырка появлялась сразу, без всякой на то причины. Глядь, а она уж тут как тут. Сперва я пыталась сменить рванный чулок, но эдак ведь не напасешься! Промаялись мы год и, наконец, я заявила барону и его жене:

— Дорогие мои, это пустые хлопоты. Всех дырок эльфовых не залатаешь, так что придется нашей Бертушке носить закрытые башмаки.

Так она, горемычная, и делала. Тяжко с утра до вечера ходить в башмаках, да что поделаешь... Берта носила их вплоть до восемнадцати лет. Выросла она пригожей, как и положено дочерям рейнских баронов. И все ее очень любили: и родители, и босоногий мальчишка-лодочник, с которым она частенько играла в детстве. Стали и женихи наезжать. Только ни один не пришелся Берте по сердцу.

Тот год выдался неурожайный: виноградные лозы увядали, гроздья гнили, и деревенские жители обнищали, точно церковные мыши. Оставшись без урожая, они со слезами пришли к воротам замка и попросили барона выслушать их.

— Мой господин,— произнес главный виноградарь,— сердца наши разбиты, карманы пусты. В этом году мы не сможем уплатить тебе подать.

— Тогда погибну и я и вы. Неурожай ударил и по моему карману. Если я не выплачу дань королю, гнев его будет страшен.

— Господин!— сказали крестьяне,— дети плачут от голода, в домишках хоть шаром покати. Мы заплатили бы с радостью, да нечем и взять неоткуда.

Барон очень рассердился. Надо сказать, что не горазд он был слушать разумные доводы. И хотел уже наказать крестьян, позабыв о своей доброте, как вдруг Берта, сидевшая у его ног, подняла глаза и промолвила:

— Батюшка, они же ни в чем не виноваты. Давайте

надеяться на лучшее: вдруг небеса смягчат сердце короля или ниспошлют нам денег, чтобы выплатить дань.

Берта улыбалась светло и нежно, и барон, одумавшись, сказал просителям:

— Что ж... Не знаю, какие нам уготованы беды, но мы встретим их вместе.

И благодарные крестьяне возвратились в деревню, благославляя добрую баронову дочку.

Но небеса не смягчили сердце короля. Во главе целого войска, черный от гнева, налетел он на замок требовать дань. Барон показал ему порченные лозы:

— Взгляните, Ваше Величество. Перед Вами мое бывшее богатство. Теперь я разорен. Лишь золотые гроздья позволяли мне отсылать Вам золото.

— И слушать ничего не желаю! — закричал король. — Мне нужны деньги! Не заплатишь — отберу замок, деревню, всё — до последней нитки!

И тут в зал вошла Берта. Мы с матерью нарядили ее в белое шелковое платье, а золотые косы уложили короной. Очень мы надеялись, что Бертина красота покорит сердце короля и отведет от дома напасти. Король и вправду оторопел. Потрясенный, он спросил у барона:

— Кто эта девушка?

— Моя дочь, Ваше Величество.

— В таком случае, барон, я беру ее в жены, ты даешь за ней приданое, а я прощаю долг.

Барон с баронессой обрадовались несказанно. А бедняжка Берта побледнела как полотно и опустила глаза: не выдержала взгляда короля, который восхищенно оглядывал ее всю, с головы до ног. Вот взгляд его и в самом деле скользнул к ногам, и король нахмурился:

— Почему на ней башмаки?

Барон поспешно, но с запинкой, ответил:

— Она гуляла... сейчас только с прогулки.

— Наденьте туфельки, — обратился король к Берте. — Хочу посмотреть, как танцует моя невеста.

— Ваше Величество, у меня нет туфель, — вымолвила Берта.

А у нее и впрямь их никогда не было, с самого раннего детства.

— Тогда танцуй в чулках, — велел король.

Спорить с королями бесполезно. Пришлось Берте разуться и — о ужас! — на левой пятке красовалась огромная дырища! Король очень удивился и потребовал, чтобы

Берта передела чулок. Да что толку? Вернулась она с дырой ничуть не меньше первой. И в третий раз попытала счастья, да только розовая пятка сверкала по-прежнему. Берта опустила голову низко-низко и стыдливо зарделась.

Восхищение короля улетучилось. Он презрительно сказал барону:

— Дочь твоя, может, и хороша, да только неряха. Неряхе королевой не быть. Прощай и помни: не выплатишь дань до завтра — выгоню из замка прочь!

И усакал.

Весь свой гнев барон обрушил на Берту:

— Это ты разорила меня, ты — со своим треклятым даром!!! Ты мне больше не дочь! Неряха мне не дочь! Убирайся из замка вон! Навеки! Убирайся босая, пускай лучше увидят твою золотую ногу, чем дырки на чулках!

Он сам стянул с нее чулки, и — вы не поверите! — правая нога оказалась такой же белой, как и левая! Представляете, как мы удивились! Что же тогда подарила Берте Лорелея? Нога-то не золотая! Но барону было не до ноги. Задыхаясь от гнева, он схватил дочь на руки и бросился в деревню с криком:

— Эй, народ! Полюбуйтесь! Из-за нее, из-за моей дочери, я стал нищим, вроде вас. Кто возьмет в жены дочку нищего? Кому дочку нищего?

Потрясенные люди обступили их, и тут босоногий лодочник, товарищ Бертиных детских забав, вышел вперед и робко произнес:

— Я возьму ее в жены, Ваша Светлость, если она не против.

Берта согласно кивнула златокудрой головкой, барон, хрипло засмеявшись, передал ее юноше с рук на руки и ушел. Кликнули священника, зазвонили свадебные колокола. Жених поставил Берту на землю — впервые в жизни ее голая ножка коснулась земли — и они пошли венчаться. Но удивительное дело! Куда бы ни ступала Берта правой ножкой — на земле оставалась блестящая золотая монета. Весь путь в церковь и обратно оказался устлан золотом. Люди шли следом и кричали:

— Смотрите! Глядите! Берта-Золотая ножка! Берта Златоножка!

Деревня веселилась целый день, скрипач и дудочник играли свадебные песни, народ танцевал, а в самой гуще толпы — босоногие жених и невеста. Под ногами Берты

тут же вырастали золотые торки. К полуночи золота стало так много, что крестьяне принялись сметать его вениками и метлами. А наутро отнесли мешок с золотом барону:

— Возьмите подать, Ваша Светлость. Деревня спасена.

Барон обрадовался, точно ребенок. Спешно отправил посыльных с золотом к королю, а потом спросил у крестьян, как же удалось им достать столько денег. Узнав, что спас их волшебный дар его дочери, барон бросился в деревню и простил Берту.

— Пойдем, дорогая, обратно в замок,— позвал он.

Но Берта, засмеявшись, помотала головкой:

— Не могу, батюшка. Ведь я теперь замужем и должна жить с мужем. А чулок я никогда носить не буду: ведь только босая нога оставляет золотые монеты. Зато ни тебе, ни крестьянам не грозит теперь нищета.

Отец обнял ее на прощанье и ушел домой.

До конца дней своих Берта, а с нею и муж, и дети ходили только босиком. Так что штопать чулки ей не довелось,— с завистливым вздохом прибавила Нянюшка.

Гордая инфанта

— Ой, Нянюшка,— воскликнула Дорис, увидев в руках у Нянюшки свой длинный бледно-розовый чулок,— не чини этот чулок! Пожалуйста, не чини!

— Отчего же, милая? — спросила Нянюшка. — Его как раз пора заштопать. Вон сколько петель спереди спустилось.

— Вот и не штопай! Штопка на самом видном месте — это ужасно! Его надо просто выбросить!

— Но ведь это твои выходные шелковые чулки! Что ж ты — в одном чулке в гости пойдешь?

Дорис надулась:

— Лучше уж вовсе не ходить в гости, чем в штопаных чулках. Все будут глазеть и пальцем показывать!

— Экая ты гордячка,— сказала Нянюшка, заправляя шелковую нить в самую тонкую иглу. — Гордость — это порок не лучше зависти. Боишься на людях в чиненном чулке показаться — значит, ты ничем не лучше испанской инфанты, которую я тоже нянчила когда-то. Она вечно

стыдилась хорошего — а хорошего в ней было немало! — и гордилась всякой чепухой.

— Чем же она гордилась, Нянюшка? — спросила Дорис.

— Говорю тебе — срундой всякой. Как возгордится, нос задерет — на нее и управы не найдешь. Скажем, уронит платок, а лакей подхватит — так она у нас слишком горда, чтоб ему спасибо сказать. Ела только на золотых тарелках, на серебряных — ни-ни: слишком горда. В карету ей впрягали только пару, да какую! Снежно-белую кобылку с голубыми глазами, с серебряной уздечкой, с лазурным плюмажем и черного конька с огненными глазами, с золотой уздечкой и красным плюмажем. А увидит в хвосте черного коня белый волос или в гриве белой кобылы черный волос — беда! Наша Гордая Инфанта живо их из Испании прогонит.

— Почему ты такая гордячка? — спрошу я иногда.

— Как ты, Нянюшка, не понимаешь? — ответит она свысока. — Я же испанская инфанта! У меня же самое пышное в мире платье из золотой парчи, расшитое самым крупным в Европе жемчугом! Мне все кланяются, когда я иду по улице! И скоро все великие короли съедутся просить моей руки! Богаче моего отца в мире нет, у него сундуки от золота ломаются, он все заморские края покорил, его корабли все моря бороздят — он самый главный владыка на свете! И богатства его в один прекрасный день станут моими. Так чего же ты, Нянюшка, спрашиваешь? Разве мне нечем гордиться?

— Да уж, — отвечаю, — твоя правда. Ты, видно, такая уродилась.

Однажды отправились мы с Инфантой кататься в золотой карете, запряженной белой кобылой и черным жеребцом. В деревушке неподалеку от города увидели пекарню, а у порога — простолоюдинку с голым младенцем. Младенец раскудрявый, румяный, как ягодка, хохочет у матери на руках. А мать подкидывает его вверх и припевает:

О, Боже великий, мне есть чем гордиться!
В Кастилье со мною никто не сравнится!
Вы булки едали вкуснее, чем наши?
А сына видали милее и краше?

Выглянув из окошка кареты, Инфанта послушала песенку, и глаза ее гневно вспыхнули. Она выпрыгнула на землю, подскочила к женщине и закричала:

— Ты лжешь! Это со мной никто в Кастилье не сравнится! Я испанская инфанта, наследница короля! Это тебе не булки печь и детей рожать!

Женщина счастливо засмеялась, сверкнув красивыми белыми зубами:

— Нет, милая барышня, одно дело простую булку испечь, другое дело — самую лучшую. Да и ребеночка такого ни у кого нет! Правда, солнышко мое? — и она поцеловала складочки на шее младенца.

— Все ты лжешь! — закричала гордая Инфанта. Пригнула обратно в карету, велела кучеру ехать домой да погонять лошадей. Во дворце направилась напрямик на кухню, потребовала у остолбеневшей поварихи миску с мукой, плеснула туда воды, скатала большой тугой шар, сердито пошлепала его маленькими ручками и приказала поварихе сунуть его в печку, а когда будет готов — подать королю-отцу на ужин.

Вечером все уселись за стол, и на блюде внесли булку. Вы бы видели эту булку! Твердая, точно камень.

— Что это? — испуганно спросил испанский король.

— Булка тебе на ужин, — гордо провозгласила Инфанта. — Я ее сама делала.

Сперва король попробовал разрезать булку ножом. Потом — разрубить мечом. Наконец, он расхохотался и сказал старшему хлебобрезу:

— Отошлите-ка булку главнокомандующему, пусть сунет в пушку вместо ядра и стреляет в марокканцев.

Покраснев, надувшись, точно индюшка, Инфанта вышла из-за стола и удалилась, задравши нос кверху. Ужинать вовсе не стала и утешать себя не позволила. Поутру сказала, что поедет кататься одна. Я-то видела, что она все еще горюет, и сообразилось было с ней ехать. Только она меня не взяла. Каждое утро, целый месяц кряду, уезжала она куда-то в своей роскошной карете, а куда — неизвестно. Мы и кучера спрашивали, но он признался, что ему велено держать язык за зубами.

И вот однажды за ужином, когда король и Инфанта уселись за стол, на золотом подносе внесли новую булку. Свежая, ароматная, ровно золотистая, с румяной корочкой! Король тут же отрезал кусок и съел, даже без масла, до последней крошки.

— Какой хлеб! Какой вкусный хлеб! Я такой булки в жизни не едал!

Испанская Инфанта снова покраснела, но на сей раз — от радости.

— Я сама испекла её, папа. Своими руками! У меня пока еще выходит не так хорошо, как у жены пекаря, но она говорит, что когда-нибудь я испеку самую лучшую булку во всей Испании.

Король крепко обнял и поцеловал Инфанту:

— Я горжусь дочерью, которая печет такие чудесные булки.

Инфанта стояла гордая, я ее такой гордой и не видела.

Зато после, много лет спустя, увидела я мою Инфанту гордой пуще прежнего. Она послала за мной, чтоб я ее первенца нянчила. Замуж она вышла за французского короля, и мы не виделись с самой свадьбы. Инфанта встретила меня на пороге дворца. Я обняла ее и, конечно, спросила:

— Ну что, милая, каков твой младенец?

— Ой, Нянюшка! — воскликнула она радостно. — Я самая гордая женщина на свете. У меня самый-самый лучший сын! Ведь этим можно гордиться, правда?

Неужто люди так глупы?

— Ты только посмотри! — воскликнула старая Нянюшка, взяв в руки пару толстых серых чулок. Впрочем, чулки в них угадать было трудно, они скорее напоминали старые лохмотья. — Господи, это даже не дырки, а одна сплошная дыра! Ну, Роли, как тебе не стыдно!

— Вовсе это не Ролины чулки, а мои, — сказал Рони. — Я их порвал, когда лазил через проволочную изгородь.

— Ну, а эти тогда чьи, скажи на милость? — спросила Нянюшка, вынув из корзинки точно такую же пару, и тоже порванную вдрызг.

— А вот эти мои, — отозвался Роли. — Они порвались, когда я полез на изгородь вслед за Рони.

Нянюшка укоризненно покачала головой:

— Вас, голубчики, никак не различишь: что лица, что чулки, что повадки — все едино. Ровно граф Шиньонский да сын старьевщика.

— А кто они такие? — спросил Рони. — Ты нянчила сына старьевщика?

— Конечно, нет. Старьевщик был так беден, что его сынок сам себя нянчил. И, скажу тебе, славно у него выходило: носил лохмотья, ел хлеб с чесноком да играл с дворняжкой по кличке Жак на берегу реки Луары.

А нянчила я сына Шиньонского графа, цей мрачный замок стоял на холме — как раз над городком, где жили старьевщик с сыном. У маленького графа, понятное дело, всего было вдосталь, не то что у бедняков: тут тебе и одежки распрекрасные, и белая булка с куриным бульоном на обед, а играл он с породистым спаниелем по кличке Хьюберт.

Один беден, другой богат, зато в остальном мальчики были похожи как две капли воды. Мы с маленьким графом частенько ходили на реку гулять и встречали там сына старьевщика. Мой-то ребеночек разодет, ухожен: и лицом бел, и ручек не замарают, а бедняцкий сын весь в рванье да в грязи. Однако, если б не одежда, их бы никто не различил. Народ только диву давался.

Маленький граф завистливо глядел на бедняцкого сына: тому ведь разрешалось плескаться в речке, сколько душе угодно. А лучше реки для купания, чем Луара, во всей Франции не сыщешь: вода точно мед прозрачна, а песок по берегам — чистое золото. Выбегает речка из города и — вдаль, меж песчаных берегов; ивы к самой воде клонятся, цветы пестрят. Но мне было строго-настрого приказано, чтоб маленький граф не купался и с водой не играл. И я — хочешь не хочешь — подчинилась, хотя жалела моего графенка несказанно: уж мне ли не знать, что детскому сердцу любо!

И вот однажды, на прогулке, графский спаниель Хьюберт подбежал к дворняге Жаку, они потерлись носами и подружились. Тогда и графенок с сынком старьевщика друг другу улыбнулись и сказали «Привет!». И с тех пор при встрече всегда друг другу кивали или подмигивали, будто старые друзья. Как-то раз сын старьевщика поманил графенка пальцем к речке: иди, мол, сюда, поиграем. Графенок смотрит на меня просительно, а я головой мотаю. И он, бедный, головой помотал: нельзя, мол, мне. Но рассердился на меня крепко, дулся до самого вечера.

А на следующий день сбежал. В замке поднялся переполох; мы с опекуном и слугами побежали в город —

беглеца искать, спрашивали о мальчике всех прохожих и, повстречав старьевщика, услышали в ответ:

— Видел-видел. Час назад он с моим сыном на берегу гулял.

Мы бросились к реке, старьевщик следом, а за ним — еще полгорода.

И вот, пробежав милью вниз по реке, увидели мы мальчишек: плещутся голышом и смеются-заливаются. А на берегу куча одежды — лохмотья с кружевами вперемешку. Мы, разъяренные, мечемся по берегу, кричим, чтоб выходили из воды немедленно, а они — ни в какую. Наконец, старьевщик вошел по колено в воду и вытащил упрямец за шкурку. Стоят они перед нами в чем мать родила и ухмыляются лукаво. Графский опекун открыл было рот, чтоб графенка пожурить, да так и застыл. Старьевщик открыл было рот, чтоб отчитать сына как следует, — и тоже застыл. Дети, раздетые да начисто отмытые, были совершенно одинаковы — не отличишь. Видят, пострелята, что взрослые растерялись, и еще пуше зубы скалят.

— Эй, сынок!? — неуверенно говорит старьевщик.

Но ни один не отзывается: понимают, хитрюги, что открой они рот, их вмиг распознают.

— Пойдемте, монсиньор! — говорит опекун.

А они оба головами мотают, точно немые.

Тут меня осенило:

— Ну-ка, — говорю, — одевайтесь.

Я-го думала — разоблачу их. Но не тут-то было. Они похватили, что под руку попадется: один поверх рваной рубашонки сатиновый жилет нацепил, другой на кружевную рубашку рваный пиджачок напялил. Мы совсем растерялись.

Наконец, старьевщик с опекуном, рассвирепев, отвесили каждому по три удара палкой, думали — поможет, но мальчишки только заверещали. А верещат-то все одинаково, что графский сын, что бедняцкий.

— Кошмар какой-то! — сказал опекун. — Этак мы сейчас запутаемся и отведем в замок сына старьевщика, а графу суждено будет расти в нищете! Неужели никак нельзя их различить? Неужели мы, люди, так глупы?!

И вот стоим мы, головы ломаем, не знаем, как беде помочь, и тут, нарезвившись на приволье, с лаем выскакивают из ивняка Жак и Хьюберт. Несутся к нам, радостно твякают и... дворняжка Жак безошибочно бросается

к мальчику в сатиновом жилете, а породистый Хьюберт лижет лицо оборванца!

Уж теперь-то у нас сомнений не было. Переодели мы мальчиков, и старьевщик препроводил домой своего сына, а опекун повел в замок графского сына. В тот вечер графенок и бедняцкий сынок получили на ужин одно и то же. Другими словами — улеглись спать на голодный желудок.

Но я одного не понимаю: как же собаки различили, кто есть кто? И неужто мы, люди, так глупы?

Покров Иразады

— А силачей ты когда-нибудь нянчила? — спросил Роли.

Нянюшка готовилась рассказать сказку и выуживала из корзинки чулок, который можно было еще спасти.

— Может, я самый сильный? — настойчиво продолжал Роли.

В последнее время он очень возгордился своими спортивными успехами. Упражнения с гантелями и впрямь давались ему лучше, чем Рони.

— Бог с тобой, конечно не ты. Тебе до них пока далеко. Самым сильным был Геракл. А может, Самсон. Оба крепышами уродились! Помню, я любила этих младенцев гостям показывать...

— А кто самая красивая из тех, кого ты нянчила? — спросила Дорис.

Она, разумеется, вопросов в лоб не задавала, не уточняла: «Может, я?», как это делали братья, но втайне надеялась, что Нянюшка признает ее самой красивой. Ведь люди про нее часто говорят: «Какая хорошенькая девочка!».

— Кто краше всех, я тебе наверняка скажу, — промолвила Нянюшка и принялась за штопку.

— Самой красивой из тех, кого я нянчила, была персидская принцесса Иразада. Вот все твердят о Елене Прекрасной, из-за которой Троянская война затеялась, но я-то знаю, что принцесса Иразада краше всех цариц и королев вместе взятых. Так она была хороша, что на нее и глядеть было опасно. Люди за ней, совсем еще крошкой, толпами ходили. Бывало, падут слуги ниц на ступенях

дворца и ждут: вдруг Иразада появится хоть на минутку, вдруг им удастся взглянуть на нее украдкой. Отец ее, шах, бросал государственные дела и смотрел на дочь с утра до ночи. Покажется она на улицах города — народ валом валит следом, провожает принцессу до самого дворца. Даже в отцовский сад, где она сидела одна-одиношенька среди тюльпанов, вечно слетались птицы — взглянуть на ее несказанную красоту.

А когда Иразада подросла, все принцы и короли принялись наперебой предлагать ей руку и сердце. Никто из них не видал Иразады, но слухами о ее красоте полнилась земля. Ее восхваляли люди, воспевали птицы, небесные ветерки шелестели о ней, волны нашептывали о красоте Иразады прибрежным камешкам. В назначенный день со всех концов света, с Востока и с Запада, съехались во дворец персидского шаха короли и принцы, чтобы Иразада выбрала среди них мужа.

Принцесса вошла, и все сердца захолонуло от ее невиданной красоты. Она же стала вглядываться в лица, но стоило ей остановиться на ком-нибудь взор, соперники тут же убивали счастливец из ревности — чтоб не добился он благосклонности Иразады. В конце концов зал наполнился мертвецами. Два последних принца одновременно вонзили друг в друга клинки.

Однако и теперь ничего не изменилось. Во всех странах на престол взошли новые цари и короли и опять пожелали заполучить в жены персидскую принцессу. Очень мы тогда растревожились. Напуганный шах предрекал:

— Они опять друг друга порешат! Один взгляд на мою Иразаду — и любой человек помутится рассудком от любви!

Наконец, мы надумали спрятать красоту Иразады навеки. Спрятать от всех — даже от мужа. Если не могут любоваться все, так пусть ее не видит никто. Эдак в мире поспокойнее будет. И когда новые короли приехали в Персию предлагать Иразаде руку и сердце, она вышла к ним, сокрытая покрывом. Никто не мог рассмотреть ее лица.

— Вот моя дочь, — сказал персидский шах. — И пусть тот, кого она выберет себе в мужа, поклянется, что никогда не взглянет на ее лицо и никому не позволит снять покров — вовеки, покуда она жива. Так кто тут хочет жениться на Иразаде?

Сперва один, потом другой, а потом и все короли рас-

терянно посмотрели на укутанную фигурку принцессы и зашушукались. Им совсем не понравилось условие персидского шаха, их одолевали сомнения.

— Может, это вовсе не Иразада,— рассуждал один.— Под покрывалом они подсунут нам любую уродку.

— Даже если там Иразада,— рассуждал другой,— откуда нам знать, что она и впрямь такая красавица? Может, она страшна, как ведьма?

— Пускай она и вправду Иразада,— рассуждал третий.— Пускай она красива, как твердит молва. Но какой же муж по доброй воле откажется от красоты жены своей? Кто пожелает жену под вуалью?

Поговорили-поговорили, да и разошлись. Зал опустел. Слух об условии шаха облетел всю землю, и с тех пор уже никто не просил руки персидской принцессы Иразады.

Шли годы, умерли отец и мать Иразады, Персией правил теперь другой шах, старые придворные сменились новыми. А Иразада все жила во дворце, в своих покоях, и никто, кроме меня, ее не видел. Красота сделала ее бессмертной, но лишь я знала, что там, под покрывалом, Иразада по-прежнему молода и прекрасна. Все думали, что Иразада превратилась в дряхлую старуху. Красота ее к тому времени стала легендой.

А потом Персию покорили враги; завоеватель выгнал из дворца всех персов, а с ними и принцессу под покровом. Куда она ушла, не ведомо никому. Но я-то знаю: не может сгинуть такая красота, по-прежнему блуждает где-то моя Иразада, сокрытая покрывалом от людских глаз.

Лапландец Липп

— А кто был самым маленьким из тех, кого ты нянчила,— спросила у Нянюшки Дорис.— Наверно, китайская принцесса?

— Нет,— ответила Старая Нянюшка.

Она искала дырки в носочках Мери-Матильды.

— Принцесса и вправду была крошечной. Но Липп — и того меньше.

— Какой такой Липп? — спросил Рони.

— Лапландец Липп, родом из Лапландии. По крайней мере, мне так объяснили. Меня тогда спешно вызвали

и сказали, будто в Лапландии родился ребенок, да такой крошечный, что его родная мать найти не может. Поезжайте, мол, ради Бога, помогите. Я и поехала. Только я его тоже не нашла.

— И что было дальше? — спросил Роли.

— Ничего.

— Ну а где же сказка про Липпа?

— Нету про Липпа никакой сказки, — ответила Нянюшка и таинственно добавила:

— Я думаю, что и Липпа-то никакого на свете не было. Вот и дырок у Мери-Матильды я отыскать не могу. Их, верно, тоже нет. Ума не приложу, как эти носочки ко мне в корзинку попали?

Дерево на крыше

— Вот и у старшей девоньки дырка в чулке нашлась, — сунув руку поглубже в корзинку, Нянюшка вынула оттуда чулок Дорис. — Я вам, милые, расскажу сегодня сказку про одну девочку из Швейцарии. Когда я ее нянчила, я и чинила чулки, и штопала, и вязала!

Звали ту девочку Лизель, и была она лесниковой дочкой. Ее батюшка жил на склоне горы, в чудесном домике неподалеку от хвойного леса. Лес укрывал белораморную гору, точно лохматая медвежья шкура. А в вышине, над верхушками деревьев, блистали освещенные солнцем льды. Порой они сумрачно темнели под тяжелыми грозовыми тучами, но чуть покажется солнце — льдистые пики заблестят вновь. А иногда гор и вовсе не было видно, их скрывали густые туманы.

Лизель знала огромный лес как свои пять пальцев. Сестер-братьев у нее не было, и товарищами ее детских игр стали лесные травы да деревья. Самое высокое дерево она прозвала в честь отца Лесником, а маленькую пушистую елочку величала Лизель. И каждый день — а то и не раз — бегала поболтать с елочкой-подружкой, проведать, как ей живется-может. Однажды на прогулке вытянула Лизель розовую ленту из косы и говорит:

— У меня два банта, а у елочки Лизель ни одного. Я ей подарю! — и привязала на самую макушку розовый бант.

Наутро чуть свет бегом к елочке — проверять, не сдули ветер ее подарок. Вернулась радостная: бант по-прежнему красовался на макушке. Но на другой день вернулась в слезах.

— Что стряслось, Лизель? — спрашиваю. — Неужто ветер стащил-таки твою ленточку?

— Ой, Нянюшка, — всхлипывает Лизель. — Все хуже, намного хуже. Ленточки нет, и елочки тоже нет. Ее кто-то срубил!

Насилу я мою Лизель утешила. Тут приходит ее отец, Лесник, видный такой мужчина. И приводит с собой пригожего парня, сына Петра Гимзеля. Эти Гимзели жили в долине под горой и были богатеи. Как раз возводили под крышу второй дом — для Ганса, когда тот женится да остепенится. Крышу намечалось крыть на следующий день, и Ганс теперь звал Лесника на пир, который Петер Гимзель хотел задать для работников и друзей. Такой уж у них в Швейцарии обычай. Дом — под крышу, плотникам да каменщикам стол накрывают — пей, гуляй; а друзья приходят благословить новоселов и пожелать им счастливой жизни под новой крышей. Называется праздник «Венчанье крыши».

Ганс был добрым парнем. Увидев заплаканную Лизель, он наклонился к ней с ласковой улыбкой:

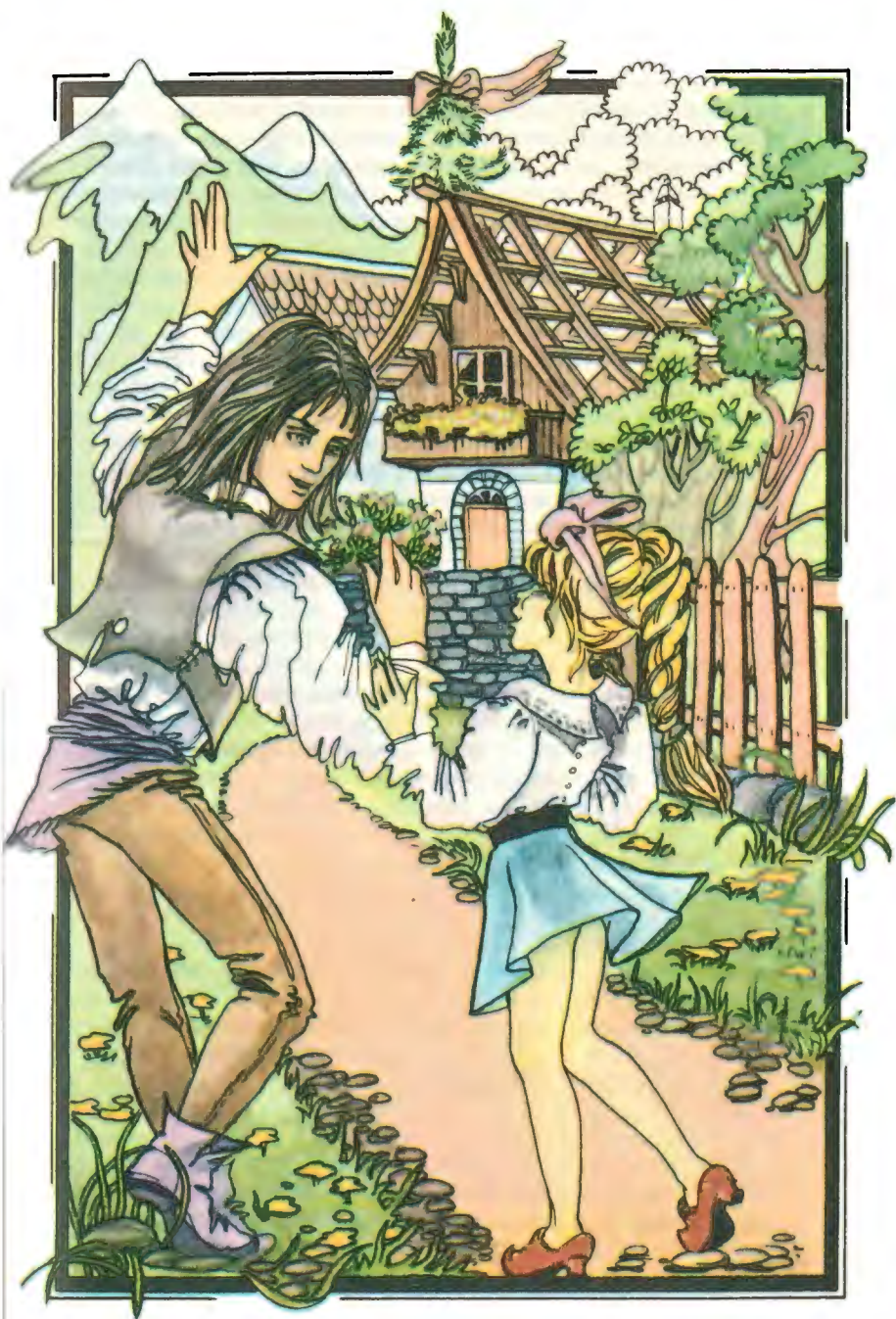
— Не плачь, маленькая. Хочешь завтра на пир пойти?

— Ну ты чудила! — сказал Лесник. — Там только детей не хватает!

Но грустные глаза Лизель радостно засветились от доброты Ганса, и парень принялся уговаривать нас:

— Всем место найдется — и старым и малым. Приведите ее, Нянюшка, и сами приходите.

Я пообещала привести девочку, а потом увести домой — ведь пир наверняка затянется за полночь. Наутро мы все принарядились: Лесник надел зеленый камзол с галунами и сунул в шляпу орлиное перо; я надела темно-красное шерстяное платье с черным фартуком и накинула на плечи цветастую шаль. А Лизель наша была просто загляденье: пышная белая блузка, короткая голубая юбчонка и черный бархатный пояс. А на шее позвякивают серебряные цепочки, теряются за вышитым воротником. И вот, разодетые, отправились мы вниз, в долину. Там уж народ вокруг нового дома толпится; и внутри, и на улице длинные столы, всякой снедью уставлены; скри-

пач веселую песенку наигрывает, кругом разговоры, смех, танцы и повальное обжорство. Увидев нас, из-за стола выбрался высокий, широкоплечий Петер Гимзель:

— Добро пожаловать, Лесник, добро пожаловать!

А юный Ганс подбежал к нам и взял за руку Лизель:

— Добро пожаловать, маленькая. Погляди-ка вверх — мы только что деревце на крыше приладили, как по обычаю положено!

— Ой, Нянюшка, — охнула девочка. — Это же елочка Лизель!

— Твоя елочка? — переспросил Ганс.

Пришлось объяснять ему, что это за елка такая.

— Ну, прости, маленькая, прости, что поселил твое деревце на своей крыше. Только ты сама виновата: я же самое красивое выбирал, а ты на свою елочку розовый бант повязала. Конечно, я его и выбрал. Думал, мне феи подсказывают лучшее в лесу деревце. Ну, прощаешь?

Моя Лизель покраснела и с робкой улыбкой вымолвила:

— Прощаю. Пускай елочка Лизель принесет вашему дому счастье, господин Ганс.

Так и вышло. Ведь шесть лет спустя, когда Лизель стукнуло шестнадцать, а Гансу двадцать два, он привел ее в этот дом невестой. А в день свадьбы Лизель вплела в волосы ту самую розовую ленту, которую повязала когда-то своей елочке. Ганс хранил ее в кармане все шесть лет, пока Лизель подрастала.

Китайская принцесса

— А теперь и у младшей моей голубушки дырка протерлась! — с этими словами Нянюшка вынула из корзинки носочек Мери-Матильды. — У нашей малютки и дырки-малютки. Да и немудрено — ножка-то у тебя не больше, чем у китайской принцессы.

Китайскую принцессу я нянчила в стародавние времена, Англия в ту пору была еще безымянным островом на краю света. А до принцессы я нянчила ее маменьку, вдовствующую императрицу.

Принцесса росла самой очаровательной крошкой в мире: легкая, точно бабочка, и хрупкая, как стеклянная подвеска. Бывало, дашь ей на обед ложку риса — она и сыта, а скажет: «Нянюшка, пить хочу!», так я налью молока в наперсток, Принцесса напьется да еще и оставит половину. Спать я ее укладывала в шкатулке с нитками, в уголке, а на простыни разрезала свой носовой платок — получалась как раз пара.

Слыхали когда-нибудь, как ударяют о стеклянные колокольцы дождевые капли? Точно так смеялась моя Принцесса. А когда ходили мы с ней на прогулку, уж как я ее потерять боялась! Посажу в кошелек, не закрываю — так и несу. Идем мы по пекинским улицам, она то и дело выглядывает и сокрушается:

— До чего же много в мире великанов!

Зато в рисовых полях Принцесса глядела на порхающих бабочек и радостно приговаривала:

— Какие милые маленькие создания! Отчего они не прилетают в гости во дворец?

Вот однажды получила Императрица депешу, что, мол, Татарский Хан желает взять в жены ее дочь, Китайскую Принцессу. Узнав об этом, малютка засыпала меня вопросами:

— Нянюшка, далеко ли Татарское ханство?.. Мне там понравится?.. А люди там большие или маленькие?.. А сам Хан какой?.. Я его полюблю?.. Он очень большой?.. А может, он маленький и хорошенький?.. А как он одет?..

Не на все вопросы нашлась я, что ответить, но услышав последний, сказала:

— В пурпурную мантию. Он непременно в пурпурной мантии, как всякий порядочный хан.

— Пурпурная мантия... — повторила Принцесса. — Как красиво... Теперь, если увижу, я его сразу узнаю. Мой милый, маленький Пурпурный Хан! — и китайская принцесса захлопала в ладоши.

Очень она ждала своего Императора, а в день его приезда вдруг сказала:

— Нянюшка, мне нужно новое платье!

— Да, Бог с тобой, куколка, у тебя их семь сотен и все новые! Ведь я принялась за шитье, как только узнала о свадьбе, и шила не покладая рук.

— Да не эти! — топнула ножкой Принцесса.

Стояла она в это время на ногте моего большого пальца и топнула по нему пребольно.

— Мне нужно платье, достойное пурпурной мантии Хана.

— Где же его искать прикажешь? — спросила я.

— В рисовых полях.

Я посадила ее в кошелек, и мы отправились в поля. День выдался знойный, над полем порхали бабочки, а за ними гонялся маленький китайчонок в голубой хлопковой рубаше. Бабочек он ловил прямо руками. Мы подошли уже совсем близко, когда он прихлопнул какую-то бабочку слишком сильно, и нежное, как цветок, чудесное создание упало мертвым к нашим ногам. Принцесса рыдала безутешно.

— Пускай постоит смирно, я оттаascaю его за волосы! — в гневе потребовала она.

Мальчишка приблизился и покорно склонил голову, а Принцесса ухватила за два волоска на его макушке и потянула изо всех сил — маленький китайчонок даже сморщился от боли.

— Ну вот! — утомленно сказала Принцесса. — Ступай теперь прочь! И на глаза мне не попадайся!

Мальчик ушел, а Принцесса попросила:

— Нянюшка, дай мне бедняжку!

Я подобрала бабочку. Принцесса погладила ее пестрые бархатные крылышки и, немножко всплакнув, улеглась в обнимку с бабочкой в самой глубине кошелька.

Я решила оставить ее в покое — пускай погорюет вволю — и отправилась искать тень, чтобы переждать зной и принцессины слезы. Устроилась я под деревом, бабочки мельтешили в жарком мареве, а один мотылек просто не отставал: так вокруг нас и вьется, так и танцует. Краше его я прежде не видывала. Сидела я тихонько, неподвижно, и он, осмелев, уселся прямо на мой кошелек. Долго сидел, смирно, только усики длинные туда-сюда шарят. Мне померещилось даже, будто он говорит что-то, только — вот беда! — уши мои для тех речей непригодные, ничего я не разобрала.

Потом я то ли задремала, то ли забылась... А может, просто клюнула носом разок-другой. Но открываю глаза и вижу: мотылек расправляет крылья, лететь хочет, а рядом другая бабочка — поменьше, пестренькая, точь-в-точь как та, которою мальчишка убил.

Взлетели они вместе, крылышками друг друга касаясь, устремились из тени на солнце, покружили и скрылись вдали.

Пора было возвращаться — вдруг Татарский Хан уже приехал? Я шепнула в кошелек:

— Эй, куколка, пойдём-ка домой.

Принцесса не отозвалась. Я решила, что она спит, и направилась во дворец. Шла не спеша, чтоб не разбудить малютку.

На пороге меня встретила Императрица.

— Нянюшка! Скорее! Хан въезжает в город, а вы куда-то запропастились! Ни тебя, ни Принцессы!

— Вот она, целехонька, в кошельке сидит, — сказала я.

Открыли мы кошелёк, а он пуст, точно воздушный шарик! Мы все уголки в кошельке обшарили, все рисовые поля обежали — все высматривали Принцессу в придорожной пыли. Хотя она никак — ну никак! — не могла у меня по дороге выпасть! Под деревом, где я отдыхала, каждую травинку перебрали. Принцесса исчезла без следа. Лишь бабочки вернулись и доверчиво уселись сперва ко мне на ладонь, а после — к Императрице. Та, что поменьше, встряхнула крылышками, словно говоря: «Гляди, Нянюшка, на мое новое платье!»

И тут меня осенило.

— Как эта бабочка называется?

А Императрица рыдает в три ручья:

— Нянюшка, ну причем тут бабочки? Не знаю я их названий! Хотя та, что побольше, кажется, Пурпурный Хан. Ох, вечно ты невпопад спрашиваешь!

— Вытри-ка слезы, — говорю. — Искать нам больше некого. Принцесса покинула нас навсегда.

Стряхнула я с руки бабочек и повела Императрицу домой.

У дворцовых ворот гудела толпа: в столицу приехал сам Татарский Хан, а невесты нет! Но завидя нас, толпа закричала:

— Вон они! Вон принцессина нянька идет!

Хан, высокий красавец в пурпурной мантии, сбежал по ступеням нам навстречу. Он направился прямоком к Императрице и, обняв ее, воскликнул:

— Моя принцесса! Моя невеста! Моя красавица!

Императрица онемела от изумления. Да и мы, признаться, тоже. Впрочем, вскоре Императрица пришла в себя и подала мне знак: молчи, мол. Хан обнял ее снова, а я тем временем махнула рукой толпе: молчите! Люди вмиг все поняли, стоят — точно языки проглотили. Хан повел

невесту во дворец. Так все и сладилось. Да и что стал бы он делать с моей малюткой принцессой? В кошелек посадил бы? Так что ему, считай, повезло...

— Ох, я все боялась, что сказка окажется короткой, — сказала Дорис. — Ведь у Мери-Матильды совсем крошечная дырка.

— Твоя правда, — ответила Нянюшка. — Но штопать маленькую дырку непросто. Тут нужна сноровка. А поспешишь — людей насмешишь.

Золотой орел

— Вечно у вас, мальчишек, коленки разодранные, — сказала Нянюшка, вынимая из корзинки еще пару чулок. — Ведь только что зашивала! Верно, опять по деревьям лазили. Точь-в-точь, как Лионелло, что лазил на отцовскую оливу, чтобы золотого орла поймать.

— А кто был этот Лионелло, расскажи, Нянюшка! — попросил Роли. — Хватит сказки про него, чтоб эту дыру заштопать?

Роли очень надеялся, что сказка окажется длинной — дырка-то была огромной: Нянюшка просунула в нее целый кулак!

— Пожалуй, хватит. Сказки про Лионелло как раз хватит на твою дырку...

И, заправив нитку в штопальную иглу, Нянюшка начала:

— Лионелло жил в Италии, отец его служил садовником в господском доме, где я детей нянчила. Самого-то Лионелло я не нянчила, но все про него знала, он у меня на глазах рос. Веселый мальчонка, удачливый и выдумщик в придачу. Хозяином у нас был граф, сады в поместье разрослись чудесные. Граф — тихий такой человечек, незаметный — проشمыгнет как мышка, и нет его; зато Лионелло важно, по-хозяйски расхаживал среди роз и фиговых деревьев, меж статуй и фонтанов, будто он тут самый главный. И я частенько слышала, как он говорил своим маленьким приятелям, крестьянским ребятишкам:

— Эх, не видали вы нашего сада! Фиги у нас огром-

ные, точно дыни, а каждая роза — будто целый букет. Из фонтанов у нас не вода бьет, а шампанское! А таких красивых статуй у самого итальянского короля в саду нет!!!

В нашем саду, мол, и то, и се, и пятое, и десятое. Сейчас и не припомню всех небылиц, которые он про этот чудной, графский, сад выдумывал.

Но это так, к слову, просто чтоб вы знали, какой он был выдумщик.

Как-то раз встречаю его в дальнем конце сада, возле отцовской сторожки, у них там свой клочок землицы был — граф отдал садовнику под грядки. В руке Лионелло держал сачок и шел такой смелый, решительный, никого вокруг себя не замечал.

— Эй, Лионелло, — окликнула я, — ты словно с драконом сражаться идешь!

— Нет, — отмахнулся он. — Я иду ловить золотого орла.

— Да ну! А где ж ты его найдешь?

— У отца на оливе, — ответил Лионелло. — Они всегда там сидят.

Он отправился дальше, а я — за ним. Очень уж любопытно мне стало. У оливковых деревьев я остановилась... Вдруг из листвы клекот, хлопанье крыльев, и Лионелло кричит что-то. Короче, неразбериха такая, что сразу ясно: на орла охота идет. Я поближе подошла, тут Лионелло как раз и спустился: рубашка разорвана, в чулке дырища, на щеке царапина, а под мышкой — матушкина желтая насадка, курица старая.

— Что, — говорю, — Лионелло, поймал своего золотого орла?

— А то как же! Ну, пошел, — и он отбросил насадку прочь. — У нас тут столько золотых орлов развелось — тьма тьмущая. Прямо не знаем, куда деваться.

Но и это так, к слову, просто чтоб вы знали, что Лионелло мой на выдумки был горазд.

Из графского дома я ушла, когда Лионелло был еще мал. Пришлось мне тогда отправиться к королю-людоеду — людоедиков нянчить. Но несколько лет спустя случилось мне заехать в те края, и я навестила графских деток — ведь я своих питомцев никогда не забываю. Графские дети уже выросли, и молодой граф как раз собирался жениться на самой красивой девушке в округе. Я посмотрела на невесту и вмиг ее вспомнила: она и в детстве такая хорошенькая, ладная девчушка была. Я ее поцеловала и благословила. А потом спрашиваю:

— Что с Лионелло случилось?

— Жив здоров, все в той же сторожке,— улыбается графский сынок.— Он теперь у нас садовником, отец-то его умер. Кстати, Лионелло женился на прошлой неделе.

— Да ну! И на ком же?

— На Аните, дочке торговца углем.

— Помню-помню,— обрадовалась я.— Хорошая девочка, большеротая такая, курносенькая.

Попрощалась я со счастливыми женихом и невестой и пошла в дальний конец сада, к Лионелло. Он как раз поливал розы возле сторожки, узнал меня издали и весело так закричал:

— Нянюшка, привет!!! Как я рад тебя видеть!

— И я тебя рада видеть, Лионеллушко, рада, что не забыл старую.

— Тебя разве забудешь! Ты и не изменилась совсем.

Сам-то он стал теперь пригожий, статный парень, но я говорю:

— Ты тоже ни капельки не изменился!

Он, конечно, и выше стал, и в плечах шире, но все такой же смешливый, и глаза блестели так же ярко, как, бывало, в детстве. Лионелло от моих слов развеселился не на шутку:

— Ой, Нянюшка, ой, уморила! Не изменился!!! Нет, шалишь! Изменился, да еще как! Помнишь, как я сам себе голову морочил? Гонялся за наседкой и называл ее золотым орлом? Ха-ха! Помнишь? Я-то думал, что обманываю тебя, а на самом деле только себя и дурачил.

— Зато был счастлив.

— Еще как! Впрочем, я и теперь счастлив. Я теперь даже счастливей прежнего.

Он взглянул на меня, широко улыбнулся и радостно выпалил:

— Я на прошлой неделе женился!!!

— Что ты говоришь!

— Да-да! И как ты думаешь, на ком? Ну же, Нянюшка, догадайся! Красивей девушки во всей Италии не сыщешь!

— Неужели?

— Правда-правда! И знаешь что? Молодой граф теперь тоже женится. Раньше все решиться не мог, а потом я женился на Аните, и он вдруг понял, что самую-то красавицу из-под носа увели. Ну, он и взял вторую по

красоте. Она, конечно, хороша, только жене моей и в подметки не годится. Пойдем, я тебе Аниту покажу.

Шла я в сторожку вслед за Лионелло и все думала, как же простушка, какой Анита в детстве была, смогла в красавицу вырасти? Тут и сама Анита на пороге показалась, подбежала к нам, улыбается: мне — радостно, а Лионелло — и того пуще.

Лицо девушки осветилось улыбкой, и не беда, что осталась она прежней курносой простушкой. Лионелло просиял и шепнул мне на ухо:

— Видишь, Нянюшка! Что я тебе говорил? Краше во всей Италии нет!

С этими словами Нянюшка закрепила нитку и оторвала хвостик.

— Ой, Нянюшка! — воскликнул Роли. — Неужели заштопала? Так быстро... Дыра же была такая огромная!

— Верно, мой милый. У некоторых на коленках такие дырки, что вовек не заштопаешь. Вот и приходится заплатки ставить.

Два брата

— Ох-ох-онюшки, — вздохнула Старая Нянюшка, взглянув на корзинку нештопанных чулок. — А прежде-то, в Греции, ни девочки, ни мальчики чулок не носили. Знай их матери, от какой маяты их судьба избавила — порадовались бы.

— А что же ты им не сказала? — спросила Дорис.

— Да я, девонька, и сама не знала. Я тогда, помню, Талию нянчила.

Нянюшка произносила «Талия», в рифму с «Мария».

— В те стародавние времена о чулках и не помышляли. У Талии была одна одежка — маленькая белая туника, а руки, ноги и шейка оставались голыми. Ах да, еще было одеяние: поясок из зеленых листьев и веноч из луговых цветов, она их сама на прогулке плела. Талия была единственной дочкой знатного афинянина, и было у нее два брата — на десять лет старше и тоже близнецы, вроде Рони и Роли. Только разница у них с сестрой не то что у вас: Талии десять лет было, а им по двадцать.

Звали братьев Саймон и Даймон, и в сестренке своей они души не чаяли, даже ревновали ее друг к другу, хотя сами дружили — водой не разольешь. Сестренка между тем подросла, превратилась из младенца в хорошенькую девочку, и Саймон с Даймоном наперебой старались ей угодить, чтоб она полюбила одного брата крепче, чем другого. Только у Талии день на день не приходится: то она больше Саймона любит, и Даймон тогда ходит мрачный как туча; то она к Даймону льнет, и тогда Саймон хмурится и брата сторонится.

Однажды Талия исчезла. Я зазевалась, а она выбралась из дворца и пропала. Сперва мы не тревожились, ведь она частенько убегала погулять. Но прошел час, два, три. Мы кинулись на поиски, и вскоре стало ясно: нет ее ни во дворце, ни в городе. Отец разослал гонцов во все концы Афин. Простой люд знал и любил Талию, всякий узнал бы ее и защитил, ни один волос не упал бы тут с ее головы. Но никто в Афинах ее не видел. Тогда мы принялись искать ее по лесам и лугам. Наконец, в горах повстречался нам старый пастух. Он нес ягненка, отбившегося от стада. Спросили мы его о беглянке и услышали в ответ:

— Видел-видел. Забрела ко мне с утра, с ягнятами поиграла. Уж не знаю, кто она такая, только ягнята ее ничуть не боялись. А мне что? Пусть играет. Потом вдруг словно тень от крыльев над головой пронеслась. Испугался я, думал — орел. Бросился отару сбивать. Но потом вижу: не орел это, а сияющий бог с крылышками на ногах. И спустился он с неба вовсе не за ягнятами, а за девочкой, которую вы ищете.

Поняли мы, что нашу Талию похитил Гермес: из всех богов только у него на ногах крылышки.

Даймон вскричал:

— Я найду сестру или погибну!

И Саймон ему вторит:

— Найду Талию или погибну!

— Вы ей братья? — спросил старик пастух.

— Да, — отвечают они хором.

— Тогда мне велено кое-что вам передать. Поднявшись в воздух до самых макушек деревьев, Гермес остановился и крикнул мне: «Когда братья придут ее искать, скажи, что я верну ее тому, кто пожертвует для нее самым дорогим. Пускай при тебе скажут, чем готовы они пожертвовать. Незримый для людских глаз, я буду рядом и услышу все».

— О, Гермес! — воскликнул Даймон. — Где бы ты ни был, услышь меня! Верни сестру, и я отдам тебе свою силу, пусть бессильно падут мои руки, и я не смогу снова коснуться ее нежных щек.

— О, Гермес! — воскликнул Саймон. — Я отдам не только силу, я отдам свой голос, пусть вовеки не произнесу я милое сердцу имя.

— О, Гермес! — перебил его брат. — Кроме силы и голоса я отдам свое зрение. Пусть мне вовек не коснуться, не позвать, не увидеть милой Талии.

— О, Гермес! — перебил его брат. — Я отдам силу и голос, зрение и слух. Пусть никогда не коснусь я сестры, не увижу ее, не позову и не услышу в ответ ее звонкий голос.

— Кроме того, — снова вступил Даймон, — я готов отдать свою жизнь, лишь бы Талия вернулась домой целой и невредимой.

— И я! И я готов умереть, Гермес! Я тоже умру с радостью, лишь бы спасти сестру.

Саймон и Даймон злобно уставились друг на друга: вдруг брат вспомнит еще что-то, позабытое, и сестру вернут ему? Обоим казалось, что кроме собственной жизни им уже нечего отдать. И они ждали, надеясь увидеть Талию прежде, чем настигнет их смерть.

Но чуда не произошло. Бог не появился. Казалось, сестра теперь потеряна навсегда. Глаза братьев наполнились слезами, взгляды потеплели, ненависть сменилась сочувствием и скорбью, и Саймон с Даймоном раскрыли друг другу свои объятия. Они сказали — одновременно, точно сговорившись:

— Брат мой, сестра потеряна для нас навсегда, но если б ей суждено было вернуться, я не ревновал бы ее больше, я бы отдал ее тебе с радостью!

Едва они проговорили эти слова, старый пастух трижды дунул на ягненка, и перед нами предстала маленькая Талия, милая и веселая, как прежде. Она кинулась обнимать братьев, а старик у нас на глазах превратился вдруг в юношу, в сияющего великолепного бога с крылышками на ногах, взмыл в небо яркой стремительной птицей и исчез в синеве.

Морское Дитяtko

Вот и опустела корзинка. Старая Нянюшка рассказала столько сказок, что перештопала все чулки и носки у Дорис и Мери-Матильды, и даже у Рони и Роли! Конечно, завтра они понаделают новых дырок. Но пока Нянюшка сидит у камина, сложив на коленях руки, и ждет, чтобы дети заснули.

Все утомонились. Только Мери-Матильде не спится. И не грустна, и не больна, да только сна — ни в одном глазу. Все встает и смеется, глядя на Нянюшку поверх прутьев детской кровати. Нянюшка подойдет, уложит ее, подоткнет одеяло, а она перевернется, выглянет из-за прутьев и опять засмеется.

— Спать пора, Мери-Матильда, — баюкает Нянюшка. — Закрой глазки да засыпай.

Но не спится Мери-Матильде. Наконец, Нянюшка берет девочку на руки, идет с ней к камину и — небывалое дело! — принимается тихонько укачивать.

— Что, девонька моя? Не спится? — воркует Нянюшка. — Неужто совсем не спится? Вот и Дитятку Морскому не спалось. Она у меня совсем не спала — ни днем, ни ночью. Первая моя питомица! Никому я о ней не рассказывала. А тебе, уж так и быть, расскажу. Закрывай, Мери-Матильда, глазки да слушай.

Не скажу тебе точно, когда это случилось. Но Потоп уже давно схлынул, и люди снова по Земле расплодились. От роду мне было лет десять и никуда я еще не выбиралась из родной норфолкской деревеньки. Так и жила у моря с отцом да с матерью. Отец рыбачил и пахал, а мать варила и кормила, стирала и убирала, ткала и пряла. Такая уж мужская и женская доля испокон веков. Так что не скажу я тебе точно, когда я появилась на свет, когда Морское Дитяtko нянчила.

Произошло это так. Наша хижина стояла на краю утеса, и волны во время прилива бились под самыми окнами. Зато во время отлива море откатывало так далеко, что и глазу не видно. Старики говорили, будто еще до Потопа, давным-давно, волны и в прилив до деревни не добирались, а утес наш выдавался в море гораздо дальше. И там, на дальней оконечности утеса, стояла другая деревушка.

Но даже когда схлынули воды Потопа, утес остался наполовину под водой, и дальняя деревня оказалась на дне морском. В штормовые ночи оттуда доносился звон — то били колокола на церковной звоннице. Не смейся, девонька, не смейся над старой нянькой. Мы в это чудо крепко верили, а в один прекрасный день поверили и того крепче.

Разразился в наших краях страшный шторм. Старики и те страшней не видывали — точно снова Всемирный Потоп нахлынул. День был черен, как ночь, ветер сметал людей, будто щепки, а дождь лил, словно разверзлось над головой еще одно море. Дом сотрясаясь от непрерывных раскатов — такой грохот не перекричать, и мы приноровились объясняться знаками. А молнии сверкали до того ярко — матушка даже нитку в иголку вдеть успевала. Короче, всем штормам шторм! Мама перепугалась до смерти, но отец поглядывал на небо и говорил:

— Пронесёт! Обойдется!

Отец мой знал толк в погоде — что предсказал, то и вышло. Отсверкали молнии, последние раскаты стихли вдали, дождь кончился, ветер стих, небо расчистилось, и закатное солнце озарило мокрый прибрежный песок, превратив его в золотую скатерть. Сколько видно глазу — кругом золото. Ибо шторм сотворил чудо: он увел с собой море, и обнажилось дно — без конца и края. И там, вдалеке, на золотой скатерти, мы увидели крохотную деревушку, сиявшую в закатных лучах. Только вообрази, Мери-Матильда! Мы своими глазами увидели затонувшую деревню!

Все высыпали на берег. Вдруг я сорвалась с места, и вся ребятня за мной. Мы бежали по морскому дну к воскресшей деревне, а родители кричали нам вслед:

— Вернитесь! Одумайтесь! Море вот-вот хлынет вспять!

Но очень уж нам хотелось рассмотреть деревеньку вблизи. А потом и родители поддались искушению и побежали за нами по песчаному дну. Уже можно было различить дома — точно золотые кирпичики блестели они на солнце, улицы извивались золотыми ручейками, а церковный шпиль сиял, точно огненная игла.

Добралась я до деревни первой. Я ведь отменной бегуней росла: любого обгону — и малого, и большого — и не устану ни капельки. Под конец мы, правда, уже не бежали, слишком далек оказался путь. Но я поспешала и,

ступив на деревенскую улицу, завернула за угол. Вдруг кто-то из взрослых за спиной крикнул:

— Глядите! Там дальше — море!

И в самом деле — на горизонте блестела полоса воды.

— Осторожно! Оно может нахлынуть в любую минуту! Мы не успеем вернуться, нас смое!

Выглянула я из-за угла, вижу: все повернули обратно, бегут что есть мочи. Никто меня не заметил, не окликнул. Родители, верно, думали, что я опять впереди, во главе ребячьей ватаги. Так я и осталась одна-одинешенька в затонувшей деревне.

Как же славно я погуляла по улицам! Заглянула в каждый дом, в каждую комнату. Даже в церковь зашла! Все осталось, будто час назад тут еще кипела жизнь, будто вот-вот вернутся хозяева и примутся за свои дела. В садах цвели цветы, ветви гнулись под тяжестью яблок, столы стояли накрытые, еда теплая, на очагах — кастрюли да чайники, на полу игрушки рассыпаны. А в спальнях, наверху, непременно кто-то спал в каждой кровати. Дедушки и бабушки, отцы и матери, юноши и девушки, мальчики и девочки спали крепким сном, не добудишься. Лишь в одном доме, в комнатке под самой крышей, нашла я в колыбели маленькую девочку, которая не спала.

И скажу я тебе честно, что я в жизни не видывала ребенка милее и краше. Глаза голубые, точно волны морские, недаром море застило ей солнце столько лет. Кожа белая-белая, как морская пена, а волосы золотые, словно песок на закатном солнце. Она заметила меня, села в колыбельке и радостно загукала. Наклонилась я, и она тотчас ко мне на руки пошла, как к родной. Я — давай ее по комнате таскать, вверх-вниз качать, играть с ней повсякому. И приговариваю: «Дитятко! Дитятко мое морское! Красавица моя!». Но вот поднесла я ее к окну, показываю, как что называется, и вдруг вижу: море-то вдаль зашевелилось!

Бежать, думаю, надо — не то смое! Так и выскочила из дома с ребенком на руках и припустила что было сил к далекому берегу. Наши много следов на золотом песке оставили — по ним и бежала. Остановилась раз дух перевести, оглянулась: деревня по-прежнему сверкает на солнце. А другой раз обернулась: деревни и след простыл, на том месте уже волны плещут, меня догоняют.

Остаток пути я пролетела, как на крыльях. Волны мне уже пятки щекотали, когда на берег выбралась. Вбежала я

в дом с Морским Дитятком на руках — никак отдышаться не могу. Дома никого не было, родители к тому времени опомнились — бросились меня искать. А я отнесла девочку наверх, уложила в свою постель, молочка ей согрела. Только она от молока отвернулась, ни есть, ни пить не хочет. Ей бы все играть да смеяться! Поиграли мы с ней, посмеялись, а потом я ее снова уложила. «Спи», — говорю. А она опять за свое: играть да смеяться!

— Закрой, дитятко, глазки, — говорю я ей. — Баюшки-баю, баюшки-баю.

Баюкаю я Морское Дитятко, как, бывало, матушка меня баюкала. А она, знай, смеется.

Тогда я говорю по-маминому:

— Ах ты, непослушная девочка!

Но ей хоть бы что, смеется-заливается.

Я и сдалась, и стали мы опять вместе веселиться.

Тут как раз матушка домой вернулась, услышала наш смех, обрадовалась, что я цела и невредима, прибежала наверх... Как же она удивилась, увидев у меня на руках Морское Дитятко! Я ей все рассказала, она кликнула отца. Он тоже все выслушал и стоит, в затылке чешет, не знает, как быть.

— Мама, пусть она у меня останется! — попросила я.

И матушка согласилась:

— Что ж, девать ее теперь все равно некуда. Но нянчить сама будешь!

А мне только того и надобно! Всю жизнь я кого-нибудь нянчила: то полено, то котенка, то мамину шаль узлом свяжу — точно там, внутри, ребеночек спеленутый. А тут настоящий, живой ребенок! Целую неделю я была сама не своя от радости. Одевала ее, раздевала, купала, причесывала; играла с ней, танцевала, гуляла и развлекала. Кормить тоже пробовала, но она — ни в какую. И спать уложить мне ее ни разу не удалось. Я и баюкала, и пела, и качала, но Морскому Дитятку не спалось.

Меня это не тревожило, зато матушка очень беспокоилась. Я слышала, как она говорит отцу:

— Непростой это ребенок, ох непростой. Помяни мое слово.

Спустя семь дней после шторма я вдруг проснулась среди ночи — сама не знаю, что меня подняло. Вокруг тишина, родители улеглись давно, и Дитятко Морское возле меня тихонько лежит. Полная луна заливала окошко ярким серебряным светом, и вдруг я вижу: снаружи, за

окном, будто плывет что-то. Я сперва решила, что это облако, но оно приблизилось, и я разглядела женщину. Она плыла по воздуху, точно под водой! И глаза ее были крепко закрыты — она спала!

Сквозь распахнутое окошко она вплыла ко мне в комнату и опустилась на кровать — как пловец возле берега касается дна. Она легла и крепко обняла Морское Дитятко, которому, как всегда, не спалось.

— Баю-бай! Баю-бай! — произнесла она, но не по-маминому, а словно волна тихонько нахлынула на прибрежный песок. Шуршанье прибоя — первый звук, что родился на земле, первый вздох... Меня стало сразу клонить в сон: голова тяжелела, глаза слипались. И Дитятко Морское тоже сомкнуло глазки. Дальше я ничего не видела, потому что заснула. А наутро Морского Дитятка рядом не было. Куда делось? Не спрашивай, Мери-Матильда. Верно, уплыла моя девочка в страну снов. Баюшки-баю... Спи, моя хорошая, спи!

Вот и Мери-Матильда спит. Нянюшка кладет ее обратно в кроватку, гасит свет и неслышно выходит из детской.

Царь и хлеб

Жил в одной деревеньке простаки. Да только не из тех простаков, над которыми вся округа потешается. Был он сыном школьного учителя и рос поначалу на диво смыслелым — с колыбели все на лету схватывал. От таких вот шустрых и жди: либо в гении угодят, либо в последние дурачки. Отец, конечно, его в гении прочил и пичкал с малолетства книжной премудростью. Но вот мальчику стукнуло десять лет, и отцовские надежды рухнули. Не то чтобы сыночек поглупел. Хуже. У него, можно сказать, в одночасье совсем разум отшибло. Впрочем... Кто знает, что есть глупость, а что есть разум?.. Теперь Вилли проводил дни в полях — валялся в траве да улыбался. И целыми днями молчал. Но уж если этот молчун разговорится — не остановишь. Болтать он начинал вдруг, точно старая шарманка: все думают, она сломана, а ткнешь случайно ногой — затянет свою незамысловатую песенку. Вот и с Простаком Вилли так же. Никогда не знаешь, от чего за-

ведется. Читать он разлюбил вовсе. Иногда отец подсовывал ему какую-нибудь книжку, в которой он в детстве души не чаял. Но взгляд Вилли равнодушно скользил по знакомым страницам, а потом и вовсе перепрыгивал на вчерашнюю газету. Однако, и газета вскоре навевала скуку. Лишь изредка Вилли-Простак уткнется носом в какую-нибудь заметку, в ерунду какую-нибудь,— уставится и сидит битый час.

Отцу прозвище сына пришлось не по нраву, но деревенские кликали его Простаком любя. И с гордостью показывали Вилли приезжим, точно местную диковинку. Мальчик к тому же был редкостно красив: волосы золотисто-каштановые, кожа тонкая, веснушками усыпана, будто золотой пылью, а голубые глаза смотрят по-младенчески невинно. И красивые губы улыбаются удивительно мягко.

Впервые я увидел Вилли, когда ему было уже лет шестнадцать-семнадцать. Я гостил тогда в его родной деревне. И Вилли очаровал меня, как чаровал он каждого — недаром люди его любили. Первые дни я здоровался, а он лишь улыбался в ответ. Но однажды я лежал в полудреме на краю поля и глядел, как колышится пшеница, а вдали медленно, полоска за полоской падают под острой косилкой спелые колосья. Вдруг появился Вилли-Простак. Молча подошел и улегся рядом. Неожиданно протянув руку, он потрогал скарабея на моей цепочке от часов. Такие фигурки носили в Древнем Египте в надежде на вечную жизнь. Пощупав и осмотрев скарабея со всех сторон, Вилли заговорил:

— Давным-давно я сам жил в Древнем Египте и пахал там отцовское поле. Засеянное поле вскоре покрывалось зеленой дымкой, ростки набирали силу, превращались в спелые колосья. Поле из зеленого становилось золотым. И глядя на это золото, я верил, что богаче моего отца никого в Египте нет.

В те времена Египтом правил царь, у которого было великое множество имен. Называли его всяко, я же выберу самое короткое имя — Ра. Царь Ра жил в большом городе в великолепном дворце. А мы с отцом — в маленькой хижине неподалеку от города. Царя я никогда не видел, но люди судачили о его богатствах, о дворце и нарядах, о короне и драгоценностях, о сундуках, набитых золотом. Ел он на серебряных блюдах, пил из золотых чаш, спал под пурпурным шелковым пологом, расшитым жемчугом. Я слушал людские толки, и казалось мне, будто наш царь

сказочный: не верилось, что он настоящий живой человек — точно мой отец, не верилось, что его золотую мантию можно потрогать, точно колосья на нашем поле.

Однажды летом, когда солнце нещадно палило, а колосья уже потяжелели, я лежал в самой их гуще, в тени, ощипывал колоски и задумчиво жевал почти спелые зерна. Вдруг над головой послышался смех. Возле меня стоял высокий-превысокий человек, я таких верзил и не видал никогда. Густая черная борода курчавилась, глаза смотрели по-орлиному цепко и горделиво. Я сразу догадался, что это царь: его одежды нестерпимо сверкали на солнце. Неподдалеку гарцевали верховые стражники. Один придерживал за поводья царскую лошадь, поскольку сам царь спешился и стоял теперь возле меня. Так мы и смотрели друг на друга: он — сверху вниз, я — снизу вверх. Потом он снова засмеялся и сказал:

— Я вижу, ты доволен жизнью, дитя мое.

— Вы правы, царь Ра.

— Кто ты, дитя?

— Сын моего отца.

— Кто же твой отец?

— Самый богатый человек в Египте.

— Почему ты так решил?

— Моему отцу принадлежит это поле.

Царь окинул наше поле цепким орлиным взглядом и промолвил:

— А мне принадлежит весь Египет.

— Это слишком много, — сказал я.

— С чего ты взял? Вовсе не много. И, разумеется, я богаче твоего отца.

Я недоверчиво покачал головой.

— Говорю тебе — богаче! В чем ходит твой отец?

— В такой же рубахе, как у меня, — я показал свое полотняное рубище.

— Погляди, в чем хожу я! — царь широко взмахнул мантией, и она, опадая, хлестнула меня по щеке. — Как смеешь ты говорить, что твой отец богаче меня?

— Но у него больше золота, — твердил я. — У него есть это золотое поле.

Царь помрачнел: он, видно, сильно рассердился.

— А если я сожгу его поле? Что останется у твоего отца?

— Хлеб. Он снова вырастет через год.

— Царь Египта велик! — воскликнул царь Ра. — Царя

с хлебом не равняй. Царь сам — золото. Он вечен! Он переживет твой хлеб.

Я не поверил и снова покачал головой. Гневная молния сверкнула в глазах царя. Он обернулся к стражникам и вскричал:

— Сжечь это поле!

И они подожгли золотой хлеб с четырех сторон. Царь смотрел на пламя и говорил:

— Вот тебе отцовское золото! Гляди! Никогда прежде оно так не блистало, никогда не заблестит вновь.

Царь Ра ушел, когда наш хлеб сторел дотла и превратился в черную золу. Уходя он крикнул:

— У кого теперь больше золота, а?! Царь Ра вечен, он переживет твой хлеб.

Он вскочил в седло и скоро превратился в далекую блестящую точку — это царская мантия сверкала на солнце.

Отец выбрался из хижины и прошептал:

— Мы погибли... Почему царь сжег наше поле?

Ответить мне было нечего, я и сам ничего не понимал. Убежав в сад, за хижину, я горько расплакался. Слезы текли и текли, я поднял руку, чтобы отереть их, разжал кулак и обнаружил прилипшие к ладони зерна — недоеденный мною колос. Это были остатки наших сокровищ, полколоска вместо тысячи колосьев. Боясь, что царь отберет и это, я поспешно расковырял пальцем землю и сунул по зернышку в каждую лунку. И через год, когда снова налились тяжелым золотом египетские хлеба, в моем саду среди ярких цветов и круглых тыкв гнулись под тяжестью зерен десять колосьев.

В то, следующее, лето царь умер, и похоронили его пышно и торжественно. По обычаю тела египетских царей — фараонов — замуровывают в пирамиде, набитой драгоценностями, дорогими нарядами и золотой мебелью. Много всякой всячины дают ему с собой в царство мертвых. И непременно кладут рядом зерно: вдруг царь проголодается в долгом пути. Снарядили стражника — собрать зерно для царя Ра. Дорога его лежала мимо нашей хижины. Дни стояли жаркие, и, возвращаясь, он остановился у нас немного передохнуть. Стражник рассказал, что несет сноп пшеницы, который похоронят вместе с царем. Усталый, измученный зноем, стражник вскоре уснул. А я все думал и думал: о смерти золотого царя и о золотых зернах. И мне привидился сам царь Ра. Он снова возвышался надо мной и говорил:

— Царь Египта — золото. Он вечен. Он переживет этот хлеб.

Я побежал в сад, срезал колосья и добавил их в сноп спящего стражника. Проснувшись, он забрал сноп и пошел своей дорогой. Царя Ра похоронили, и мои колосья похоронили вместе с ним.

Вилли-Простак умолк, лишь тихонько поглаживал моего скарабея.

— И это конец, Вилли? Ты все рассказал?

— Нет, не все. Сотни, тысячи лет спустя, в прошлом году, какие-то англичане нашли в Египте гробницу царя Ра и там, среди прочих драгоценностей, оказались и мои колосья. Шитая золотом царская одежда истлела и рассыпалась, а золотые колосья остались целы и невредимы. Эти англичане привезли немного зерна в Англию. По дороге они остановились передохнуть в доме моего отца, как египетский стражник когда-то. Они рассказали отцу, какое сокровище везут с собой, даже показали колосья. Я держал их своими руками, я узнал их! — Вилли радостно улыбался. — И к моей ладони опять прилипло зернышко. Я посадил его здесь, посреди поля.

— Значит, если оно проросло, колос там, на несжатой полосе?

Я взглянул на косилку, она медленно заходила на последний круг. Вилли поднялся и дал знак следовать за ним. Мы внимательно осмотрели несжатую полосу. Наконец, Вилли указал на колос, что уродился выше и сиял ярче других.

— Неужели этот? — спросил я.

Вилли улыбнулся, точно малый ребенок.

— Он и впрямь золотится ярче своих собратьев, — заметил я.

— Конечно, — ответил Вилли-Простак. — Так кто же вечен: золотой царь или золотой хлеб?

Тимы

Ровно сто лет назад — а может, годом раньше или позже — точнехонько посреди Англии — а может, к северу

или к югу — стояла Счастливая деревушка. И счастливой была она оттого, что жили тут Тимы.

В семействе их было пятеро: Старый Тим, Большой Тим, Юный Тим, Маленький Тим и Крошка Тим. И все они уродились мудрецами. Что бы в деревне ни случилось, что бы ни стряслось — засуха, пропажа или еще какая напасть, — люди говорили:

— Надо спросить у Тимов, они наверняка знают, как беде помочь. Недаром мудрецами уродились.

Проведал раз фермер Джон, что цыгане облюбовали его сарай для ночлега. Вы, верно, думаете, будто он сразу позвал констебля и упек непрошенных гостей в тюрьму? Ничего подобного! Фермер Джон подумал: «Пойду-ка я посоветуюсь со Старым Тимом».

И он отправился к Старому Тиму, а тому было от роду восемьдесят лет. Старый Тим сидел у камина и попыхивал глиняной трубкой.

— Утро доброе, Старый Тим, — приветствовал его фермер Джон.

— Доброе, доброе, — согласился Старый Тим, вынув изо рта трубку.

— У меня в сарае опять цыгане ночевать повадились, — пожаловался фермер Джон.

— Неужто опять? — посочувствовал Старый Тим.

— Да, вот напасть какая, — разохался фермер Джон.

— Ну надо же! — подивился Старый Тим.

— Ты у нас мудрецом уродился, — сказал фермер Джон. — Что б ты сделал на моем месте?

Старый Тим снова принялся сосать трубку. И произнес:

— Будь я на твоём месте, я бы спросил Большого Тима. Он тоже мудрецом уродился, но ему от роду всего шестьдесят. Значит, он на целых двадцать лет ближе к мудрости.

Пошел фермер Джон искать Большого Тима, который Старому Тиму доводился сыном. Большой Тим сидел на заборе и покуривал вересковую трубку.

— Утро доброе, Большой Тим, — сказал фермер Джон.

— Доброе, доброе, — сказал Большой Тим, вытащив трубку изо рта.

— У меня в сарае опять цыгане ночевать повадились, — пожаловался фермер Джон. — И Старый Тим велел у тебя спросить, что б ты сделал на моем месте. Ты ж у нас мудрецом уродился.

Большой Тим снова вынул изо рта трубку и промолвил:

— На твоём месте я бы спросил Юного Тима. Он тоже мудрецом уродился, но ему всего сорок. Значит, он на двадцать лет ближе к мудрости.

Отправился фермер Джон искать Юного Тима, а был он не кто иной, как родной сын Большого Тима. Юный Тим лежал в стогу и жевал соломинку.

— Утро доброе, Юный Тим,— сказал фермер Джон.

— Доброе, доброе,— согласился Юный Тим, выпнув соломинку изо рта.

Фермер Джон пожаловался ему на свою беду и под конец добавил:

— Меня к тебе Большой Тим прислал. Ты ж у нас мудрецом уродился.

Сунув соломинку обратно в рот, Юный Тим сказал:

— Маленький Тим тоже мудрецом уродился, но ему всего двадцать. Значит, и мудрость его на двадцать лет свежее.

Отправился фермер Джон к Маленькому Тиму, который доводился Юному Тиму родным сыном, и застал его на берегу мельничного пруда. Маленький Тим жевал яблоко.

— Доброе утро, Маленький Тим,— сказал фермер Джон.

— Доброе, доброе,— согласился Маленький Тим, прожевывая кусок яблока.

В четвертый раз поведал фермер Джон о своей беде и напоследок добавил:

— Юный Тим считает, что ты подскажешь, как быть. Ты ведь у нас мудрым уродился.

Но Маленький Тим откусил еще кусок яблока и сказал:

— Моему сыну от роду месяц. И он тоже мудрым уродился. Он пока у самых истоков мудрости. Пойди к нему.

Фермер Джон нашел Крошку Тима — сына Маленького Тима — в колыбели. Он сосал большой палец.

— Утро доброе, Крошка Тим,— сказал фермер Джон.

Крошка Тим вытащил палец изо рта и ничего не ответил.

— Крошка Тим, у меня в сарае опять цыгане ночевать повадились,— сказал фермер Джон. Маленький Тим ве-

лел к тебе за советом идти. Ты, говорят, мудрым уродился. Что б ты сделал на моем месте? Как скажешь, так и сделаю.

Крошка Тим снова сунул палец в рот и промолчал.

А фермер Джон пошел домой и сделал то же самое.

Цыгане вскоре перекочевали в другую деревню и заночевали в сарае у фермера Джорджа. И фермер Джордж позвал констебля и упек цыган в тюрьму. А те в отместку у него и сарай, и стога дотла спалили, да еще и рябую несущку украли — недели не прошло.

Зато Счастливая деревня жила по-прежнему счастливо. Ничегошеньки деревенские не делали, ничего не принимали. Конечно, и в Счастливой деревне не всякий день гладко проходил. Как-то Мельничиха в сердцах оттащила Мельника за уши; другой раз бродячий торговец дал Молли Браун фальшивую монетку, а однажды сам преподобный отец хлебнул лишку и горланил песни на всю округу. Только деревенские ни во что не вмешивались. И все потихоньку налаживалось.

Но вот пришел день, когда Крошка Тим, так и не женившись, умер, дожив до ста лет. И Счастливая деревня стала совсем обычной. Деревенские, оставшись без советчиков, стали поступать, как все.

Юная Кейт

Однажды, давным-давно, в домишке на окраине одного городка жила старушка. Звали ее мисс До. И была у нее служанка Кейт. Раз послала ее хозяйка протирать чердачные окна. И за этими окнами взгляду девочки открылся вдруг простор без конца и края: сразу за городом раскинулись зеленые луга. Справив всю работу, Кейт обратилась к мисс До:

— Хозяйшкa, пусти на лужок погулять.

— Нет-нет, нельзя тебе на луга ходить.

— Отчего ж нельзя?

— Не ровен час, Травницу повстречаешь. Запри-ка лучше ворота да садись чулки штопать.

Неделю спустя Кейт снова случилось протирать окна на чердаке. На этот раз она разглядела речку, что извивалась по дну долины. Выполнив всю работу, девочка сказала мисс До:

— Хозяюшка, а на речку отпустишь?
— Нет-нет, нельзя тебе на речку ходить.
— Отчего ж нельзя?
— Там Речного Короля повстречаешь. Запри-ка лучше дверь на засов да счисть копоть с медных чайников.
Спустя еще неделю, протирая чердачные окна, разглядела Кейт далекий лес на склоне холма. Сделав всю работу, она попросила мисс До:

— Хозяюшка, отпусти хоть в лес погулять.
— Нет-нет,— сказала мисс До.— Нельзя тебе в лес, нипочем нельзя!

— Отчего же?
— Ты там Пясуна встретишь. Задерни-ка шторы да начинай картошку чистить.

С той поры мисс До больше не посылала Кейт на чердак. Шесть долгих лет прожила у нее девочка: штопала чулки, оттирала от копоты медные чайники, чистила картошку. А потом мисс До умерла, и пришлось Кейт искать другую работу.

Прослышав, что за холмами, в соседнем городке, есть работа, Кейт засобиравлась туда. Денег на дорогу у нее не было, вот и пришлось пешком идти. Только пошла она не по дороге. Чуть за околицу — сразу свернула на луга. Не прошла и трех шагов, глядь: Травница стоит, цветы сажает.

— С добрым утром, Кейт,— сказала она.— Куда путь держишь?

— Иду в городок, за холмы.

— Ты, коли торопишься, иди по дороге. Я ведь напрямик, через луга, не всякого пропущу. Сперва придется тебе цветок на лугу посадить.

— С радостью!— воскликнула девушка и, взяв у Травницы совок, посадила ромашку.

— Спасибо,— сказала Травница.— А теперь нарви себе цветов, сколько хочешь.

Кейт набрала букет. На прощанье Травница сказала:

— Запомни крепко: посадишь один цветок — тебе пятьдесят прибудет.

И Кейт пошла дальше, к реке, что извивалась по дну долины. На берегу, в камышах, она повстречала Речного Короля.

— С добрым утром, Кейт,— сказал он.— Куда путь держишь?

— За холмы, в город,— ответила девушка.

— Ты, верно, спешишь? Так шла бы по дороге. А то ведь я не всякого вдоль реки пропущу. Сперва присесть придется да песенку повеселее спеть.

— Отчего ж не спеть? С удовольствием!—и, присев на берегу у камышей, Кейт спела песню.

— Спасибо,—сказал Речной Король.—А теперь послушай меня.

И он принялся петь для нее песню за песней. И перепел все до единой только к вечеру. Тогда он поцеловал Кейт и сказал:

— За каждую спетую песню услышишь ты пятьдесят новых.

И девушка отправилась дальше, к далеким лесам на склонах холмов. Там, едва войдя в лес, она повстречала Плясуна.

— Добрый вечер, Кейт,—сказал он.—Куда путь держишь?

— Иду за холмы, в город,—ответила Кейт.

— Хочешь дойти к утру—иди по дороге,—сказал Плясун.—Я через лес только тех пропускаю, кто сплясать для меня не откажется.

— Зачем же отказываться? Спляшу!—и Кейт станцевала легко и ловко, стараясь угодить Плясуну.

— Ну, спасибо!—сказал он.—А теперь гляди!

И он пустился в пляс. Взошла луна—а он все плясал, луна закатилась—а он все плясал. Лишь к утру остановился, поцеловал Кейт на прощанье и сказал:

— Разок спляшешь—все для тебя тоже с радостью спляшут!

Пришла Кейт в город. Там, на самой окраине, ее взяла в служанки старушка мисс Дрю. Хозяйка запирала домишко на закате и не пускала девушку ни на луг, ни к речке, ни в лес.

Но годы шли, Кейт совсем повзрослела, вышла замуж, появились у нее дети и даже своя маленькая служанка. Вечерами, когда вся работа по дому была сделана, Кейт отворяла дверь и говорила:

— Бегите, детки, бегите на лужок, бегите к речке, бегите в лес. Вдруг вам посчастливится, и вы повстречаете Травницу или Речного Короля, или Плясуна.

И дети со служанкой выбегали из дома...

Потом они возвращались—с веселыми песнями, с удалыми танцами и с охапками луговых цветов. А Кейт поджидала их на пороге.

Безымянный цветок

Как-то раз крестьянская дочка Кристи отправилась на лужайку, которая зеленела позади матушкиного огорода, и сорвала там цветок. Случилось это давным-давно, но все же на людской памяти: то есть не сегодня и не в первый день творения, а как раз посередине.

Кристи очень обрадовалась цветку — он и в самом деле был красив — и побежала к матушке, поделиться своей радостью.

— Мама! Гляди, какой я цветок нашла!

Матушка поливала клумбу с гвоздиками. Но услышав дочкин голос, она поставила кувшин и поспешила навстречу. Времени на ребенка она никогда не жалела.

— Какой красивый! — воскликнула матушка, взяв цветок в руки.

— Я его на лужайке нашла! А как он называется? — спросила Кристи.

— Ну как же! Это... это... Ой, а я и не знаю! Спроси лучше отца.

Отец в это время чинил изгородь. Подбежав к нему, Кристи протянула цветок.

— Пап, как он называется?

— Дай-ка взглянуть... — и отец отложил молоток. Он рассматривал цветок со всех сторон, внимательно и долго, а потом почесал в затылке.

— Ну и ну! Забыл! А может, и вовсе не знал. Слушайка, я сегодня пойду к леснику за кротоловками. Он, верно, про цветок скажет, он про них все знает.

Обсудив с лесником своё дело, крестьянин показал ему цветок.

— Как он называется?

Лесник поглядел, понюхал, подумал. И в конце концов произнес:

— Я таких никогда не видел — ни в лесу, ни в поле, ни в горах, ни в болотах. Не знаю я его имени. Но ты мне его отдай: я пойду сегодня на помещичью усадьбу, так заодно спрошу у секретаря. Он малый смекалистый и книгочей к тому же — недаром очки носит.

Секретарь знал о цветах все. Или почти все. Во всяком случае, он прочитал о цветах все книги со всего света, потому что они были собраны в хозяйской библиотеке. И едва лесник произнес: «Есть тут у меня один цветок, да на-

звания его я не знаю...», как секретарь тут же ответил: «Показывай, я тебе мигом скажу».

Но взглянув на цветок, он понял, что поторопился.

— Удивительно! — воскликнул секретарь. — Я знаю все цветы: и научные названия, и просторечные. Но этот мне незнаком! Оставь его здесь, я постараюсь выяснить.

Секретарь засушил цветок между страницами огромного фолианта. И целый год расспрашивал о цветке мудрейших ученых со всех концов королевства. Вскоре даже заморские мудрецы принялись ломать головы: как же он все-таки называется. Но ответа так никто и не нашел.

И вот, спустя год, секретарь пришел к леснику и сказал:

— У твоего цветка нет никакого имени.

— У какого цветка? — лесник к тому времени уже позабыл, о чем идет речь. Секретарь, однако, продолжал:

— Мудрецы со всего света решили так: раз Адам дал имена всем цветам и травам, а этот цветок остался безымянным, значит Господь сотворил его позже. Раз Адам не дал ему имени, значит имени у него нету. Раз у него нет имени — его надо уничтожить. Нельзя же жить без имени! Так решили мудрецы, и так они и сделали.

— Твоя правда, — отозвался лесник. — Без имени жить нельзя.

И, повстречав крестьянина, лесник сообщил ему:

— У твоего цветка имени вовсе не было.

— У какого цветка? — крестьянин давно позабыл эту историю.

Но лесник разъяснил ему суть дела и добавил, что мудрецы порешили уничтожить безымянный цветок.

— Что в мире ни делается — все к лучшему, — вздохнул крестьянин, а за ужином сказал дочке:

— У твоего цветка так-таки не было имени.

— Но где он? — спросила Кристи.

— Мудрецы его уничтожили.

На том разговор и кончился. И все позабыли о прекрасном цветке. Все — кроме Кристи.

Всю жизнь, до самой смерти Кристи вспоминала:

— Я в детстве раз нашла очень, очень красивый цветок.

А когда люди спрашивали, как назывался ее цветок, Кристи, улыбнувшись, отвечала:

— У него не было имени, но Господь знает, что творит.

Золотая рыбка

Жила-была золотая рыбка, маленькая, совсем малёк. Жил наш Малёк в морских глубинах в те незапамятные времена, когда всем рыбам — и большим, и малым там хватало места. Жил Малёк мирно и счастливо, одна лишь была забота — не попасться в рыбацьи сети. Отец всех рыб, морской Царь-Нептун, наказал детям строго-настрого: к сетям не подплывать. И рыбы легко избегали опасности, а среди них и наш Золотой Малёк. Он резвился на просторе в голубых и зеленых водах, а в жару спускался к самому дну, зарывался там в песок или медленно пробирался меж раковин, жемчужин и кораллов, возле огромных валунов, поросших анемонами, а вокруг вились и колыхались пестрые желто-зеленые водоросли. Иногда Золотой Малёк всплывал на поверхность, где по морской глади гнались друг за дружкой белые барашки, или огромные валы, будто стеклянные горы, вздымались над бездной и разбивались о скалы на бесчисленные тысячи брызг. Иногда, поднявшись наверх, Малёк замечал еще выше, в ясных голубых водах, огромного Золотого Кита. Кит сверкал не хуже нашего малька, но был большим и круглым, как Медуза. Порою же вместо Золотого Кита в вышине появлялась невиданная Серебряная Рыба. Небо тогда бывало темным, а Рыба то круглилась, то плыла боком, выставя вперед острые серебряные плавники. Наш Золотой Малёк завидовал огромному Золотому Кита и ревниво следил, как он плывет в голубой дали. Зато в Серебряную Рыбу он влюбился с первого взгляда и все стремился к ней, в вышину. Но, странное дело, Мальку все время что-то мешало: только всплывет на поверхность — дыхание тут же сбивается, и Малька отбрасывает обратно в глубины, откуда Серебряной Рыбы даже не видно. Тогда золотая рыбка-малёк бросался в погоню, летел по бесконечным морским просторам вслед за Серебряной Рыбой, а та опускалась все ниже и ниже — вот-вот нырнет в море... Но — увы! — ни разу не довелось им встретиться.

Однажды ночью был полный штиль; наш Малёк плыл у самой поверхности и вдруг увидел над головой тень громадной темной рыбы. По её брюху тянулся длинный острый плавник, а сама рыба высилась над морем. Всех рыб — и больших и малых — знал наш Малёк, но такой

не встречал никогда! Больше кита! А черна-то, черна — точно чернила у каракатицы! Малек поплавал вокруг, потыкался любопытным носом в брюхо громадной Рыбы и, наконец, спросил:

— Ты что за рыба?

Огромная черная тень качнулась и засмеялась:

— Я вовсе не рыба. Я — корабль.

— Что же ты делаешь в море, раз ты не рыба?

— Сейчас отдыхаю, потому что ветер не дует мне в паруса. Но я дождусь попутного ветра и отправлюсь путешествовать по свету, по миру.

— Что такое мир?

— Все, что есть вокруг — видимое и невидимое.

— Выходит, я тоже мир? — удивился Малёк.

— Разумеется.

Малёк весело плеснул хвостом:

— Вот так новость! Вот так радость!

Проплывавшая мимо Морская Свинья сделала Мальку выговор:

— Что это ты расшумелся?

— Я — свет! Я — мир! — не унимался Золотой Малёк.

— Кто тебе сказал?

— Рыба-Корабль, — ответил Малёк.

— Вздор! — отозвалась Морская Свинья. — Пускай докажет! — и она поплыла дальше.

Малёк присмирел, его радость омрачило сомнение.

— Как это мир может быть невидимым? — спросил он у Корабля. — Если мир — это я, значит, я должен видеть его целиком!

— Придется поверить мне на слово. Такому малышу не увидеть целиком весь мир. За горизонтом всегда будет что-то скрываться — неведомые земли, невиданные чудеса. Наш мир круглый, как апельсин, но и этого тебе не увидеть и не понять.

И Корабль поведал Мальку о неведомых землях, что лежат за горизонтом, о мужчинах, женщинах и детях, о цветах и деревьях, о птицах с глазами на пестрых хвостах, которые раскрываются, словно веер. Он рассказал о белых и черных слонах, о колокольнях с дивным перезвоном... А Золотой Малёк плакал от тоски, от того, что не заглянуть ему за горизонт, не понять, что мир кругл, не увидеть и не объять всего, что есть в этом мире.

Корабль посмеялся над его печалью:

— Дружочек, не плачь! Будь ты сама Луна или даже

Солнце на небосклоне, тебе и то не удалось бы увидеть всё разом. Они тоже видят лишь свои полмира!

— Кто такая Луна?..— спросил Малёк.

— Вон та серебряная полоска на небе.

— На небе?— удивился Малёк.— Я думал, это другое море... А Серебряная Рыба, значит, зовется Луной?.. Ну а Солнце что такое?

— Золотой шар, который катит по небу днем,— ответил Корабль.— Говорят, что он — возлюбленный Луны и дарит ей свой свет.

— А я... Я отдам ей весь мир! — воскликнул Золотой Малёк.

И, пробив морскую гладь, взметнулся ввысь из всех сил. Но до Луны не допрыгнул, свалился обратно в море, золотым камешком опустился на самое дно и горько-горько заплакал. Он плакал много дней. Корабль рассказывал ему слишком много, его маленький разум тщился разобраться — и не мог, но душа наполнилась тоской и желанием. Хотелось завладеть Серебряной Луной, хотелось стать могущественней самого Солнца, хотелось увидеть весь мир — сверху донизу, до горизонта и за горизонтом...

Царю-Нептуну, правителю морских глубин, случилось как-то проплывать в тех краях меж белых и алых кораллов. Вдруг он услышал не то смех, не то храп, не то хрюк и увидел жирную Морскую Свинью — бока ее от хохота ходили ходуном. Невдалеке, среди своих слез, горюстил Золотой Малёк.

Царь-Нептун, как всякий хороший отец, старался делить со своими детьми все беды и все радости. И он спросил Морскую Свинью:

— Что тебя развеселило?

— Ха-ха-ха! — хрюкала Свинья, — Золотой Малёк так горюет — обхохочешься.

— Что за горе у Золотого Малька? — спросил Царь-Нептун.

— Ха-ха-ха! Тоже мне горе! Он тут плачет уже семь дней и семь ночей, все глаза выплакал! Ха-ха-ха! Хочет взять в жены Луну, победить Солнце и завладеть миром!

— Ну а ты? — промолвил Нептун. — Не доводилось тебе мечтать и горевать?

— Мечтать?! — фыркнула Свинья. — Эти Луна и Солнце — простые светильники. Кому они нужны? И о мире нечего плакать — ни потрогать его, ни съесть... Нет, па-

пенька! Вот если у меня обед из-под носа уплыл, я горюю. А на остальное — плевать!

— Что ж,— промолвил Нептун.— Всякой твари есть место в этом море.

Склонившись над Золотой рыбкой-мальком, он поднял его на руки и укоризненно погрозил пальцем:

— Ну, будет, детка. Хватит плакать. Слезами горю не поможешь. Ты и в самом деле хочешь взять в жены Луну, победить Солнце и завладеть миром?

— Да, папа! Очень хочу! — восторженно воскликнул Золотой Малёк.

— Ну тогда решено! Полезай-ка ты в рыбацкие сети. Вон, видишь, темнеют над головой? Не боишься?

— Не боюсь, если они помогут мне получить все, чего я так хочу!.. — отважно ответил Малёк.

— Что ж, рискни! Твои желания сбудутся! — пообещал Царь-Нептун и выпустил Золотого Малька. Тот вильнул плавниками и храбро устремился к разинутой сетчатой пасти. Когда сеть уже почти захлопнулась, Нептун запустил туда еще одну рыбку и, погладив зеленую бороду, поплыл дальше по своим владениям среди своих чад — больших и малых.

Вы спросите, что же случилось с Мальком? Рыбаки выбрали сети, и на дне лодки оказалась наша Золотая рыбка-малёк и еще одна рыбка, серебряная, — прелестная круглая рыбка с шелковистыми плавниками, так похожая на круглую Луну.

— Парочка — как на подбор! — восхитился рыбак и отвез рыбок на берег, своей маленькой дочке. Чтобы обрадовать малышку еще больше, он купил большой круглый аквариум, насыпал дно песком, бросил туда ракушек, гальки, кораллов и посадил водоросли. Наполнив аквариум морской водой, он пустил туда рыбок и поставил этот маленький стеклянный мирок на подоконник.

Золотой Малёк обезумел от счастья. Он подплыл к Серебряной Рыбке и воскликнул:

— Ты — Луна, ты спустилась ко мне с неба! Погляди, как прекрасен и кругл мир! Он твой!

С одной стороны сквозь стекло аквариума виднелись цветы и деревья в саду, с другой — каминная полка, а на ней диковинные слоники, которых рыбак привез из дальних стран: один черный, эбонитовый, а другой — из белой слоновой кости. На стене висел веер из павлиньих перьев с разноцветными сине-зелено-золотыми глазами,

а на другой стене, на полочке, стояла маленькая китайская пагода, увешенная колокольчиками. На дне аквариума был привычный песчано-коралловый мир, а сверху рыбкам светили три улыбки — мужская, женская и детская.

От радости Золотой Малёк плеснул хвостом и крикнул своей серебряной невесте:

— О, Рыба-Луна! Я теперь могущественней Солнца! Ведь я дарю тебе не полмира, а весь мир — видимый и невидимый!

Царь-Нептун, хоть и жил на дне морском, мог слышать своих детей отовсюду. Он усмехнулся в бороду и сказал:

— Нечего такой мелюзге делать в огромном океане. Надо дать им мир по плечу...

С тех пор золотые рыбки и не знают иного мира, кроме стеклянного аквариума.

Щенок-спаниель

I

Когда у Джо Джолли умер отец, впору было по миру с сумой идти. Всего-то богатства в доме — одна табуретка. Дом и тот был чужим, владелец усадьбы сдавал его старику Джолли, своему дровосеку, в счет жалованья. А по пятницам старик получал остаток положенных ему денег — три шиллинга. Даже топор у отца — и тот был чужой.

Джо вырос в лесах, грамоты не знал, зато любое дело в его руках спорилось. И еще он очень любил всякую живность, лесную и домашнюю, любил — как дышал, просто и бесхитростно; так же безыскусно любил он своего отца и частенько помогал ему рубить дрова, хотя ни помещик, ни управляющий даже не подозревали, что Джо есть на свете.

Старик Джолли захворал в четверг вечером, когда всю недельную зарплату они уже проели. Отец присел на свою старую табуретку и сказал:

— Джо, пора мне, видно, на тот свет отправляться.

Наутро он уже не смог встать с постели. Джо сам на-

рубил дров — сколько положено за день, а на закате пришел к управляющему за отцовскими шиллингами. Управляющий спросил:

- А ты кто таков?
- Сын Джона Джолли,— ответил парень.
- Почему Джон Джолли не пришел сам?
- Заболел.
- Кто же будет за него работать?
- Я,— ответил Джо.

Управляющий отсчитал три шиллинга и больше вопросов не задавал. А про себя решил, что если, паче чаянья, Джон Джолли умрет, он определит на его место дядьку своей жены: хватит старому хлеб задарма есть да на печи лежать.

Джон Джолли, однако, прохворал еще без малого месяца. Джо ходил за ним, как нянька за малым ребенком, и один справлял всю работу дровосека. Когда в доме больной, на три шиллинга не проживешь. Чтобы облегчить страдания отца, Джо постепенно продавал мебель и на вырученные деньги покупал лекарства. Спустя месяц осталось в доме четыре угла, старая табуретка да материнское обручальное колечко, сделанное из меди, а Джон Джолли мирно покоился в земле, и над ним шелестели травы. Тогда-то Джо впервые всерьез задумался над своим будущим житьем-бытьем. Впрочем, размышлял он недолго. Восемнадцать лет от роду, проворный и ловкий, точно белка, стройный и загорелый, точно сосновый ствол, что золотится на закатном солнце,— в общем, парень он был хоть куда. Но ничего, кроме отцовского ремесла не знал и не умел, поэтому решил проситься на отцовское место.

В пятницу, придя за деньгами, Джо сказал управляющему:

- Отец больше не будет рубить вам дрова.
- Отчего же? — спросил управляющий, втайне надеясь на добрые для себя вести.
- Его Бог прибрал,— ответил Джо.
- Вот как! Значит, освободилось место дровосека, и пятидесяти лет не прошло!
- Возьмите меня на его место,— попросил Джо.

Но управляющий твердо решил сбить с рук постылого жениного дядьку. Он поджал губы, почесал нос и, покачав головой, произнес:

- На это место нужен человек опытный.

Отсчитал три шиллинга, пожелал Джо удачи и отправил парня с глаз долой.

Спорщик из Джо был никудышный. Он-то знал, что опыта ему, несмотря на молодость, не занимать, но понимал и другое: раз управляющий решил его не брать, значит, спорить без толку. Джо вернулся в свою хижину и подумал, взглянув на отцовскую табуретку:

— С собой ее не забрать, продавать не хочется, на дрова пустить тоже жалко, да и будущему дровосеку надо на чем-то сидеть... К тому же и табуретка наверняка хочет остаться в родных стенах не меньше моего. Только ей — оставаться, а мне — в путь отправляться. Прощай, старая!

И Джо пустился в путь-дорогу с тремя шиллингами да медным колечком в кармане.

II

Никогда прежде не доводилось Джо уходить так далеко от родных мест. Лес он любил пуще всего на свете, и не манили его чужие дали. Но вот, не прошло и двух дней со смерти отца, а он уже покинул отчий дом и идет по широкой дороге — к новому и неведомому. Он не загадывал, куда идти, ноги сами несли его туда, куда звала дорога. Джо держал ушки на макушке и вдруг услышал слабый, едва различимый, но знакомый звук — стук топора, такой далекий, будто стучали с того света. Джо, однако, явственно расслышал его и пошел в ту сторону.

В субботний полдень послышался другой звук — тревожно и горестно закулила собака. Джо ускорил шаг, и тропинка вывела его к деревенскому пруду. На берегу толпились мальчишки; один из них собрался топить щенка и отбивался от красивой спаниелихи, которая все время скулила и кидалась на него, пытаясь защитить свое дитя. Остальные мальчишки с равнодушным любопытством ждали, кто же возьмет верх. Наконец, тот, что топил щенка, потерял терпение и, ткнув собаку посильнее, размахнулся, чтобы забросить щенка на середину пруда. Но Джо перехватил его руку:

— Не смей!

Рассвирепевший юнец повернулся, досадуя на помеху, но увидел, что соперник выше и сильнее, и в драку не полез. Только сказал обиженно:

— Ты чего? Щенки на то и рождаются, чтобы их топить.

— Щенков топить я никому не позволю,— сказал Джо.

— Так, может, купишь? — спросил юнец.

— Сколько просишь? — спросил Джо.

— А сколько у тебя есть?

— Три шиллинга.

— Сойдет.

Юнец отдал Джо вислоухого щенка, схватил деньги и дал деру, а за ним и его дружки. Они гоготали, а первый — пуще всех. Спаниелиха подбежала к Джо и, встав на задние лапы, благодарно лизнула руки, которые держали ее щенка так бережно и нежно.

Джо взглянул в ее бархатные карие глаза и сказал:

— Пригляжу я за твоим сынком, не бойся, беги к хозяину.

Но один из мальчишек, отбежав подальше, крикнул:

— Он ей вовсе не хозяин! Он ее утром на отцовском гумне нашел, вместе с щенком! — и всласть насмеявшись над простаком, который так бездарно распорядился своими денежками, мальчишки скрылись из виду.

— Не такая уж плохая покупка,— сказал Джо.— Чудесный щенок и красавица сука. Что ж, дорогие, станем теперь все радости и невзгоды поровну делить!

Джо сунул щенка за пазуху, он там пошебуршился, пригрелся и затих. И Джо вдруг почувствовал, что это его собственный пес, и дороже у него на всем свете никого нет и не будет. Отправился Джо дальше со щенком за пазухой да с пустыми карманами, а спаниелиха побежала следом.

III

Денег у Джо теперь не было, и пришлось ему целый день шагать, затянув потуже ремень на голодном брюхе. Он все шел на стук топора, который звал его неустанно и слышался уже совсем близко. Наконец Джо вышел к лесу. Покинув родной лес, Джо шел все время полями да лугами и радостно ступил сейчас под сень ветвей — он влюбом лесу был как дома. Прошел несколько шагов и услышал вдруг мяуканье — тихое, точно поскуливанье его щенка. Так Джо нашел котенка, совсем маленького, с блес-

тящей золотистой шерсткой,— весь он поблескивал, точно солнечный блик на струящемся ручейке, а глаза мерцали желто, будто тягучий свежавыкачанный мед. Котенок дрожал, поджимая под себя то одну, то другую слабую лапку, и явно обрадовался, когда Джо наклонился и взял его на руки. Он был так мал, что Джо мог спрятать в ладонях его тщедушное пушистое тельце. Котенок совсем продрог, и Джо сунул его к щенку, за пазуху. Котенок заурчал там от радости и тепла.

Надвигалась ночь; стук топора становился все громче, до дровосека оставалось не больше ста шагов. Стук этот был для Джо слаще музыки, он даже замер, заслушавшись. Вдруг раздался треск падающего дерева и стон! Джо бросился на выручку. Упавший ствол придавил дровосека! В сумерках Джо принял было его за отца — так сильно напоминал старик Джона Джолли. Но — чудес на свете не бывает, — подбежав ближе, Джо уверился, что дровосек походит на отца не больше, чем любой другой старик — ведь старость роднит и равняет всех, а уж дровосеков и подавно.

— Сильно покалечились?

— Да поймешь разве? Выберусь — разберемся, — ответил старик.

Упавшее дерево пригвоздило к земле его правую руку. Джо нашел чуть поодаль топор, разрубил ствол и освободил дровосека. Потом осторожно и умело осмотрел руку: не впервой было ему лечить переломы, сколько заячьих лапок и птичьих крылышек перевязал он в родном лесу! Вскоре боль отпустила старика, и Джо, легко подняв его на руки, спросил:

— Куда вас отнести?

— Мой дом совсем близко, — ответил старик.

Джо прошел не больше пятидесяти шагов, и они очутились возле хижины, привычной глазу хижины дровосека, только обставленной получше, чем бывший дом Джо Джолли. В углу стояла узкая кровать, покрытая ярким лоскутным одеялом. Сюда-то Джо и уложил старика. И тут же, без лишних вопросов, принялся готовить ужин: развел огонь, вскипятил воду; заглянув в буфет и на полку, нашел кой-какую снедь в глиняных горшках. И вот уже вьется парок над кружкой с чаем и лежит на блюде хлеб с салом. А старик все не сводит с Джо острого, пронизательного взгляда.

Приготовив дровосеку ужин, Джо расстегнул ворот

и вытащил из-за пазухи щенка и котенка. Спаниелиха устроилась около очага, детеныши принялись напару сосать её молоко, а собака смотрела на Джо благодарно и преданно.

Джо спросил:

— Не найдется ли воды и объедков для собаки?

— Воды на дворе накачай, а косточка — на полке, — ответил старик.

Джо нашел кость, принес воды в миске и поставил возле спаниелихи.

— Ну, а теперь налей-ка и себе чаю да отрежь хлеба, — велел старик.

Джо так и сделал. И вмиг съел все до последней крошки, ведь он был очень-очень голоден.

— Хочешь — располагайся прямо у очага и спи вволю, а если останешься, пока я не вылечу руку, можешь за меня поработать.

— А кем вы работаете?

— Королевским дровосеком.

— Откуда вам знать, что я справлюсь?

— Я же видел, как ты лихо топором владеешь. Дерево, что меня прижало, одним ударом разрубил. Так что сходи-ка ты утром к королю да скажи, что будешь работать вместо меня.

IV

На коврике у очага спалось крепко. Джо проснулся ранехонько, накормил старика, собак и котенка, убрал и подмел пол. Переделав всю работу, он спросил дорогу к королевскому дворцу. Старик объяснил, что дворец стоит в центре города, а город — в трех милях к северу от хижины. Он посоветовал Джо захватить с собой королевский топор с выжженной на древке короной, чтоб ему поверили и не прогнали из дворца как самозванца. И Джо отправился навстречу новым приключениям.

Выйдя на опушку леса, он услышал за спиной тихое мяуканье и, оглянувшись, увидел, что золотистый котенок увязался за ним следом. Не хотелось Джо возвращаться, снова сунул он пушистый комочек за пазуху и пошел дальше. Вскоре вырос перед ним город — столица той страны, где он родился и прожил всю жизнь. Никогда прежде не видел Джо столько домов и магазинов, церквей

и храмов, башен и колоколен, куполов, шпилей и флюгеров. Город копошился, точно огромный муравейник, люди сновали туда-сюда, всюду совали свой нос, заползали в каждую щель и трещину. У городских ворот высокий страж преградил Джо путь:

— Что за дело у тебя в столице?

— А какая разница? — поинтересовался Джо.

— Да никакой, — ответил страж. — Все равно мне строго-настрого приказано никого не впускать и не выпускать.

— Что ж, нельзя так нельзя, — Джо решил, что такой, видно, в городах порядок: никуда нельзя. Только в лесах свобода — ходи куда вздумается. Он повернул было назад, но страж схватил его за плечо:

— А откуда у тебя королевский топор?

Джо вкратце рассказал свою историю, и страж распахнул ворота:

— Твое дело важное, королевское. Значит, ты должен войти. Если тебя остановят, покажи топор, он у тебя вместо пропуска.

Никто, однако, не останавливал Джо, люди суетились, шныряли, сновали, шмыгали туда-сюда; чем ближе подходил Джо ко дворцу, тем больше суматохи было вокруг. Дворец тоже жужжал, как пчелиный рой: придворные и пажы бегали взад-вперед, вверх-вниз и ломали в отчаяньи руки. Джо прошел незамеченным по дворцовым коридорам и дошел до тронного зала. Он был пуст, лишь красивая заплаканная девочка стояла возле трона. В белом платье, с шелковистыми светлыми волосами, она напомнила Джо его щенка. Пожалев девочку, он подошел к ней и сказал:

— Может, у тебя болит что? Так покажи, я мигом вылечу.

И сквозь всхлипы едва расслышал ответ:

— Болит, да так, что мочи нет терпеть.

— Что болит? — спросил Джо.

— Душа.

— Да-а, душу лечить непросто. Почему же она разболелась?

— У меня котенок потерялся, — сказала девочка и зарыдала пуще прежнего.

— Я тебе взамен своего дам, — предложил Джо.

— Мне только мой нужен! — всхлипывала девочка.

— Но у меня чудесный котенок, я его вечером в лесу

подобрал,—принялся уговаривать Джо.—Редкой золотистой окраски, а глаза — словно тягучий мед!

И Джо вытащил из-за пазухи котенка.

— Это же и есть мой котенок! — воскликнула девочка. И мгновенно осушив слезы, она выхватила золотистый комочек из рук Джо и осыпала поцелуями. Потом, потянув за золотую цепочку, позвонила в золотой колокол, что висел под потолком посреди тронного зала. Зал мгновенно заполнился людьми: все, от поваренка до короля, сбегались посмотреть, что случилось. Ведь в золотой колокол звонили только по великим праздникам.

Принцесса — а девочка была самая настоящая принцесса — вскочила на трон и, показав всем котенка, воскликнула:

— Этот юноша нашел моего Медочка!

Все возликовали; новость со скоростью света облетела весь дворец и выплеснулась на улицы. Через пять минут город вернулся к повседневной жизни, распахнулись городские ворота, а король спросил Джо Джолли, чем его наградить.

Джо с радостью попросил бы в награду саму принцессу: она была совсем под стать его щенку — и волосы шелковистые, точно уши щенка, и глядит доверчиво, как маленький спаниель. Но принцессы ему, понятно, не отдадут. Поэтому он ответил:

— Я хотел бы поработать королевским дровосеком, покуда сам дровосек поправится.

— Ну, на твоём веку он вряд ли поправится, — сказал король, чем немало озадачил Джо. Но парень побоялся спросить, что к чему, он решил, что короли вправе говорить, как им вздумается, даже загадками.

— Дай-ка мне этот топор, — велел король. — Я вижу, это королевский топор. Стань на колени и преклони голову.

Джо испугался: не вздумал ли король отрубить ему голову? Но послушно стал на колени и почувствовал сзади, меж лопаток холодноватый обух топора. Король, коснувшись его топором, произнес:

— Встань, королевский дровосек! Раз в месяц приходи за указаниями к лесничему. И каждое утро первоначально отсылай отборные дрова для покоев принцессы.

Джо очень обрадовался приказу. Он пригладил вихор на лбу и улыбнулся принцессе, но она уже отвернулась и что-то нашептывала котенку в самое ушко. Тогда Джо снова пригладил вихор и откланялся.

В дровосековой хижине было все по-прежнему.

— Как дела? — спросил старик.

— По-моему, отлично, — ответил Джо Джолли. — Котенок оказался принцессин, поэтому король назначил меня королевским дровосеком, покуда вы болеете.

— Покуда болею? Так и сказал? — переспросил старик, таинственно усмехнувшись.

— Да вроде так, — неуверенно сказал Джо.

— Значит, так тому и быть, — произнес старик. — А поскольку жить нам придется вместе, зови-ка ты меня Папаней. Так меня сын называл, славный был сынок и добрый, мне приятно это слово услышать.

V

Джо не ожидал, что Папаня сляжет так надолго. Месяц шел за месяцем, а сломанная рука все никак не срасталась. Но рука — еще полбеды. Старик вовсе не вставал с постели — сильно, видать, пошатнулось его здоровье. И устраиваясь на ночлег у очага, Джо уже не вспоминал, что во всякий день его новая жизнь может кончиться. Работа стала привычной, день шел за днем. Так минул целый год. Щенок вырос в великолепного красавца спаниеля, ростом не меньше матери, но Джо все кликал его щенком, все он казался ему маленьким. Старая спаниелиха больше полеживала в доме, возле очага или грелась на солнышке у порога. Зато щенок не отставал от Джо, бегал за ним по всему лесу, и парень любил его больше жизни. С тех пор, как Джо получил работу, он из лесу не выбирался, лишь раз в месяц приходил на опушку, к дому королевского лесничего. Джо появлялся там поутру в первый день месяца и всегда заставал у лесничего хорошенькую горничную по имени Бетти. Она служила во дворце и, похоже, обожала прогуляться по росистой травке перед дневными хлопотами.

Когда она уходила, лесничий задавал Джо урок на месяц. Где бы ни рубил Джо дрова, он всякий день начинал с вязанки для принцессы: выбирал древесину, которая сладко пахнет, и прикреплял к вязанке маленький дар леса. В любое время года находил он для принцессы букет: весной — подснежники и фиалки, летом — колокольчики, дикую розу и жимолость, осенью — разноцветные листья и ягоды, и даже зимой — вечнозеленые веточки.

Когда Джо стукнуло девятнадцать лет — а случилось это в первый день июня, — он, по обыкновению, пошел к лесничему. А там, как водится, уже сидела Бетти в полосатом шелковом платице и сыпала словами еще быстрее обычного.

— Да. Вот так. Представляешь? Она чего-то хочет, только никто не знает, чего, а она не признается. То тоскует, то поет, то дуется, то смеется, переменчива, как погода. Ни отцу не признается, ни матери, ни нянюшке. Даже мне не говорит! А доктор грозит, что если не получит она, чего ей хочется — совсем зачахнет и умрет от тоски.

— Что же делать? — спросил лесничий.

— Король объявил: кто развеет принцессину тоску и желание ее исполнит, сам получит все, что пожелает! В последний день месяца во дворце соберется Великий Сход, каждый что-нибудь предложит, потом обсудят... Ой! Колокол звонит! Уже восемь утра! А ты все меня сплетничать заставляешь! Меня по твоей милости уволят!

Лесничий не стал ее удерживать, только чмокнул на прощанье в щечку, а она в ответ отгаскала его за уши и убежала — аж каблучки засверкали. Засмеявшись, лесничий сказал:

— Огонь — девка!

И принялся объяснять Джо, где и что рубить ему в июне месяце. Наконец, Джо отправился восвояси, пытаясь удержать в голове все наказания лесничего, но в душе его, в самой глубине, поселилась тревога. Так сильно он тревожился и жалел принцессу, что даже не заметил, что нету рядом щенка-спаниеля. Не резвился, не приплясывал вокруг Джо его любимец, даже на свист не прибежал, а на хозяйский свист, как известно, каждый приличный пес обязан являться. Запутал, значит, где-то щенок, играючи, и свиста не услышал.

К полудню, однако, спаниель объявился, прибежал на стук хозяйского топора — веселый и довольный. Только дома, вечером, не притронулся к еде. Может, заболел? Нет, решил Джо, раз весел щенок — значит, здоров.

В ту ночь приснился Джо чудесный сон. Только устроился он возле очага, где тлели последние угли, пришел сон, словно явь: Джо показалось даже, что он вовсе не спит. Увидел он во сне щенка — нос к носу с мамой спаниелихой. Она положила морду меж шелковистых лап и глядела на сына искоса, приоткрыв умный карий глаз. Сон был воистину чуден: Джо услышал,

как разговаривают между собой его собаки, и понял каждое слово.

- Что стряслось, сынок? Голодать вздумал?
- Да ни за что на свете! Я, матушка, сытехонек!
- Где ж ты ел?
- У короля на заднем дворе.
- Что ты там делал?
- К подружке бегал.
- Что еще за подружка?
- Кошечка.
- Кошка? Постыдился бы!
- Да это же моя молочная сестра!
- Ах, эта...
- Она теперь принцессина кошка.
- Ну и как она выглядит?
- Золотая, точно мед.
- Верно, шипит и фырчит, как все кошки.
- Да, шипит и заодно тайны вышептывает.
- Чьи это?
- Принцессины.
- А она их откуда знает?
- Да она кладет ее на плечи и шепчет в самое ухо.
- Чьи плечи и чье ухо?
- Принцессины плечи и кошкино ухо.
- Ну и что же у принцессы за тайны?
- Она считает, что ей пора получить любовное послание.

— А-а-а...— зевнула спаниелиха и закрыла глаза. Сам Джо, должно быть, тоже заснул покрепче и чудный сон кончился.

Но поутру Джо отчетливо припомнил свой сон — так ясно и ярко, будто наяву. Может, это вовсе не сон? В замешательстве поднял он глаза на Папаню, и тот спросил:

- Что тебя гложет, сынок?
- Да сон мне странный приснился, — ответил Джо. — Вот и не знаю — делать ли, что сон велит.
- А хорошо ли выйдет, коли сделаешь?
- Может, барышне хорошей зачихнуть не дам...
- А не выйдет ли плохо?
- Вроде нет. Ничего плохого выйти не может.
- Тогда делай, что сон велит, — посоветовал Папаня.

И Джо тут же, до работы, уселся и написал любовное послание. Грамотей он был никудышный, и письмо поэто-

му получилось коротеньким, но зато очень содержательным. Написал он так:

«Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли.»

Затем Джо сложил письмо — закапанное чернилами и изрядно потрепанное. Но слова вполне можно было разобрать, а это в любовных посланиях — самое главное. И Джо, довольный собой, взял письмо в лес, сунул его в букетик смолёвки, привязал букетик к принцессиной вязанке... да и выбросил всю эту историю из головы на целый месяц. Лишь Бетти, которую он застал у лесничего первого июля, напомнила ему о том, что случилось.

— Вот так все и кончилось! — тараторила она. — Слава тебе Господи! Собрался вчера Великий Сход, а принцесса возьми да и скажи: «Нечего вам головы ломать, я уже получила, что хотела!» — и смеется. Но что это было, она так и не сказала. Конечно, теперь это уже не важно — ведь принцесса порхает, как птичка, и доктор к нам дорогу забыл.

VI

Так, мирно и безмятежно, прошел еще год. Работа была в радость, собаки резвились, крыша не текла, еды всегда было вдоволь; правда, Папаня все болел и с постели не поднимался, а Джо по-прежнему спал на полу. И вот, первого июня, в день своего двадцатилетия, Джо со спаниелем, как водится, отправились к лесничему, а Бетти, как водится, была уже там. «И впрямь любительница прогуляться по росе под птичье щебетанье», — подумал Джо. В то утро, однако, Бетти была грустней обычного, хотя и тараторила без умолку:

— Да! Вот так! Все, как год назад! Снова здорово! Насилу допытались, что она опять чего-то хочет, но чего — ни в какую не скажет! И отец ее упраскивает, и мать умоляет, и нянька улещивает, и я уговариваю! Доктор ходит каждый день, да все без толку. Он говорит, что этак она у нас с тоски умрет, если не получит, чего ей хочется. На последний день июня снова назначен Великий Сход, там и решат, чего же хочет принцесса, — раз сама не при-

знается. Ну а тому, кто ее желание исполнит, дадут все, что пожелает, хоть... Ой, мамочки! Колокол-то восемь бьет! Болтаю тут с тобой, болтаю, а принцесса из-за тебя без шоколада останется!

И Бетти умчалась прочь. Но прежде-то, конечно, лесничий ее крепко поцеловал, за что и получил хорошую оплеуху. Глядя вслед Бетти, он проговорил:

— Ух и девка! Огонь!

Потом Джо получил от лесничего все указания и тоже ушел. На сердце у него было тревожно. Если принцесса ждет еще одно любовное послание, так ему и написать больше нечего! А первое письмо, похоже, уже отслужило свое... В смятении Джо опять не заметил, что щенок исчез. К полудню, однако, примчался: носился вокруг хозяина с радостным лаем и махал хвостом — Джо даже отбросил топор и устроил с ним веселую потасовку. Но вечером спаниель к еде не притронулся. Тут-то Джо и вспомнил, что такое уже было раз, причем ровно год назад. События того дня припомнились так ясно, что Джо сам не заметил, как задремал, и снова услышал разговор спаниелихи с сыном:

— Эй, сынок, ты что это? Косточкой брезгуешь? Не захворал ли?

— Да ни за что на свете! Просто я мяса наелся.

— Где же ты его взял?

— На королевской кухне.

— А что, интересно, ты там делал?

— Подружку навещал.

— Какую-такую подружку?

— Кошечку.

— Кошку?! Стыд-позор!

— Да это же твоя молочная дочь!

— Ах, эта... Ну и как она выглядит?

— Золотится, точно мед.

— И шипит, наверняка, как все кошачье отродье.

— Конечно, шипит и тайны вышептывает.

— Опять принцессины?

— Да. Принцесса ей все тайны поверяет.

— И что у нее нынче за тайны?

— Теперь ей хочется получить в подарок кольцо.

— А-а...— зевнула спаниелиха, прикрыла глаз шелковистым ухом и заснула.

На том и сон кончился.

• Поутру вспомнил Джо собачью беседу до последнего

слова. Может, они и впрямь разговаривали? То ли было, то ли нет? Никак Джо решить не мог. И тут Папаня с кровати окликает:

— В чем загвоздка?

— Да сон какой-то странный привиделся. Теперь не знаю, делать ли, что сон велит.

— Что будет, если сделаешь?

— Может, спасу от смерти хорошую барышню.

— А если не сделаешь, что сон велит?

— Верно, умрет.

— Тогда послушайся своего сна,— посоветовал Папаня.

И вот, нарубив дров для принцессы, Джо надел материню медное колечко на стебли диких роз, сунул букет в вязанку... И выбросил всю эту историю из головы на целый месяц. А с первого июля Бетти, как всегда, сидела у лесничего на пороге и трещала без умолку.

— Да, верно говорят: после дождя — ведро, а после ночи — ясный день. Собрался вчера Великий Сход, не успели и рта раскрыть, как принцесса заявляет: «Нечего головы ломать, я уже получила, что хотела». А что получила, про то — молчок. Так мы и не знаем, отчего она кручинилась, да и не важно. Доктора отослали, король с королевой успокоились, а принцесса наша, как пташка, поет.

VII

Увы! Год спустя, когда Джо стукнуло двадцать один год, горничная снова принесла невеселые вести. Джо застал ее утром у лесничего в слезах и печали:

— И есть не ест, и спать не спит! Ходит белая, как полотно для наволочки! То в уголок забьется и плачет, то в небо уставится и от всего отказывается, что ни предложи. На все один ответ: «Спасибо, не надо». Сидит со своей кошкой в обнимку, а доктор уже волосы на голове рвет, отец обезумел, мать в отчаянии, нянюшка твердит: «Господи спаси!». Даже я не могу из принцессы вытянуть, какая тоска ее гложет. Одно знаю: не получит она, чего хочет,— в могилу сойдет. Король назначил на конец июня Великий Сход. А уж кто принцессино желание исполнит — проси, чего душе угодно! Ой, никак, восемь бьет? Мне же на работу пора! Вечно ты, лесничий, со своими сплетнями!

Бетти припустила было бегом, но лесничий перехватил ее и поцеловал, а она в ответ оттаскала его за чуб и умчалась.

— Вот это девка! Огонь! — поцокал языком лесничий и объяснил Джо, что ему делать в июне месяце.

Солнце стояло уже высоко, Джо уже намахался топором, но ему все мерещилась могила, в которую сойдет принцесса. И он ничего кругом не замечал. Не заметил даже, что нет рядом щенка-спаниеля. А тот вскоре и появился, печально поджавши хвост. И Джо ничем его не мог развеселить. А поскольку Джо и сам был невесел, день не заладился. Домой они оба пришли хмурые, к еде ни один не притронулся. Джо растянулся на коврике у очага, и Папаня, чей глаз был по-прежнему остер, спросил его:

— Аппетита нету?

— Да, вроде... — ответил Джо и заснул тяжелым и беспокойным сном. И во сне спаниелиха тоже спросила:

— Аппетита нету, сынок? Что стряслось? Может, в ухо надуло?

— Да, вроде...

— Верно, опять во дворце объелся?

— Ни косточки! Ни кусочка! Я просто подружку навещал.

— Что еще за подружка?

— Кошечка.

— Какой срам! Позор на мою седую голову!

— Отчего же, матушка! Это же наша медовая кошечка.

— Ах, эта... Ну и как она?

— Точно мед золотится.

— И шипит, разумеется?

— Только секреты вышептывает.

— Чьи же?

— Принцессыны.

— И что она желает получить на сей раз?

— Меня.

— Тебя? А откуда она тебя знает?

— Меня кошечка в принцессин будуар водила.

— Да как она посмела?! Она мне больше не дочь! Отвести в будуар тебя — дворового пса! Позор!

Спаниелиха прикрыла глаза лапой, и разговор на этом закончился. Джо тревожно метался всю ночь, а наутро не мог решить: во сне или наяву привиделся ему этот ужасный разговор. Но сердце его болело уж точно наяву, и Папаня приметил беду сразу:

— Что с тобой, сынок? — спросил он.
— Да мне сегодня опять сон приснился. Не знаю, делать ли, что сон велит.
— Что будет, коли сделаешь?
— Можст, барышню хорошую от могилы уберегу.
— А не сделаешь, что будет?
Джо потрепал спаниеля за шелковистые уши и ответил:

— Сам от тоски зачахну.
— И в могилу сойдешь?
— Я же мужчина — переживу как-нибудь.
— Не тебе первому тоску в сердце носить — люди всяко живут. А вот кто в могилу сошел, того не воротишь.
— Ясно, — сказал Джо.

И отправился на работу, свистнув щенку, чтоб бежал следом. Под вечер нарубил он для принцессы лучших во всем лесу дров и привязал к ним своего спаниеля. Щенок глянул на Джо грустно, укоризненно, попытался было за ним побежать, волоча за собой вязанку. Но Джо Джолли строго сказал: «Сидеть!» — и ушел побыстрее домой.

VIII

Горше того июня не было у Джо времени за всю жизнь. Он бодрился — ради Папани и спаниелихи, но Папаня и сам притих, а спаниелиха тосковала о щенке. И Джо перемогал свою боль один-одинешенек. В последнее утро июня, когда лес стоял залитый солнцем, Папаня сказал:

— Джо, нельзя работать год напролет без перерыва. Отдохни денек.

— А зачем? — удивился Джо.

— В город сходишь: на людей посмотреть, себя показать.

И тут Джо осенило, что в городе не только людей увидеть можно, но и его любимого вислоухого щенка. Джо так захотелось заглянуть в его влажные карие глаза, услышать его веселый лай — сердце чуть из груди не выпрыгнуло. И Джо решил последовать Папаниному совету — работу дневную он и завтра справит, можно и отдохнуть денек.

Он немедленно отправился в путь. Вышел из лесу и поразился: дорога забита людьми, не протолкнешься! Тут он вспомнил, что это день Великого Схода, и с радостью

влился в людской поток. Сегодня во дворец пускают всех подряд, он войдет туда по праву, а уж там-то наверняка найдет своего щенка! Второй раз в жизни вошел он в дворцовые ворота и вместе с толпой попал коридорами в тронный зал.

И вот все в сборе. Из людской гущи Джо видел только головы короля и королевы да пики королевских стражей. Взыграла труба и глашатай попросил тишины. Все смолкло, и он провозгласил:

— Если кто-либо из подданных короля знает, чего хочет принцесса, пускай скажет.

Но никто не успел и рта раскрыть, как зазвенел принцессин голосок-колокольчик:

— Ничего вам головы ломать! Я получила, что хотела!

— Что же? — воскликнул король.

— От кого? — воскликнула королева.

— Ничего больше не скажу, — ответила принцесса. —

И пускай все уходят.

Снова взыграла труба, и глашатай велел всем расходиться. Толпа рассеялась, и Джо остался один в опустевшем зале перед высоким двойным тронном, на котором восседали король с королевой. Принцесса же сидела у ног отца, держа на коленях медовую кошечку, а рядом свернулся спаниель. Вдруг он радостно гавкнул, взвился в воздух, в два прыжка пересек зал и принялся лизать лицо Джо, упершись шелковистыми передними лапами ему в плечи. Пес скулил и тявкал, не в силах выразить свою безмерную радость. Джо обнял его и заплакал.

Во дворце поднялся переполох. Что это? Кто это? Что происходит? Принцесса вскочила и уткнулась носом в кошачью шерстку — не то плачет, не то смеется. Король спросил Джо:

— Кто ты?

— Я — королевский дровосек, — ответил Джо.

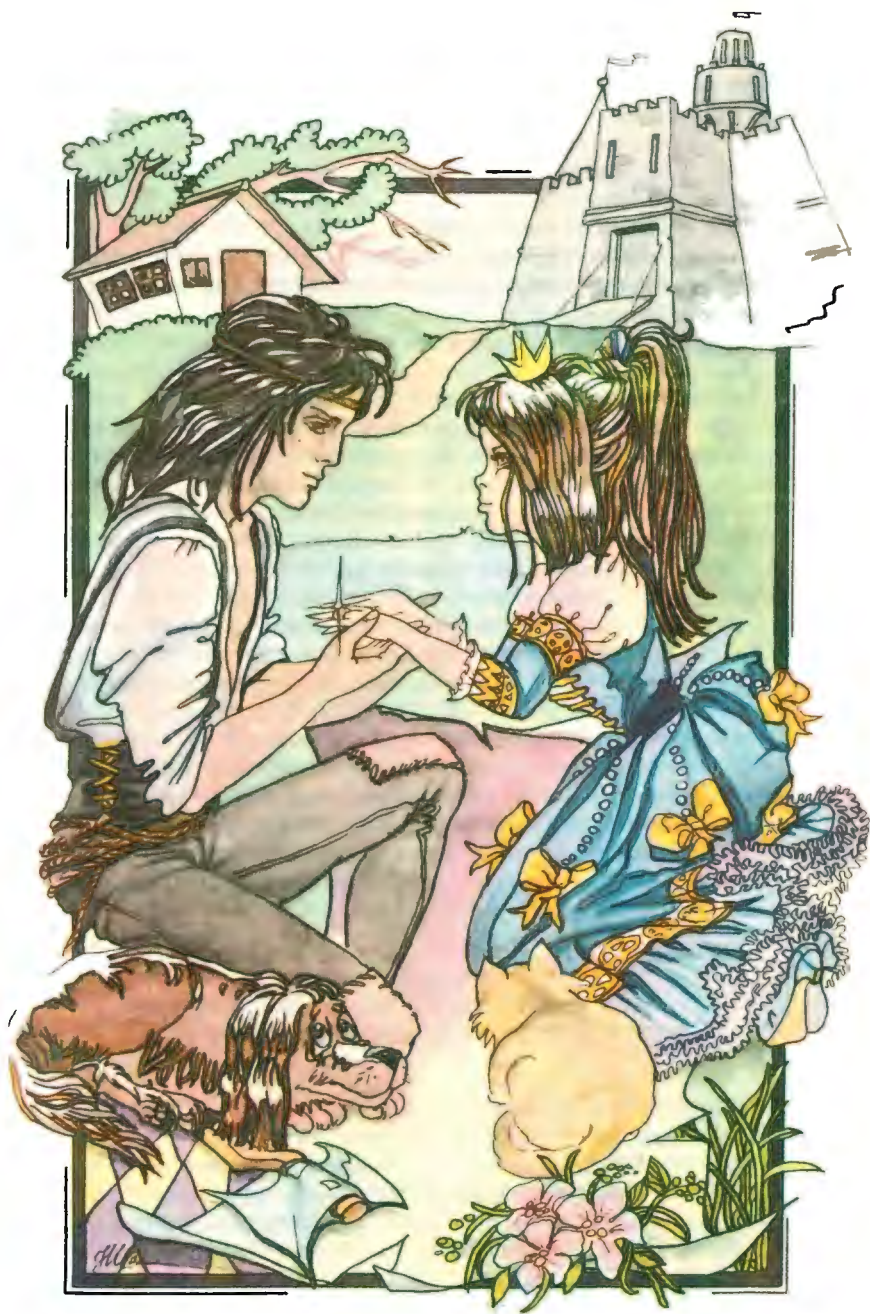
— Верно. Я тебя вспомнил! Но принцессин пес тебя за хозяина принял.

— А он и был его хозяином, — объяснила принцесса. — А теперь его хозяйка я! Этот юноша подарил мне своего спаниеля, потому что именно этого я и хотела.

— О, так я, наконец, могу выполнить обещание! — обрадовался король и подозвал Джо поближе.

— Чего ты желаешь, дровосек? Скажи, и я все исполню.

Принцесса взглянула на Джо, Джо взглянул на принцессу. Как и в первую встречу, она была в белом платье,

шелковистые локоны обрамляли лицо. Но Джо знал: нельзя ему просить то, что он хочет больше всего на свете. И тогда он сказал: «Может, у вас найдется лишний матрац, чтоб мне на полу не спать».

— Я подарю тебе лучший матрац в королевстве,— объявил король.

Но принцесса поспешно сказала:

— Ему надо еще что-нибудь дать, ведь он и в прошлом году мое желание исполнил! — и она показала всем медное обручальное колечко.

Король свое слово держать умел, он снова повернулся к Джо и спросил:

— Чего еще ты хочешь?

Джо крепко прижал спаниеля к груди, но попросить его назад он тоже не смел: ведь принцесса от тоски умрет, если он заберет щенка. И тогда Джо сказал:

— Там, где я жил раньше, осталась отцовская табуретка. Я бы хотел ее забрать, если, конечно, новому дровосеку есть на чем сидеть.

Король благосклонно улыбнулся и сказал:

— Тебе доставят табуретку сегодня же, а на ее место я велю поставить лучшее кресло в королевстве.

Тут король махнул рукой: иди, мол, дровосек восвояси.

Но принцесса поспешно воскликнула:

— Нет, папенька, пусть он и третий подарок попросит, потому что он и в позапрошлом году мое желание выполнил. Он прислал мне вот это... — и она вытянула из кармашка истертое, заляпанное чернилами любовное послание. Теперь оно и вовсе было зачитано до дыр. Король с любопытством взял листок, развернул и прочитал во всеуслышанье:

«Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли.»

Зардевшись, принцесса зарылась лицом в шерстку медовой кошечки.

— Это ты Джо Джолли? — спросил король.

— Да, Ваше Величество.

— Это ты написал?

— Да, Ваше Величество.

— И это правда?

Джо перевел взгляд с белого шелковистого спаниеля на принцессу с шелковой головкой и в белом платье — и в третий раз твердо сказал:

— Да, Ваше Величество.

— Тогда, — сказал король. — Снова проси, чего ты хочешь больше всего на свете.

Джо глянул на своего щенка. Но, увы, его не попросишь... Джо лишь крепко поцеловал его меж карих глаз и взглянул на принцессу, но она отвернулась. Надо что-то попросить...

— Раз нельзя забрать щенка, я заберу медовую кошечку, — произнес Джо.

— Нельзя мою кошечку без меня забирать! — живо откликнулась принцесса.

— И собаку мою без меня тоже нельзя забирать, — еще живее ответил Джо.

— Да будет так! — перебил их король. — Полгода живите в дровосековой хижине, а полгода — во дворце. И пес с кошкой пускай с вами живут.

В тот же вечер Джо Джолли отвел свою невесту в лесную хижину. Медовая кошечка урчала у принцессы на руках, точно аэроплан, а радостный щенок носился вокруг и все норовил попасться под ноги счастливой паре. В очаге весело потрескивали поленья, стол был накрыт к ужину, на кровати лежал мягкий матрац, а у огня стояла табуретка старика Джона Джолли. Только спаниелихи нигде не было, и Папаня куда-то исчез... Когда же наутро Джо отправился на поиски, лесничий рассказал ему, что прежний королевский дровосек умер за месяц до появления Джо в их краях, и место его пустовало — все поджидали ладного да рукастого парня, вроде Джо Джолли.

Чудо Бедного острова

У одной королевы был остров Утех. Когда она хотела повеселиться, от дворца, что стоял на самом берегу, летела по морю золоченая ладья, и шелковые паруса трепетали на ветру. Королеву сопровождали все придворные, на палубе играли скрипачи и трубачи. Так — среди цветов и музыки — приплывали они на остров Утех, где королева проводила свои дни, пируя и танцуя под сенью дерев.

На остров в избытке привозили все, чтоб становился он с каждым годом богаче и краше.

А чуть дальше в открытом море высился бедный рыбацкий островок. Ничегошеньки там не было — ни в избытке, ни в достатке, и жилось на нем людям тяжело. Остров их был гол и пустынен, лишь скалы да топь — ни травинки, ни дерева, ни кустика, ни цветка. Впрочем, нет, рос там один маленький розовый куст, хозяйкой которого была крошка Лоис. Лачуга ее отца ютилась возле церквушки, а церквушка стояла как раз посреди скалистого острова. Отец Лоис набрал немного землицы — по горсточке — и в день свадьбы посадил для жены под окнами розовый куст. Молодая жена бережно ухаживала за розами, и те росли вопреки ветрам и непогоде. А после смерти матери розы стали заботой Лоис — они росли с нею вместе и были для девочки вроде родни. Куст рос не велик и не ветвист, бутонов на нем распускалось мало, да и те ежились под соленым морским ветром. Однако жители острова гордились своим единственным цветком. Заботилась о нем Лоис, но принадлежал он как бы всем. То был цветок Бедного острова.

Страшные утесы громоздились вокруг острова и вольно гуляли по нему штормовые ветра. Иногда много дней кряду рыбацкие суденышки не осмеливались выйти в море и никто не смел приблизиться к его берегам. Жители острова прокормить себя не могли: они были слишком бедны, чтобы закупать еду впрок, а на голых скалах ничего не росло. И потому в непогоду, когда баркасы лежали на прибрежном песке кверху днищем, на Бедном острове свирепствовал голод. А в погожие дни рыбаки спешили закинуть сети и всегда возвращались с хорошим уловом. Женщины солили и вялили рыбу, а остатки везли на рынок, на большую землю, и там на вырученные за рыбу гроши покупали муки, соли и крепких ниток, чтобы чинить сети. Лодок на всех не хватало, владели ими сообща, и потому рыбаки уходили на промысел с рассветом, а возвращались за полночь. Некогда им было возить жен взад-вперед по морю — приходилось женщинам ждать отлива.

Отлив в тех краях был необычный: раз в месяц, в полнолуние, море отступало и обнажалось дно между островом и большой землей. Отлив длился долго, женщины успевали дойти с тяжелыми плетеными корзинами до другого берега, продать рыбу перекупщикам и приобрести все необходимое для своих семей. А после по дну — где

каменистому, где песчаному — они возвращались на Бедный остров, а следом возвращалось и море. Покупки по этому делались наспех — а то еще застанет в пути прилив, накатит и смоев навеки.

Однажды вечером, во время отлива, Королева взглянула с острова Утех на обнажившееся морское дно и увидела женщин, торопливо семенивших к своему острову. Прежде Королева их не замечала и не задумывалась об их участи. Но в тот вечер ее пронзила острая жалость. Вокруг простирались пески, мелкие соленые лужицы красно поблескивали на закатном солнце, а среди этого уныния сиял ее собственный остров — с дворцом, садами, фонтанами и беседками, — сиял, точно драгоценный камень, а сама она — в шелках и серебре — была похожа на королеву какой-то сказочной страны. Вдали же, взвалив на спину корзины, босоногие рыбаки в линиях платьях тянулись среди унылой пустыни к Бедному острову, а он лежал на горизонте, как камень, но уже не драгоценный — обычный, траченный морем голыш. «И все-таки, — подумалось Королеве, — на этом острове наверняка есть своя драгоценность. Хотя жизнь, должно быть, там тяжелая и безрадостная». Она вдруг прижала руку к сердцу и вздохнула. Ибо и у королей есть свои печали, порой не меньшие, чем у бедного люда.

Королева смотрела вдаль и пыталась вообразить ту, иную жизнь. А крошка Лоис стояла в эту минуту на берегу Бедного острова и тоже пыталась вообразить иную жизнь. В туманной дымке сиял перед ней остров Утех — точно самоцвет. Посверкивали вдали шпили, яркие купола и дворцовые башни, легкий ветерок доносил до нее слабые звуки музыки и даже запах цветов. «Как чудесна, как удивительна должна быть жизнь на острове Утех!» — подумала Лоис. И склонилась вдруг понюхать свою розу. Она решила, что и у Королевы наверняка нет цветка красивее.

Королева же вызвала Камергера и сказала:

— Я бы хотела посетить Бедный остров.

— Это, несомненно, развлечет Ваше Величество, — не стал ей перечить Камергер. — Когда желаете ехать?

— Послезавтра, — решила Королева.

На следующий день Камергер послал на Бедный остров весть о приезде Королевы. Королева его об этом не просила, но он счел, что островитяне захотят устроить торжественный прием и оправдать оказанную им великую честь.

Честь показалась им воистину велика. Неслыханное дело — приезжает сама Королева! Как же принимать ее? И где?

— Мы устроим прием в церкви, — сказал Пастор.

А чем развлечь ее? Может, в честь Королевы разукрасить церковь? И вот рыбаки и их жены собрались на совет. Украсить церковь им было нечем. Конечно, у них была роза — цветок Бедного острова, — но какой от нее прок? Не рвать же ее белые бутоны для украшения церкви? К тому же их совсем мало.

— Розу трогать нельзя, — твердо сказал отец Лоис. — А то спросит нас Королева: «Что у вас на острове самое красивое?», а нам и показать-то будет нечего. А так — отведем ее к розе, ей наверняка понравится.

Когда взрослые держали совет, Лоис уже лежала в постели и мечтала, как совсем скоро, завтра утром, она увидит Королеву.

С рассветом жители острова во главе с Пастором вышли на берег. Лоис немного задержалась: она протирала после ночного дождя забрызганные грязью церковные ступени. Но вот, боясь опоздать, она тоже бросилась к морю и вдруг... плюх! — по щиколотку увязла посреди тропинки в огромной грязной луже. Она растерянно глядела на свои мокрые ноги. Ноги-то обсохнут, не беда, но здесь идти самой Королеве, а лужа большая — не перешагнуть, не вычерпать! Как бы ни был беден их Бедный остров, негоже заставлять Королеву месить грязь. А вдали уже виднеются паруса золоченой ладьи! Надо что-то делать! Ведь Королева вот-вот будет здесь!..

...Наконец Лоис прибежала на берег. Пастор уже разговаривал с Королевой и называл ей имена ребятишек, что толпились вокруг. Королева нежно целовала каждого. Затем, вместе с придворными, она двинулась к церкви по неровной тропе. Лоис услышала, как один придворный, споткнувшись о камень, шепнул другому:

— Вот уж Богом забытая дыра!

Сердечко девочки сжалось, когда процессия дошла до топкого места. Конечно, Лоис залатала его, как могла, но помогут ли ее старания? Ура, Королева прошла, не замочив ног!

В церкви люди запели. Органа тут не было, Пастор взял первую ноту, хор подхватил, и вознеслась под купол хвалебная песнь. А потом Пастор долго благодарил Бога за то, что Он ниспослал им такую прекрасную Короле-

ву. Лоис не могла отвести глаз от ее нежного, тонкого лица. Но оно было залито слезами! Лоис уберегла ее от лужи, но от слез никого не уберечь — даже Королеву...

Люди пропели напоследок еще одну песню и снова вышли на улицу.

Королева спросила:

— Нельзя ли взглянуть на ваши дома? Вам, должно быть, тут тяжело живется?

Пастор собирался было ответить «да», но отец Лоис, выйдя вперед, сказал уверенно и бодро:

— Жизнь, мне думается, везде нелегка. Но она легче становится, коли есть в ней отрада — красота. Вот и у нас, на Бедном острове, отрада есть.

— Что же у вас красивого? — спросила Королева. — Посмотреть можно?

— Конечно, Ваше Величество. Пойдемте, мы покажем наш розовый куст.

Люди обступили Королеву еще теснее и наперебой рассказывали:

— Вы таких роз в жизни не видавали!

— Она белая!

— Это наш единственный цветок!

— Он нынче как раз в цвету!

— Девять бутонов уже распустились, а три распустятся не сегодня завтра.

— В нем радость нашего острова...

— Пойдемте, он совсем близко!

— Сразу за церковью...

И гордые бедняки повели Королеву к домику Лоис, а богачи-придворные поплелись сзади. Всей толпой они обошли церковь, отец Лоис провел Королеву под окна, но... показывать было нечего. На месте вырванного с корнями куста чернела рыхлая земля. Бедняки ахнули, богачи хихикнули, а Лоис забилась в уголок и горько расплакалась, глядя на втоптаннные в землю цветы и листья, что виднелись вдали, прикрывая лужу на тропинке. Зато Королева прошла там, не замочив ног!

Уплыла Королева на золоченой ладье, и жизнь на Бедном острове потекла по-старому. Королева, однако, задумала облегчить его долю: подарить прихожанам орган, вымостить дороги и починить лачуги рыбаков, завезти на скалистый остров настоящей земли и возле

каждого домика разбить сад... Она задумала много хорошего. Но, не успев ничего сделать, умерла.

На Бедный остров дошли слухи, что она умерла от тайной печали, точившей ее долгие годы. Вместе с ней ушли в землю и те слезы, что стояли в ее глазах тогда, на Бедном острове,— слезы жалости и сострадания. Теперь они были позабыты. Позабытым оказался и остров, никто не жалел рыбаков, никто и не подумал осуществить замыслы Королевы. Жизнь на Бедном острове шла по-старому, только цветка у них больше не было.

Лоис не ругали за содеянное. «Все она сделала правильно,— говорили люди.— Мы на ее месте поступили бы так же: нельзя, чтоб Королева по грязи шлепала». Они горевали, что Королева ушла в мир иной, но по-прежнему радовались, что она не замочила ног на их острове. Лоис горевала очень сильно — и о цветке, и о Королеве. В утешение отец обещал купить ей другую розу, чего бы это ни стоило.

И вот снова выплыла на небосклон полная луна. Снова откатилось море, и рыбацкие жены потянулись редкой цепочкой по обнажившемуся песчаному дну к большой земле. На этот раз с ними отправился и отец Лоис. Карман его оттягивали монеты, добытые тяжким, изнурительным трудом. Женщины продали рыбу и накупили всякой всячины, а отец Лоис купил розовый кустик, тоже белый,— будущую отраду Бедного острова. Он как раз отдавал цветочнику деньги, когда рыбацки прокричали на бегу:

— Скорей! Небо хмурится!

Он взглянул на потемневшее, набрякшее небо и понял, что надо торопиться. Такое небо он видел прежде только раз, когда из-за непогоды прилив нахлынул раньше времени и застал рыбацек врасплох. Женщины перепуганной стайкой неслись по песчаной ряби. Рыбак бросился следом. Главное — успеть до прилива.

На острове оставалось лишь несколько девушек, ребятки да Пастор. Рыбаки были в море, вдали от родного берега. На острове тоже заметили тревожные тучи; неподвижный предгрозовый воздух дышал бедой. Все, столпившись на кромке берега, высматривали своих матерей. А Лоис шурилась, надеясь разглядеть отца. Вот вдали, на мокром песке показались те, кого они ждали. Люди ползли, точно муравьи, они уже далеко от большой земли, но до острова тоже еще не близко! И вдруг прихлынуло и

разом вспенилось вокруг Бедного острова море, волны бешено взревели и рванулись, точно дикие лошади, навстречу горстке людей, шагавших по песчаному дну. Надеяться не на что — им уже не помочь, не спасти.

На скалистом берегу Пастор опустился на колени и принялся молить Господа о спасении путников. Ребятишки молились и плакали вместе с ним. Лишь Лоис стояла и глядела во все глаза. Зброшенный после смерти Королевы остров Утех излучал теперь бледное сияние, но видела его, похоже, одна только Лоис. Там, в луче света, явилась ей сама Королева — далекая, точно прекрасный сон, но видимая притом ясно-ясно, до последней черточки — как тогда, в церкви, во время песнопений. Только теперь в ее глазах не стояли слезы, она улыбалась Лоис и простирала над морем девять белых роз... И вдруг бросила их на ревущие зеленые волны с белыми пенистыми гребнями, уже готовые поглотить путников с Бедного острова. Прилив накатил, затопив все пространство меж островами, но — чудо! — вода стала листьями, а пенные барашки — белыми розами, и женщины по морю цветов, как посуху, добрались до своих детишек. А отец вручил Лоис новый розовый куст.

Молва твердит об этом чуде и по сей день. Не верите? Приезжайте на Бедный остров, поглядите на белую розу и убедитесь во всем сами.

Шарманка

Жил да был Путник, и лежал ему далекий путь. Настигла его ночь, но он все шел и шел.

Дорога вилась по лесам, по горам: ни городка, ни дымка деревенского, ни огонька в одиноком оконце. Тьма стояла кромешная — ни зги не видно, и Путник сбился с пути.

Кругом темнота и тишина, ничего путнику не видно, ничего не слышно. И стал он тогда сам с собой разговаривать.

— Что же мне теперь делать? — спросил сам себя Путник. — То ли дальше идти, то ли утра дожидаться? Пойду дальше — да вдруг не в ту сторону? И придется утром обратно идти. А на месте останусь — так уж точно

никуда к утру не доберусь и завтракать придется не раньше полудня. Что же делать-то мне? Ну, допустим, останусь я здесь... Опять вопрос: то ли на землю лечь, то ли стоя спать? Лягу — так непременно на колючку наткнусь, а стоя спать — ноги затекут. Что же делать?

И на этих самых словах услышал вдруг Путник музыку. И умолк. Раз есть, что послушать, можно и помолчать. Чудно — музыка в лесу! Причем не пение, не свист, не свирель и не скрипка — эти звуки в лесах по ночам дело самое привычное. Но наш Путник глухой ночью в глухом лесу услышал звуки шарманки.

И сразу повеселел. Позабыл даже, что сбился с пути, и решил отчего-то, что дом родной совсем рядом — рукой подать. Пошел он на звуки шарманки, а под ногами зашелестела трава и листья затрепетали возле самых щек. И вот шарманка играет совсем близко. Путник спросил:

— Где ты?

Он был уверен, что кто-нибудь да отзовется. Не может же шарманка — даже в глухом лесу — крутить свою ручку сама. И Путник оказался прав. Ему ответил бодрый голосок:

— Вот он я, господин хороший.

Путник вытянул вперед руку и нашарил в темноте шарманку.

— Погодите, — остановил его бодрый голосок. — Сперва я доиграю. А вы танцуйте, коли хотите. — Музыка грянула еще громче и веселей, и Путник пустился в пляс.

Наконец, он в последний раз притопнул ногой и застыл. Музыка кончилась.

— У-уф! Последний раз я танцевал под шарманку в бедняцких переулках, и было мне тогда десять лет от роду.

— Да-а... — отозвался Шарманщик.

— Вот, возьми-ка монетку.

— Спасибо. Давненько мне монеток не кидали.

— Куда путь держишь? — спросил Путник.

— Иду, куда глаза глядят, — промолвил Шарманщик. — Все пути едины. Что здесь шарманку крутить, что там...

— А как же без домов, без окон? Откуда людям монетки кидать?

— Мне на прожитие хватает, — сказал Шарманщик.

— А как же без переулков, где танцуют под шарманку нищие ребяташки?

— Вот тут вы угадали. Мне этих переулков очень не достает. Давным-давно играл я под окнами каждое утро, покуда не наберу шиллинг, а потом — до поздней ночи — играл задаром в переулках, где ютится беднота. На себя я тратил полшиллинга в день, а остальное откладывал. Но потом случилось мне заболеть — всерьез и надолго. А поднялся с постели, гляжу: в одном переулке шарманку крутят, в другом — граммофон играет, а в третий даже арфу притащили. Понял я, что пора на покой. Бреду теперь с шарманкой, куда ноги несут. Музыка-то одна, что там, что тут...

— А кто же танцует? — спросил Путник.

— За танцорами дело не станет, — ответил Шарманщик и крутанул ручку.

Заиграла музыка, и опять зашелестела под ногами Путника трава, затрепетали листья, воздух вмиг наполнился мотыльками и светляками, на небо высыпали звезды — и все пустились в пляс, точно ребятишки в бедняцких переулках. Зажурчали ручьи-игруны, и прямо на глазах у Путника при свете танцующих звезд расцвели лесные цветы. Они торопливо пробились сквозь мох, чтобы покачать головками веселой музыке в такт. Путник знал, что танцует все кругом — даже то, что не видно глазу. Лес наполнился танцем: танцевал каждый листок в кронах деревьев, каждый корешок в глубине земли. И тьма рассеялась: ведь сама Луна выпрыгнула из-за туч и в плавном танце закружилась по небу...

Сам Путник тоже танцевал — весело, отчаянно, точно ему снова было десять лет от роду.

А потом замерли в отдалении звуки шарманки... Путник очутился на опушке леса, под ногами вилась дорога, а впереди сияли городские огни. Там был конец его пути.

Маленькая Портниха

Жила-была Маленькая Портниха, и ходила она в подмастерьях у Большой Портнихи. На самом-то деле она давно уже стала лучшей мастерицей во всем королевстве: шила прекрасно, кроила чудесно, а платья выдумывала прямо-таки сказочные — никому, кроме нее, таких не выдумать. И Большая Портниха отлично об этом знала. Од-

нако, смекнула, что пока девочка мала да скромна, нечего ей нос задирать.

— Не скажу Лотте, что она лучше меня шьет, она и не узнает, — думала Большая Портниха. — А скажу, так сразу уйдет и откроет свою мастерскую. Мне соперницы не надобны!

И Большая Портниха помалкивала. Даже перестала хвалить Лотту, когда платье удавалось ей особенно хорошо, зато часто бранила — без всякой причины. Лотта, впрочем, не унывала, но истинной цены себе, конечно, не знала. А Большая Портниха, как получит важный заказ, сразу к Лотте за советом бежит:

— Маркиза Гоголь-Моголь заказала шелковое бальное платье. И думает, что ей к лицу нежный персиковый цвет.

— Какая досада! — восклицает Лотта. — Ей куда лучше не в шелке, а в бархате, и не в персиковом, а в сливовом!

— Именно так я ей и сказала, — подхватит Большая Портниха. — А на юбке она хочет семнадцать оборок.

— Бог ты мой! — вздохнет Лотта. — Ей же надо узкую юбку, только узкую, и очень благородного покроя!

— Вот именно! — подхватит Большая Портниха. — Так я маркизе и сказала — главное покрой! Значит, платье сделаем узкое-узкое!

И вместо шелкового персикового платья в оборках маркизе Гоголь-Моголь шьют строгое бархатное платье цвета сливы. Дамы на королевском балу ахают от изумления и зависти.

— Большая Портниха — просто гений!

Но мы-то с вами знаем, что платье придумала Лотта.

Королева любила балы и праздники. Ей уже стукнуло семьдесят, и была она безмужняя и бездетная. И значит, не было в этой стране прямых наследников короны и трона. Впрочем, хоть и не довелось королеве стать матерью, она зато стала теткой — целых двадцать пять лет назад. Племянник ее правил соседним королевством. Но тетка понимала, что со временем оба королевства сольются в одно и править ими суждено молодому королю Ричарду. Если верить молве, он вырос красивым и статным, но знала королева об этом только понаслышке, поскольку не видала его целых двадцать лет. Семьи у Ричарда тоже не было. Королева-тетя не на шутку беспокоилась о наследниках и дважды в год — на Рождество и на день рож-

дня — отправляла племяннику вместе с подарками строгие внушительные письма. Но он неизменно отвечал:

«Дорогая тетя Георгина!

Большое спасибо за чудесный пенальчик.

Ваш любящий племянник

Дик.

P.S. Впереди еще много времени.»

Молодому королю Ричарду всего двадцать пять лет, а тетке его — целых семьдесят. Пожилым королевам вовсе не кажется, что впереди очень много времени. И однажды наша королева, женщина волевая и решительная, послала племяннику особое письмо — не на Рождество и не на день рождения. Она повелела Дику прибыть к ее двору и выбрать себе невесту среди придворных дам, поскольку она, королева, по уши сыта его отговорками. И даже пенала ему на этот раз не послала, чтоб не отделался, по привычке, благодарственным письмом, чтоб ответил всерьез — намерен он жениться или нет. Он и ответил:

«Дорогая тетя Георгина,
как Вам будет угодно.

Ваш любящий племянник

Дик.

P.S. А женюсь я только на девушке девятнадцати с половиной лет от роду и с талией в девятнадцать с половиной дюймов. Других не предлагайте.»

Королева сразу же собрала всех придворных дам девятнадцати с половиной лет и, перемерив им талии, нашла три подходящие. Тогда королева написала племяннику новое письмо.

«Мой дорогой Ричард!

Герцогине Ванилине, графине Карамели и леди Бланш Бланманже в декабре исполнится по двадцать лет. Значит, сейчас, в июне, им девятнадцать с половиной. Все три — очаровательные девушки, и талии у них как раз нужного размера. Приезжай и выбирай сам.

Твоя любящая тетя

Королева Георгина.»

Король на это ответил:

«Дорогая тетя Георгина!

Как Вам будет угодно. Я приеду в понедельник. Прошу Вас устроить три бала: во вторник, в среду и в четверг. Пускай каждая из дам потанцует со мной на балу. В пятницу я жеманюсь на той, которая мне понравится, а в субботу уеду домой.

Ваш любящий племянник
Дик.

P.S. Непременно устройте балы-маскарады, у меня есть отличный маскарадный костюм.»

Письмо это королева получила только в понедельник утром, а король намеревался приехать в тот же вечер! Представляете, как все засуетились, а в особенности — три дамы с осиными талиями! И они, конечно же, бросились за помощью к Большой Портнихе.

Герцогиня Ванилина сказала:

— Сшейте-ка мне самый лучший маскарадный костюм не позже вторника — к Первому балу. Да не забудьте прислать манекенщицу, пусть покажет, как его носить.

Графиня Карамель сказала:

— Сшейте мне, пожалуйста, самый удивительный маскарадный костюм, какой только бывает на свете, — это чрезвычайно важно! Доставьте его не позднее среды, ко Второму балу. И пускай самая стройная из ваших учениц покажет все его достоинства.

Леди Бланш Бланманже сказала:

— Я умру от горя, если к четвергу, к Третьему балу, вы не сошьете для меня самый очаровательный маскарадный костюм в мире. Наденьте его на самую грациозную маленькую портняжку, дабы я могла воочию убедиться во всех его прелестях.

Большая Портниха пообещала по костюму всем трем и, едва дамы удалились, кинулась к Лотте — поделиться новостью.

— Надо мозгами пораскинуть да трудиться не покладая рук, не то не успеем к сроку.

— Я наверняка успею, — бодро сказала Лотта. — Шить буду по очереди: сперва герцогине — к завтрашнему вечеру, потом графине — к послезавтрашнему, а уж

после — леди Бланш, к четвергу. Я все успею. Подумаешь, пару ночей не поспать!

— Отлично, Лотта, — промолвила Портниха. — Теперь надо придумать сами платья.

— Герцогиню лучше нарядить Солнечным лучом, ей будет очень к лицу, — сказала Лотта.

— Как раз об этом я и подумала, — вставила Портниха.

— Зато графиню лучше нарядить Лунным лучом, она будет просто обворожительна.

— Ты читаешь мои мысли! — воскликнула Большая Портниха.

— Ну, а леди Бланш нарядим Радугой, и она будет неотразима!

— Мы с тобой просто думаем хором! — обрадовалась Большая Портниха. — А теперь... Раскрой-ка все три платья да принимайся за шитье.

Выкроила Лотта три платья и принялась шить первое — ярко-золотистое, чтоб сияло и переливалось, будто солнечный луч, от каждого движения танцующей герцогини.

Лотта шила весь день и всю ночь, не видела даже, как в город торжественно въехал король Ричард. Наконец во вторник, за час до начала бала, платье было готово.

— Внизу ждет карета! — сказала ученицам Большая Портниха. — Кому-то из вас придется поехать во дворец и показать герцогине, как носить это платье. Но кого же послать, ума не приложу? Талия-то всего девятнадцать с половиной дюймов...

— Это мой размер, госпожа, — промолвила Лотта.

— Как это кстати! Ну, Лотта, поторапливайся, надевай платье и в карету!

Лотта надела ослепительной красоты платье, золотые туфельки, маленькую золотую корону с сияющими лучами и, накинув поверх праздничных нарядов свой старый черный плащ, побежала к королевской карете. Кучер взмахнул кнутом, и лошади понеслись. Во дворце Лотту встретил ливрейный лакей. Он и проводил ее в маленькую приемную.

— Подождите здесь, — сказал он. — Скоро в соседние покои придет герцогиня и вызовет вас колокольчиком. Я гляжу, у вас под плащом чудесное платье!

— Это герцогинино, — оживилась Лотта. — В нем она будет покорять сердце короля. Хотите, покажу?

— Еще бы!

Лотта сбросила с плеч черный плащ и засверкала, точно солнечный луч, пробившийся сквозь черную тучу.

— Правда, красивое? — радовалась Лотта. — Как вы думаете, устоит король против такой красоты?

— Конечно, нет! — уверенно сказал лакей. И, изящно склонившись, произнес:

— Герцогиня, позвольте пригласить Вас на этот танец! Окажите мне честь своим согласием.

— О, Ваше Величество! — засмеялась Лотта. — Напротив, это Вы оказываете мне честь таким приглашением.

Лакей положил руку Лотте на талию, и они закружились в танце. Жаль только, колокольчик зазвенел некстати — лакей как раз нашепывал Лотте, что она сверкает ярче солнечного луча! Но — пришлось Лотте отправляться к герцогине Ванилине. Той платье очень понравилось. Лотта показала, как сидеть в нем, как стоять, как кланяться и танцевать. Потом герцогиня надела платье и вплыла в балльную залу.

А Лотта завернулась в старый плащ и, выходя на улицу, услышала напоследок гром аплодисментов: так встретили в зале сияющую, как солнце, юную герцогиню.

Лотта подумала:

— Нет, не устоять королю перед такой красотой!

И побежала обратно в мастерскую — шить маскарадный наряд «Лунный луч».

Ночь напролет, а потом день напролет шила она тончайшее серебряное платье, и под вечер, когда к дверям подъехала дворцовая карета, оно было готово. Как и накануне, Лотта надела новое платье, накинула сверху плащ и укатила. Как и накануне, молодой ливрейный лакей проводил ее в приемную и велел подождать.

— Как вчера прошел бал? — спросила Лотта.

— Король весь вечер танцевал с Солнечной герцогиней, — ответил лакей. — Вряд ли графине так повезет.

— А я в ее удаче не сомневаюсь! — воскликнула Лотта и, распахнув черный плащ, вышла из него, точно сияющий месяц из полуночной тьмы.

— О, графиня! — сказал лакей и поцеловал ей руку. — Если вы потанцуете со мной, я стану счастливейшим человеком на свете!

— Напротив, Ваше Величество, это мне выпало счастье! — нежно улыбаясь, ответила Лотта, и они опять за-

кружились в тесноте приемной, а потом уселись и разговаривались. Лотта рассказала, что ей девятнадцать с половиной лет, что матушка ее горничная, отец сапожничает, а сама она — подмастерье у портнихи. Лакею оказалось двадцать пять лет, отец его работал переплетчиком, а мать — прачкой. Сам же он служил лакеем у молодого короля. И в субботу, после свадьбы, ему предстояло вернуться домой, в соседнее королевство. Эта новость повергла Лотту в глубокую печаль. Лакей спросил, отчего она погрустнела, а Лотта и сама толком не знала. И опять звонок зазвенел очень не вовремя — лакей, взяв Лотту за руку, говорил ей, что она прекрасней Лунного луча.

Графиня Карамель была очарована платьем. Лотта все показала и рассказала, и графиня отправилась на бал. До Лотты донеслись восторженные восклицания, сама же она, закутавшись в старый плащ, поспешила в мастерскую — шить костюм «Радуга».

Она шила с вечера до утра, а потом с утра до вечера. Глаза ее слипались, веки набрякли, да и на сердце будто бы камень лежал, а отчего — она и сама не ведала. За час до Третьего бала платье было готово. Карета уже ждала у порога. Лотта надела последнее, многоцветное платье, завернулась в старый плащ и укатила. В последний раз на ступенях дворца встретил ее лакей и проводил в приемную. Там Лотта устало опустилась в глубокое кресло и спросила:

— Как прошел вчерашний бал?

— Король весь вечер не отходил от Серебряной графини, глаз с нее не сводил, — ответил лакей. — По-моему, леди Бланш не на что надеяться.

— Кто знает, — ответила Лотта. Но ее сковала усталость, не было сил даже снять черный плащ и показать новое платье. Тогда лакей, сняв с нее плащ, осторожно повесил его на спинку стула. И Лотта засияла, точно маленькая радуга на фоне черных туч. Восхищенный лакей упал перед ней на колени:

— О, леди! — прошептал он. — Я приглашаю Вас на этот танец. И на все остальные тоже!

Но Лотта лишь покачала головой: она слишком устала, даже улыбнуться не было сил — только огромные слезы вдруг покатались по щекам. Лакей не спросил, отчего она плачет — ведь радуга всегда сокрыта слезами-дождинками. Он просто обнял ее и поцеловал. Поцелуй длился и длился, но тут прозвенел колокольчик, и Лотта,

вытирая глаза, поднялась и пошла к леди Бланш Бланманже.

Леди Бланш пришла в восторг от платья. Лотта покрутилась и так и сяк, показывая, как его носить. И леди Бланш, надев платье, побежала на бал. Лотта услышала потрясенное «ах», когда в зал впорхнуло чудесное виденье... Лотта же зябко закуталась в плащ и побрела домой. Она надеялась наконец-то лечь и спать, спать, спать...

Но на пороге ее встретила Большая Портниха. Она чуть не плакала от отчаянья.

— Ты представляешь! Только что прислали заказ от королевы на лучшее в мире свадебное платье — ведь завтра молодой король женится. Свадьба назначена на полдень. Ну, Лотта, теперь думай — в чем венчаться невесте?

И Лотта придумала платье — белое и воздушное, словно падающий снег.

Начала было кроить, но задумалась:

— Госпожа, мы же не знаем, на кого шить это платье!

— Шей на себя, — ответила Портниха. — У тебя тот же размер.

— Ну а все-таки, кто невеста, как вы думаете?

— Никому не известно. Говорят, королю равно полюбили и Солнце, и Луна. Да и Радуга сегодня ему наверняка понравится.

— А какой наряд у самого короля? — спросила Лотта. Спросила просто так, чтоб не заснуть.

— Совершенно неподобающий для короля наряд! Надел ливрею собственного лакея!

Больше Лотта вопросов не задавала. Склонив усталую головку совсем низко над снежно-белой тканью, она шила и шила. Шила до боли в пальцах, до рези в глазах.

Прошла ночь, настало утро. За час до полудня платье было готово.

— Карета уже здесь, — сказала Портниха. — Надевай платье, Лотта. Невеста наверняка захочет взглянуть на него со стороны.

— Но кто же невеста? — спросила Лотта.

— Все еще никому не известно. Говорят, король как раз сейчас выбирает. Как только решит — ударят свадебные колокола.

Лотта надела подвенечное платье и возле кареты увидела вдруг своего знакомого лакея! Он посадил ее, а Лотта серьезно посмотрела ему в глаза и спросила:

— Ведь вы не король?

— С чего это вы взяли? — ответил лакей и, захлопнув дверцу, вскочил на запятки кареты. Лошади пустились в галоп. Лотта откинулась на подушки и крепко заснула. И снилось ей, будто она едет на собственную свадьбу.

Лотта проснулась, когда карета подкатила к двери — но не к дворцовым дверям, а к деревенской церквушке.

Лакей соскочил с запяток и помог Лотте выйти. Сон словно бы продолжался, и рука об руку с лакеем, в снежно-белом подвенечном платье прошла она к алтарю, где уже ждал священник. Через две минуты их обвенчали, и Лотта, с обручальным кольцом на пальце, вернулась к карете. На этот раз лакей сел вместе с ней и завершил поцелуй, который был так неуместно прерван накануне вечером. А потом Лотта снова заснула, склонив головку на плечо мужа.

Так она и проспала всю дорогу до столицы соседнего королевства — пока карета не остановилась у дворцовых ворот. В туманном полусне поднялась она об руку с мужем по лестнице. Вокруг толпились радостные придворные, а на верхних ступенях, весело улыбаясь, встречал их сам король.

Да-да! Лакей-то и в самом деле был лакеем. Королю совершенно не хотелось жениться, вот он и послал к тетке своего лакея. А тот влюбился в Лотту с первого взгляда, так что герцогиня Ванилина, графиня Карамель и леди Бланш Бланманже были заранее обречены на неудачу. Все, конечно, к лучшему. Останови лакей свой выбор на знатной даме, старая королева непременно бы рассердилась. А представьте досаду невесты!

Когда весть об этой шутке достигла ушей королевы, она написала королю нижеследующее:

«Мой дорогой Ричард!

Подарок прилагаю с лучшими пожеланиями. Одновременно довожу до твоего сведения, что я тобой крайне недовольна и впредь не намерена принимать участия в устройстве твоей женитьбы.

Любящая тебя тетя,
Королева Георгина.»

На что король ответил:

«Дорогая тетя Георгина,
Премного благодарен.

Ваш любящий племянник
Дик.

P.S. Да, за пенальчик тоже большое спасибо.»

Седьмая принцесса

Вы слышали когда-нибудь сказку о шести принцессах, у которых не было в жизни другой заботы, кроме своих волос? Нет? Тогда слушайте!

Жил да был Король, и женился он на цыганке. Берег ее пуще глаза, дунуть боялся — словно на вазу хрустальную. Чтoб не убежала — цыгане-то, известно, народ бродячий, — поселил он жену во дворце посреди огромного парка. Вокруг парка тянулась изгородь, и дальше Королеву не пускали. Она очень любила мужа, не хотела его огорчать, вот и не плакалась ему, не рассказывала, до чего ей хочется на вольную волю. Только часами сидела на дворцовой крыше да глядела на восток, где раскинулись луга, на юг, где струилась речка, на запад, где громоздились горы, и на север, где шумели в городах рыночные торговцы.

Со временем родила Королева двух дочек-близняшек, ясноглазых, точно утренние лучи солнца. В день крестин Король на радостях расщедрился и велел Королеве просить все, что душе угодно.

Взглянула Королева с крыши на восток, увидела цветущие майские луга и сказала:

— Подари мне весну.

Кликнул Король пятьдесят тысяч садовников и повелел каждому принести дикий цветок или молодую березку и посадить в дворцовом парке. И вот дело сделано. Вышел Король об руку с Королевой в парк, а там — многоцветье, разнотравье...

— Дорогая моя жена, вот тебе весна!

Но Королева лишь вздохнула в ответ.

Через год родились еще две принцессы, нежные, как утренняя роса, и снова в день крестин Король предложил

Королеве выбрать подарок. На этот раз взглянула Королева с крыши на юг и, увидев блеснувшую на дне долины воду, сказала:

— Подари мне речку.

Кликнул Король пятьдесят тысяч землекопов и повелел направить реку прямо в парк, чтобы там, где гуляет Королева, вечно бил чудесный фонтан... Наконец подвел он жену к великолепному мраморному фонтану и сказал:

— Вот твоя река.

Но Королева лишь взглянула на воду-пленницу, которая так рвалась ввысь, но снова опадала на холодный мрамор. Взглянула — и голова ее грустно поникла.

На следующий год родились еще две принцессы, светлые, как солнечный день, и Королева, выбирая подарок, взглянула с крыши на шумящий на севере город и сказала:

— Подари мне людей.

Послал тогда Король пятьдесят тысяч глашатаев в город. Вскоре они вернулись и привели с собой прямо с базара шесть честных торговков.

— Вот тебе люди, дорогая моя Королева, — сказал Король.

Королева украдкой вытерла слезы и поручила шесть своих дочерей заботам этих пышнотелых женщин. Каждой принцессе досталось по няньке.

На четвертый год родила Королева только одну дочь, совсем маленькую и по-цыгански смуглую, точно мать. Сам-то Король был высок и светловолос.

— Что подарить тебе на этот раз? — спросил Король, поднявшись с Королевой на крышу в день крестин седьмой дочери.

Королева обратила глаза на запад и увидела дику голубку и шесть лебедей, пролетавших над горами.

— Подари мне этих вольных птиц! — воскликнула Королева.

Король тут же снарядил пятьдесят тысяч птицеловов на поимку птиц. Тем временем Королева сказала:

— Дорогой Король, сейчас мои дети еще в колыбелях, а я на троне, но однажды они вырастут. Трон же мой опустеет. Скажи, кто из наших семи дочерей взойдет на трон вместо меня?

Король еще не успел ответить, а птицеловы уже вернулись. Король посмотрел на робкую голубку, втянувшую

маленькую круглую головку в серые перья, и тут же перевел взгляд на королевских лебедей с длинными белыми шеями.

— Королевой станет та принцесса, чьи волосы окажутся длиннее.

Позвала Королева шесть няnek и передала им королевскую волю.

— Помните, — добавила она, — следует неустанно мыть и расчесывать девочкам волосы. Кому-то из них предстоит — благодаря вашим стараниям — взойти на престол.

— А кто будет мыть и расчесывать волосы седьмой принцессы? — спросили они.

— Я сама, — ответила королева.

Расстарались няньки, каждой хотелось, чтоб именно ее питомица стала королевой. Во всякий погожий день отводили они детей на усыпанный цветами лужок, мыли их волосы в фонтане и сушили на солнце. Они чесали и чесали дивные золотистые кудри, вплетали в косы ленты и цветы. И не было на всем свете волос краше. И никто во всем свете не трудился столько ради красоты волос, сколько няньки шести принцесс. Так и ходили: шесть светловолосых девочек, шесть няnek, а следом — шесть белых лебедей. Повсюду вместе.

Зато седьмая принцесса, смугляночка, никогда не мыла голову в фонтане. Ее волосы были спрятаны под красной шалью, Королева расчесывала их сама — втайне от всех, когда сидела вдвоем с дочкой на крыше и играла с дикой голубкой.

Но вот почуяла Королева, что настал ее последний час. Собрала дочерей, благословила и попросила Короля отнести ее на крышу. Окинула взглядом луга и реку, города и горы и закрыла глаза...

Король был безутешен. Но тут взыграли у дворцовых ворот трубы, вбежал королевский паж и возвестил о приезде Владыки Мира. Король распахнул двери — и появился Владыка, а следом его слуга. Одежды Владыки были шиты золотом, а мантия так длинна, что сам он уже прошел весь зал и стал перед Королем, а мантия еще тянулась из-за двери. И султан на его шляпе возвышался до самого потолка. Слуга Владыки — молодой парень в лохмотьях — забежал вперед, к самому трону.

Король произнес:

— Добро пожаловать, Владыка Мира! — и протянул руку.

Но Владыка не ответил, стоял по-прежнему молча, глядя под ноги. Зато слуга-оборванец сказал:

— Спасибо тебе, Король этой страны! — и сердечно пожал руку Короля.

Король немало удивился.

— Неужели Владыка не может ответить сам? — спросил он.

— Кто знает?.. — ответил слуга-оборванец. — Во всяком случае, никто еще не слышал его голоса. Сам понимаешь, в этом мире есть место всякому: и говорящему, и молчащему; и богатому, и бедному; и тому, кто думает, и тому, кто делает; и тому, чей взор устремлен ввысь, и тому, кто опускает очи долу. Хозяин выбрал меня в слуги недаром — мы с ним единое целое, мы вместе — тот самый Мир, которому он — Владыка. Он богач, а я бедняк, он задумывает — я исполняю, он смотрит под ноги, а я — в небо, он молчит, а я говорю.

— Зачем он приехал? — спросил Король.

— Чтобы жениться на твоей дочери, — ответил слуга-оборванец. — Ведь в этом мире есть место всякому, в нем должны быть и мужчины, и женщины.

— Разумеется. Но у меня семь дочерей. Не может же он взять в жены всех.

— Он возьмет ту, которая станет королевой, — объяснил слуга-оборванец.

— Позовите дочерей, — приказал Король слугам. — Настало время измерить им волосы.

И вот семь принцесс предстали перед троном. Шестеро старших, светловолосых, пришли с няньками, а смугляночка — одна. Слуга-оборванец окинул девушек быстрым, но пристальным взглядом, Владыка же и не подумал поднять глаз.

Кликнул Король придворного портного — чтобы пришел с мерной лентой да измерил принцессам волосы. Шесть принцесс расплели косы и золотые волны устлали весь пол.

Пока мерили волосы, няньки горделиво переглядывались — это их трудами и заботами выращена такая роскошь. Но — увы! — все потрудились одинаково: у всех шести принцесс волосы оказались точнехонько одной длины.

Потрясенные придворные всплеснули руками, огорченные няньки всплеснули руками, Король натянул корону на уши, Владыка Мира стоял не поднимая глаз,

а слуга-оборванец устремил свой взор на Седьмую принцессу.

— Что делать, если и у младшей дочери окажутся волосы той же длины? — спросил Король.

— Вряд ли, Ваше Величество, — произнесла Седьмая принцесса и принялась разматывать шаль. Сестры беспокойно переглянулись.

Волосы Седьмой принцессы и впрямь оказались совсем иной длины — девушка была острижена коротко, под мальчишку.

— Кто остриг тебя, дитя мое? — спросил Король.

— Меня стригла матушка, Ваше Величество, — ответила Седьмая принцесса. — Каждый день мы поднимались на крышу, и она щелкала ножницами, чтоб не отросла ни единая прядь.

— Удивительно! — воскликнул Король. — Но, во всяком случае, королевой тебе не быть.

Такая вот история приключилась с шестью принцессами, которые всю жизнь только и думали, что о своих волосах. Остаток дней они провели в прежних трудах — няньки мыли и расчесывали их локоны: сперва золотые, потом поблекшие, а потом и вовсе белоснежные — под цвет их любимцев-лебедей.

Владыка Мира провел остаток дней, опустив очи долу: он ждал, покуда одна из принцесс отрастит волосы длиннее, чем у сестер, и станет королевой.

А Седьмая принцесса снова замотала голову красной шалью и убежала из дворца — к реке и к горам, к лугам и шумным рыночным площадям; с нею полетела дикая голубка, а следом устремился и слуга-оборванец.

— Что же станется без тебя с Владыкой Мира? — спросила принцесса.

— Сам справится, — ответил слуга-оборванец. — Ведь в этом мире есть место всякому — и тому, кто сидит во дворце, взаперти, и тому, кто бродит на просторах, на вольной воле...

Ослик из Коннемары

Поутру мама Денни О'Тула застегивала сыну пальтецо, поправляла зеленый берет — чтобы в уши не надуло — и

проводила до двери. Остальной путь до школы он одолевал сам, поскольку было ему целых семь лет, а улицу приходилось переходить только один раз.

В тот день, отправляя Денни в школу, мама, по обыкновению, приговаривала:

— Переходи дорогу осторожно. Направо-налево посмотреть не забудь.

— Не забуду,— обещал Денни.

Мистер О'Тул еще не кончил завтракать, но тут же встрепенулся:

— Сын, имей в виду, тебе дают самый мудрый совет всех времен и народов. Смотри направо-налево и ничего не пропустишь — ни кошку бездомную, ни короля со свитой.

— Не нужны нам кошки и короли,— прервала его миссис О'Тул.— Ты, сынок, сторонись машин и велосипедов.

— Ладно,— пообещал Денни и отправился на Лиственничную улицу, в начальную школу.

А миссис О'Тул вернулась на кухню. Муж набивал первую утреннюю трубку.

— Вечно ты ребенку голову морочишь,— с улыбкой укорила жена.— Забываешь ему голову рассказами, точно трубку табаком.

— А чем еще забивать прикажешь? Табачку место в трубке, а сказкам — в ребячьей голове.

Мистер О'Тул был ирландцем, а жена его — англичанкой, и понимать друг друга им зачастую бывало ох как непросто. Однако и англичане, как известно, бывают разные: одни, не понимая, улыбаются, другие, не понимая, сердятся. Переехав жить в Англию, мистер О'Тул предусмотрительно выбрал в жены такую, чтоб непременно улыбалась. Вот и сейчас она улыбалась, составляя в раковину гору грязной посуды. А мистер О'Тул собирался на работу. Работал он за углом, в театре Коронации. Дома одевался просто, как все, зато на работе ходил разодетый, блестящий — не подступиться.

В прошлом году Денни впервые был в театре на рождественской пантомиме. Как хорош Дик Уиттингтон — будущий мэр Лондона! А Кот каков! Просто чудо! А семь волшебниц! А девушка-билетерша, которая купила ему в антракте ванильное мороженое!.. Но в душу мальчика запали не только герои пантомимы. Денни в тот вечер долго лежал без сна; потом все-таки заснул, и все эти чу-

деса пригрезились ему заново, а среди них его собственный папка: распахивает дверцы автомобилей, свистком подзывает такси! И надето на нем что-то совершенно удивительное — дома он такого никогда не носит...

— У моего папы золотое пальто! — похвастался Денни в школе.

— Так я тебе и поверил! — сказал Альберт Бриггс, к которому Денни относился без особой нежности. — Все это басни. Добро тому врать, кто за морем бывал!

Альберт недавно слышал эту поговорку от своего дядюшки, а он верил каждому дядюшкиному слову — точь-в-точь, как Денни, который верил всему, что говорил папа.

— Ишь, выдумал! «Пальто золотое»... — издевался Альберт. — Не ври, коль за морем не бывал!

Но Денни стоял на своем:

— У папы на плечах золото и спереди, по обеим сторонам.

— Ты, Денни, скажи-ка лучше, где твой папа родился, — хихикнула Мейзи Боннингтон.

— Мой папа родился в Коннемаре! — выкрикнул Денни.

Так неизменно заканчивался любой разговор об его отце. Нелепая для английского уха «Коннемара» веселила детей, и они хохотали до упаду. Школьный поэт даже сочинил на эту тему стишок:

Тары-бары, тары-бары
Врешь, что он из Коннемары!

— Нет, не вру! — кричал Денни. — Теперь он живет здесь, а раньше в Коннемаре!

— Раньше чего? — дразнила его Мейзи. — Никакой Коннемары на свете нет!

— Есть!

— Ты все выдумал.

— Нет, не выдумал. А пальто у папы все равно золотое!

— Добро тому врать, кто за морем бывал, — твердил свое Альберт Бриггс.

— За морем бывали моряки! Любой моряк тебе скажет, что я говорю правду! — вдохновенно произнес Денни однажды.

Надо же! Говорит о моряках, точно они его лучшие друзья! Альберт Бриггс даже онемел от возмущения. Но

звонок на урок положил конец их спору. Случилось все это сразу после зимних каникул, когда в театре каждый вечер играли рождественскую пантомиму. А королей и бродячих кошек мистер О'Тул помянул уже летом. Теперь на носу были летние каникулы, дети хвастали, кто куда поедет, а те, кому предстояло сидеть все лето дома, делились несбыточными мечтами или вспоминали свои прежние путешествия...

На переходе Денни внимательно посмотрел в обе стороны. Вот дорога опустела, и в мгновение ока Денни был уже у начальной школы, что на Лиственничной улице. У дверей стояла Мейзи Боннингтон, а у нее на руках... Это же надо, чтоб папа вспомнил о кошках именно сегодня! На руках у Мейзи был дымчатый котенок с лиловым бантом на шейке! А вокруг толпились одноклассники, и множество рук тянулось, чтоб погладить пушистую шерстку. На ровно-дымчатой шерстке попадались молочно-белые пятнышки, котенок испуганно таращил голубые глаза: он боялся протянутых к нему рук и все тыкался носиком куда-то под мышку Мейзи, точно хотел спрятаться понадежнее.

— Это шиншилловый котенок! — гордо пояснила Мейзи.

— Дай посмотреть, — попросил Денни О'Тул.

— Дайте Денни посмотреть! — подхватил Альберт Бриггс. — Он в жизни не видел шиншилловых котов, у них в Коннемаре таких нет!

— У нас и почище есть, — уверенно сказал Денни.

— Ну и что же у вас есть?

— Не скажу!

— Сам не знаешь, — презрительно фыркнул Альберт Бриггс.

Так оно и было. И Денни решил отложить спор, пока не выяснит все из первых рук.

— Я тебе завтра скажу, — пообещал он.

— Да куда тебе!

— Скажу, вот увидишь!

— Не скажешь! — победоносно завопил Альберт. — Потому что никакой Конне-оне-мары на свете нет!

Все вокруг радостно загикали, да так громко, что даже мисс Дейли выглянула: отчего такой переполох. Пришла она в школу совсем недавно и была очень-очень молодой. Первоклассники любили мисс Дейли несказанно,

ловили каждое ее слово, а когда учительница молчала, дети все равно не сводили с нее глаз. Мисс Дейли захлопала в ладоши:

— Все в класс, все в класс, делу время — потехе час. Что там у тебя, Мейзи?

— Мисс, это шиншилловый котенок. Мне вчера надалили.

— По-далили, Мейзи. Какой милый! Но знаешь, помоему, не стоит носить его в школу.

— Ну, мисс, пожалуйста...

Мисс Дейли решительно замотала головой:

— Нет-нет, учиться ему пока рано.

Дети прыснули.

— А сегодня,— продолжала мисс Дейли,— мы устроим его поудобнее здесь, у дверей, и даже раздобудем молока. Ах ты, маленький...— мисс Дейли почесала котенка за ушком и тут же опомнилась:

— Бог мой! Давно пора на урок! Быстро все в класс!

— А вдруг он убежит? — Мейзи все еще надеялась отвоевать котенка.

— Останется твой котенок цел и невредим. В обед заберешь его домой,— успокоила девочку мисс Дейли.

Уроки в то утро шли наперекосяк, все думали только о котенке. Мейзи Беннингтон купалась в лучах славы — одноклассники завидовали обладательнице такого чуда и всячески к ней подлизывались: вдруг даст подержать котенка?

Вечером, за чаем, Денни спросил отца:

— Пап, а что там есть — в Коннемаре?

— Самые зеленые холмы во всей Ирландии и самые бездонные трясины на болотах, а озера что твое зеркало — все в воде отражается, до последнего облачка.

— А котята там есть?

— погоди, сам увидишь!

— Когда?

— Когда-нибудь... — мистер О'Тул задумчиво помещивал ложечкой чай. — Когда-нибудь мы с тобой поедем на дедушкину ферму, туда, где я родился.

Папа обещал это не впервые. Но Денни было уже некогда ждать:

— Так есть там кошки с котятами?

— Кошки, говоришь? С котятами? Да их там столько, что ступить некуда.

— И все твои?

— Если пожелаю. Да зачем они мне? У меня же есть свой ослик.

— Ослик?

— Белый, точно яблоневый цвет.

— Настоящий ослик...— ошеломленно выдохнул Денни.

— А глаза красные, точно рубины.

— Теренс! — предостерегающе молвила миссис О'Тул.

— А у Мейзинога котенка голубые глаза. Он шиловый. Она его в школу сегодня приносила,— сказал Денни.

— Да ну...— по рассеянности мистер О'Тул снова принялся размешивать сахар. Но краешком глаза видел, как обиженно дрожат у сына губы.

— Альберт говорит, что в Коннемаре нет шиловых котят.

Мистер О'Тул все крутил и крутил ложечкой в чашке.

— Передай этому Альберту мои наилучшие пожелания и скажи, что у тебя в Коннемаре есть собственный ослик.

— У меня?

— А у кого ж еще? Я же тебе его дарю.

— У меня ... есть ... ослик!..— Денни задохнулся от восторга.

— Самый что ни на есть настоящий! — мистер О'Тул встал из-за стола. Пора обратно в театр, ведь он просто улучил минутку, чтобы выпить чаю в семейном кругу — благо работает неподалеку. Денни увязался за ним, провожать.

— Пап, а он большой?

— Примерно такой,— рука мистера О'Тула изобразила в воздухе осла.— Тебе как раз по росту.

— А я его увижу?

— Когда-нибудь увидишь...

— И верхом покатаюсь?

— Еще бы!

— А он быстро бегают?

— Быстрее ветра.

— У него есть седло?

— А как же! Плюшевое, небесно-голубое, серебряные заклепки, точно звезды, горят... Иди-ка домой. Мать рассердится, если улицу переходить вздумаешь.

— А поводья у него есть? — крикнул Денни вслед отцу.

— Алые, из кожи,— отозвался мистер О'Тул с середины улицы.

— Пап, погоди, пап!

Мистер О'Тул перешел улицу и остановился.

— Как его зовут? — закричал Денни.

— Его зовут Финниган О'Фланнаган! А теперь бегом домой.

— Что с тобой? — воскликнула миссис О'Тул, когда Денни вбежал в дом, пританцовывая от счастья. Мальчик раскраснелся, глаза его возбужденно блестели.

— Горло не болит? — мама тревожно оглядела сына, боясь увидеть признаки болезни.

— Финниган О'Фланнаган!!! — крикнул Денни.

Миссис О'Тул тут же заподозрила, что у сына легкий бред.

— Мама! Так зовут моего ослика! Финниган О'Фланнаган!

— А, все ясно,— засмеялась мама. Признаки отцовской болезни были налицо.— Марш в постель! И помолиться не забудь.

Денни пошел спать и мысленно уложил рядом своего ослика. Вся его молитва, от первого до последнего слова, была о здоровье Финнигана О'Фланнагана.

Наутро он, запыхавшись, прибежал в школу и перехватил Альберта Бриггса возле класса.

— В Коннемаре есть ослики!

— Чего?

— И у меня там есть свой ослик!

— Чего?

— Ос-лик! Мой собственный ослик! Его зовут Финниган...

Тут прозвенел звонок, но еще до первой перемены все кругом узнали, что у Денни О'Тула есть в Коннемаре собственный осел, если Денни не врет. Но ведь Коннемары на свете нет? Значит, у Денни нет никакого осла! Так ему и было заявлено на площадке во время перемены. Денни решил предъявить вещественные доказательства:

— У него есть голубое седло!

— Ура! — закричали сторонники Денни.

— А еще красные поводья и серебряные заклепки на седле! — продолжал Денни.

— Врешь! — заорали его противники.

— Он весь белый.

— Белых ослов не бывает,— уверенно заявил Альберт Бриггс.

— А мой — белый. С рубиновыми глазами. Его зовут Финниган О'Фланнаган!

— Финниган О'Фланнаган! Ха-ха-ха! — Альберт уже откровенно издевался. — Не бывал за морем, так не ври!

Противники Денни победили — их попросту оказалось больше. Дети носились по площадке, выкрикивая смешное, бессмысленное имя. Фин-ни-ган О'Флан-на-ган! Белый осел с рубиновыми глазами! Такого ни один моряк не выдумает! Школьного поэта посетила Муза и решительно взяла его за горло.

— Денни слабак, а ослик — дурак! — провозгласил он.

— Денни слабак, а ослик — дурак! — повторили все как один. И не унимались до самого звонка.

В классе мисс Дейли сказала:

— Денни! Платок!

Ибо Денни, сидя на первой парте прямо перед учительницей, принялся вытирать нос рукавом и рукой. Он старался не шмыгать и вытирать нос незаметней — хотел скрыть от мисс Дейли, что сердце его разбито. Но теперь, под пристальным взглядом ее голубых глаз, Денни извлек из кармана платок, высморкался и одновременно промокнул глаза.

Глаза он, конечно, промокнул украдкой. Одно дело — хорошенько высморкаться, ничего в этом стыдного нет. И совсем иное дело — вытереть глаза. Он же не слабак, нельзя ему плакать!..

Между тем мисс Дейли, ободряюще улынувшись Денни, продолжила урок. Что же стряслось у ее любимца Денни О'Тула?

Мисс Дейли втайне любила его больше других учеников, и на то были свои причины. Впрочем, любимчики есть почти у каждого учителя, только негоже, чтобы об этом прознали дети. А слезы... Что ж, учителям детские слезы не в диковинку. На большой перемене мисс Дейли подозвала к себе Денни и сунула ему в петлицу зеленый трилистник. Трилистник — символ Ирландии, мисс Дейли получила его в то утро по почте — в подарок.

— Это на счастье, Денни.

— Спасибо, мисс... Мисс Дейли!

— Что, Денни?

— А вы видали белых ослов?

— Белых ослов? Где?
— Ну, бывают на свете белые ослики?
— Конечно, бывают. Сама я, правда, не видела. Они очень редкие.

— Что такое редкие? — спросил Денни.

— Ну, значит — особенные, чудесные.

И Денни с гордым видом отправился на перемену — трилистник придал ему сил. Проходя недалеко от Альберта Бриггса, он закричал:

— Мисс Дейли говорит, что белые ослы бывают! Просто они особенные, чудесные. Финниган О'Фланнаган чудесный, ясно?

На следующий день вещественных доказательств прибавилось:

— Его копыта сияют, точно позолоченные. А в хвост вылетела роза!

— Ура!

— Врешь!

Каждый день Денни добавлял все новые штрихи к портрету Финнигана О'Фланнагана — их по вечерам сообщал ему папа. И сторонники, и противники толпились вокруг Денни и слушали, как Финниган О'Фланнаган принимал участие в гонках и обскакал всех ослят и жеребят на три корпуса! А однажды Финниган О'Фланнаган повстречал на дороге бешеного быка и так браво закричал «Иа-иа», что бык попятился и убежал, поджав хвост. Так Финниган О'Фланнаган спас жизнь Гальвитской принцессы и получил от самого мэра медаль за храбрость. Рёв Финнигана О'Фланнагана распугал всех духов и привидений, их теперь в Коннемаре нет! Финниган О'Фланнаган смел, как лев, кроток, как голубица, и мудр, как сова. Он умеет пронести спящего ребенка по рытвинам и ухабам — тот даже не проснется. Финниган запросто распознает подлеца среди честных людей. Если вздумает подлец сесть на Финнигана, ему несдобровать: ни «тпру», ни «ну» сказать не успеет, а ослик уже скинет его в грязь.

— Ура! — кричали сторонники.

— Вранье! — орали противники.

Но все ждали новых и новых рассказов об ослике. Правда ли, нет ли — хорошая сказка детям всегда в радость... Конечно, Финниган О'Фланнаган не стал в школе общепризнанной истиной, но общепризнанной сказкой, безусловно, стал.

Учебный год подходил к концу. Интерес к ослику из Коннемары постепенно угасал — ведь впереди маячили каникулы!

— Ты куда едешь?

— А ты, Мейзи?

— Неужели ты никуда не поедешь, Берг?

— В Саутэнд, на две недели.

— Вот счастливый! — вздохнула мисс Дейли, пробегая мимо со стопками тетрадей в руках.

— А вы куда едете, мисс Дейли?

— В Баллинахинч, — и мисс Дейли поспешила дальше, а ребяташки весело захихикали над незнакомым смешным названием.

Наконец, в последний школьный день, одноклассники пристали и к Денни:

— Ну, а ты куда поедешь?

— Никуда.

— Значит, он собрался в Коннемару, — фыркнул Альберт Бриггс. — Он едет в никуда, а Коннемары на свете нет. Вот и выходит, что он едет в Коннемару.

— Сейчас как дам! — Денни сжал кулаки.

— Ну-ка ты, заткнись! — неожиданно сказала Мейзи Альберту Бриггсу. Мейзи была сегодня доброй: ведь ей предстоит ехать к тетке в Шорхем, а не скучать дома. Вот она и решила утешить Денни и даже пошла с ним рядом, когда дети гурьбой хлынули в класс.

— Расскажи, что нового у Финнигана? — спросила Мейзи.

И Денни попался на удочку.

— Однажды папа потерялся на болоте. Стояла крошечная тьма, у него погасла лампа, а кругом трясина... И тогда у Финнигана глаза засверкали, точно красные фары, и светили всю дорогу, целых сто миль. Папа был очень голодный, он умер бы с голоду, если бы Финниган не...

— Он же мог кроликов настрелять, — ввернул словцо Альберт Бриггс.

— Нет, не мог. У него ружья не было.

— Куда же оно делось?

— Он тогда был маленький.

— Когда потерялся?

— Ну да! И Финниган...

— А сколько сейчас твоему папе лет? — снова встрял Альберт Бриггс.

И Денни честно ответил:

— Пятьдесят два.

— Значит, твой Финниган давным-давно сдох!

Денни обернулся и посмотрел на Альберта в упор. Тот ухмыльнулся:

— Ослы не живут по пятьдесят лет! И Финниган давно сдох! Нет у Денни никакого осла. Денни — слабак!

— А ослик дурак! — подхватил школьный поэт.

— Денни — слабак! А ослик дурак! — завопили мальчишки.

Это неправда! Неправда! Все он врет, этот Бриггс! Папа никогда не обманывает! Денни сжал кулаки, готовый броситься на Бриггса, но вдруг круто развернулся и, заливаясь слезами, стремглав бросился домой.

В тот день, перебегая улицу, он забыл посмотреть сперва налево, а потом направо...

На следующее утро Мейзи рассказала мисс Дейли, что с Денни случилось несчастье.

В тот же вечер учительница зашла к О'Тулам.

— Миссис О'Тул, я пришла проведать Денни. Мы все очень сочувствуем вашей беде... Как он сейчас?

— Ох, мисс, и не спрашивайте. Очень плохо. Да вы зайдите к нему в комнату.

Но Денни не узнал мисс Дейли. Он непрерывно разговаривал с кем-то другим, невидимым, по имени Финниган. Вдруг он глянул на мисс Дейли и сжал кулаки:

— Финниган не сдох! Сейчас получишь! — закричал он.

— Лучше мне уйти, — прошептала мисс Дейли. — Нет-нет, не провожайте, я найду дорогу.

Она вышла от О'Тулов очень расстроенная. Мистер О'Тул ходил по дорожке от калитки до крыльца — взад-вперед, взад-вперед. Он рассеянно глянул на девушку.

— Вы, должно быть, сиделка?

Мисс Дейли тут же распознала дорогой ее сердцу ирландский говор, и душа ее по-родственному потянулась к старшему О'Тулу, как тянулась к его рыжему сыну.

— Я учительница Денни, меня зовут Китти Дейли, — сказала она. — Мистер О'Тул, скажите, кто такой Финниган?

И мистер О'Тул рассказал о Финнигане все, без утай-

ки. И о розе, вплетенной в хвост, и о том, что Финнигана, конечно же, нет на свете.

— Я-то старый болван! Заморочил ему голову сказками,— горевал отец.— Он спрашивал, спрашивал, каждое слово ловил, вот я и выдумывал небылицы, все остановиться не мог!..— тут мистер О'Тул расплакался, а с ним и мисс Дейли.

— Я вам непременно напишу,— сказала она.— Завтра я уезжаю домой, а оттуда напишу. И вы мне пришлите весточку — как там Денни.

Мисс Дейли и в самом деле написала, только не сразу. Когда возвращаешься домой после долгого перерыва, у тебя заполнен каждый день, каждый час. Да и сам Ирландский пролив — это не просто милая кормой, тут кончается Англия и начинается совсем другая жизнь. Да еще, как на грех, вслед за ней в деревушку приехал молодой морской офицер по имени Фрэнк. Китти знала его прежде: он служил на одном корабле с ее братом. И надо же — такое совпадение! — приехал в отпуск в ее родные края. Всю первую неделю оба через слово восклицали:

— Надо же — такое совпадение!

Фрэнк любил фотографировать, он снимал все подряд — все, что показывала ему мисс Дейли. Только сама мисс Дейли ни разу не попала в кадр. Уж как он ее уламывал, как упрашивал — Китти не соглашалась ни в какую.

Как-то на исходе недели они стояли у загона и кормили чертополохом старого серого ослика Падди, который возил в деревню торф с болота.

Вдруг мисс Дейли воскликнула:

— Бог ты мой!

— Что случилось? — забеспокоился Фрэнк.

— Я же не написала!

— Кому?

— Денни, моему дорогому Денни!

— Кто такой Денни? — сурово поинтересовался Фрэнк.

— Мой любимый ученик. Он под машину попал! Сегодня же напишу!

А через три дня Фрэнк застал мисс Дейли в слезах. В руках она держала письмо из Англии.

— Китти! Китти, дорогая, что случилось?

— Денни...— рыдала она.

— Неужели?

— Нет, но он очень плох, его отвезли в больницу!
И он все плачет по своему Финнигану.

— Что за Финниган?

Мисс Дейли рассказала Фрэнку все, что рассказал ей мистер О'Тул: как любил Денни этого ослика из Коннемары, белоснежного ослика с рубиновыми глазами, золочеными копытами и розой в хвосте—его собственного ослика, которого он никогда не видел.

— Конечно же, на самом деле никакого ослика нет,— всхлипывала мисс Дейли,— и не было никогда. Но Денни, бедняжка, все плачет, что ослик умер. А отец ничем, ничем не может его утешить. Был бы у меня белый ослик... Я бы его тут же подарила Денни!

Моряк нежно погладил руку мисс Дейли.

— Ты очень добр,— вздохнула она.— Спасибо, что жалеешь бедняжку Денни. Но его ничто не утешит, только белый ослик.

— Значит, раздобудем белого ослика!— воскликнул Фрэнк. Он готов был достать звезду с неба, лишь бы не катились слезы из прекрасных синих глаз Китти Дейли.

Слезы и впрямь тут же высохли, а синие глаза удивленно уставились в карие глаза Фрэнка.

— Что ты задумал?

— Увидишь!— ответил Фрэнк.— Приходи завтра к загону ровно в полдень и ... Китти!

— Что?

— Молись, чтобы завтра было солнце!

Мисс Дейли, похоже, молилась ночь напролет, потому что день выдался погожим, солнечным как никогда. Даже не дождавшись полудня, Китти прибежала к загону. Фрэнк, однако, был на месте, и Падди тоже. Но, погодите... Разве это Падди? Верно, добытчики торфа завели еще одного осла— белого, точно снег, сияющий под солнцем на горных вершинах. Китти подошла поближе: Фрэнк как раз привязывал к хвосту этого невиданного чуда пышную махровую розу. Лента была синей, как глаза мисс Дейли.

— Позвольте представить вам Финнигана О'Фланнагана,— торжественно произнес Фрэнк.— Только не подходи близко, он еще не высох. Ну как, нравится?

— Какой красавец!— прошептала мисс Дейли.— Где твой фотоаппарат?— она уже поняла, что задумал

Фрэнк.—Сфотографируй его на фоне черного сарая, он засияет, как ангел небесный!

— Только бы постоял спокойно,— сказал Фрэнк.— Он меня уже два раза лягнул и ведро с краской опрокинул.

— Меня он лгать не будет, мы с ним старинные друзья. Правда, Падди?— обратилась к ослику мисс Дейли.

— Вот и отлично!— обрадовался Фрэнк.— Тогда стой с ним рядом, чтобы он не шелохнулся.

— Опять ты за свое! Не хочу я фотографироваться!

— Даже ради бедняжки Денни?

— Он же не по мне тоскует.

— Но если ты будешь в кадре, он поверит, что ослик настоящий.

Мисс Дейли заколебалась. И тут Фрэнка осенило.

— Я придумал отличный кадр! Подними ослу хвост и нюхай розу!

Тут уж мисс Дейли сдалась. Давясь от смеха, она двумя пальцами приподняла ослику хвост и принялась нюхать махровую розу. Щелкнул затвор аппарата.

— Готово!— крикнул Фрэнк.— Еще один кадр сделаю, чтоб уж наверняка!— затвор снова щелкнул.— Мы увеличим лучший кадр и отправим авиапочтой.

— Ой!— воскликнула Китти Дейли.— Так бы тебя и расцеловала!

— Так за чем же дело стало?— улыбнулся Фрэнк.

Один ослик из Коннемары с розой в хвосте улетел в Англию, а другой поселился у Фрэнка в нагрудном кармане.

Осенью Денни не пришел в начальную школу на Лиственничной улице. Но к середине учебного года он уже достаточно окреп, и врачи разрешили ему учиться. Одноклассники ждали Денни с нетерпением. Мисс Дейли уже навестила его дома и знала, что принесет он с собой в первый день. Она отошла в сторонку. А Денни выложил на парту плоский коричневый сверток, такой большой, что даже в портфель не влезал — Денни нес его под мышкой.

— Что это?— немедленно поинтересовался Альберт Бриггс.

— Это мой ослик, Финниган О'Фланнаган,— ответил Денни.

Дети столпились вокруг Денни, а он снял обертку, вынул большой твердый конверт и извлек оттуда фотографию ослика — белого, точно яблоневый цвет, точно снег на горных вершинах, точно белила. Дети изумленно ахнули. Ангелоподобный ослик белел на фоне черного сарая, глаза его сверкали, как рубины, а копыта золотились — Фрэнк выкрасил их светящейся краской. Последние сомнения развеялись — ведь подле ослика стояла их собственная учительница и нюхала розу, вплетенную в Финниганов хвост, а ее улыбка озаряла лужайку, как шаловливый солнечный лучик.

— Ура! — воскликнули хором сторонники и противники.

— Это же мисс Дейли! — сказала Мейзи Боннингтон и подскочила к учительнице. — Мисс! Мисс! Это вы на фотографии?

— Конечно, я!

— А это... правда — Финниган?

— А кто же еще? Финниган О'Фланнаган. Другого такого в мире не сыщешь!

И мисс Дейли принялась сочинять почище мистера О'Тула. Ее сказкам, однако, верили больше, ведь речь шла о живом ослике, которого она своими глазами видела летом, совсем недавно, а не пятьдесят лет назад. Дети открывали рты от восторга. Лишь Альберта Бриггса грыз червь сомнения. И стоило мисс Дейли перевести дух, как Бриггс встрял с вопросом.

— Мисс, ведь Денни сказал, что его ослик в Коннемаре!

— Так оно и есть, — сказал Денни.

— Но мисс, вы же сказали, что едете в какой-то Баллинич.

— Правильно, глупыш. Баллинахинч это и есть Коннемара. Просто другое название, — засмеялась мисс Дейли.

— Так значит, есть такое место — Коннемара? — спросила Мейзи.

— Еще бы! Я же там родилась!

Альберт Бриггс понял, что его карта бита. Поняли это и все ученики начальной школы на Лиственничной улице. Видя такой расклад, школьный поэт тут же изменил курс:

Берт — слабак,
Берт — дурак!

И все вокруг подхватили новый стишок. То была первая, но далеко не последняя победа Денни О'Тула.

Из Ирландии мисс Дейли вернулась с колечком на левой руке, прежде она его не носила. А однажды по классу пополз слух, что к мисс Дейли пришел лейтенант, морской офицер, который побывал за всеми морями на свете. Все бросились смотреть. И точно: моряк сидит в учительской и болтает с мисс Дейли. Потом он вышел поговорить с ребяташками, и они плотно обступили моряка, а некоторые даже отважились до него дотронуться. Чего только ни рассказал он о Финнигане О'Фланнагане! Он переплюнул мистера О'Тула и мисс Дейли вместе взятых. Оказывается, тот, кто побывал за морем, умеет рассказывать такую правду, которая почище любого вранья! А еще он сообщил им очень-очень печальное известие: мисс Дейли после Нового года от них уходит.

— Будет теперь меня вместо вас учить, — вздохнул моряк. — Ох, я не выдержу — один в целом классе!.. Она же с меня три шкуры спустит!

Дети засмеялись. А Мейзи Боннингтон поспешила его успокоить:

— Сэр, она очень добрая и почти никогда не сердится.

— Правда? Ну, тогда проживу как-нибудь, — сказал моряк. А потом сообщил им другое известие, на сей раз очень радостное. На Рождество они с мисс Дейли дарят всему классу билеты на Пантомиму в театр Коронации. Встреча — у школы в первую субботу января.

Моряк свое слово сдержал. «Алладин» в театре Коронации превзошел все ожидания. Альберт Бриггс запомнил все золотые чудеса в Алладиновой пещере. Но больше всего его ослепил блеск золотых галунов на пальто важного человечка, который распоряжался при входе. Человек этот, с серьезным видом подмигнул Денни, а Денни, проходя мимо, шепнул ему:

— Привет, папа!

Альберт понял, что это и есть отец Денни О'Тула. На плечах и руках у него сверкало золото...

Добрый фермер

Вы, верно, слышали, что закоренелые трезвенники, не бравшие в рот ни капли спиртного, не выносившие даже винного духа, иногда вдруг попробуют пива на склоне лет да сделаются горькими пьяницами. Случается это нередко, и люди уже перестали удивляться таким превращениям.

История, которую я хочу вам поведать, тоже вас вряд ли удивит.

Началось это так. Фермер Роберт Чердон объявил Биллу Стоу, что увольняет его — якобы за безделье. Несчастный, дрожащий от ужаса Билл принялся уговаривать хозяина:

— Побойтесь Бога, мистер Чердон. Не губите мою жену и детишек. Одумайтесь!

— Ты, никак, меня за дурака принимаешь? — воскликнул Роберт Чердон. — Я уже подумал, и предостаточно. Я ни времени, ни денег зря не трачу! Пшел вон!

И тут бедняга Билл промолвил:

— Когда тебе, жене или деткам твоим во мне нужда придет, мне тоже не захочется тратить денег и времени.

— В бездельниках не нуждаюсь, — оборвал его Чердон. — И на старость у меня деньги отложены. Кабы я в жизни на бездельников полагался, не было б у меня сейчас хлебородных полей, сочных пастбищ и двухсот голов скота, не было б лавки на Костном рынке, трактира в Подкостье, мельниц на Медвяной речке... И кругленькой суммы в Костаунском банке тоже бы не было. В тебе, Стоу, и тебе подобных я никогда нуждаться не буду. Ты тут деток моих поминал, так у меня их нету. Хотя я десяток запросто прокормлю и не охну. И на внуков хватит. Не мне, а тебе нужда грозит, да не когда рак на горе свистнет, а сегодня, сейчас. Хоть по миру с сумой иди, от меня жалости не дождешься.

С тем Стоу и ушел. В тот вечер в Подкостье только и слышно было разговоров, что о жестокосердном богате.

В деревеньке было с полсотни домишек, и едва ли не в каждом могли припомнить Чердону зло или обиду. Батраков своих он гонял с рассвета до полуночи за жалкие

гроши — так мало никто в округе не платил за работу. Сделки заключал бесчестные, не моргнув глазом обводил соседей вокруг пальца, в церковную кружку ни единой монетки не бросил и приходской школе ничего не пожертвовал. Трактирщиком у него служил запуганный старикашка, его старый знакомец, Чердон помыкал им как хотел и запрещал продавать пиво в долг — ни кружки, ни даже полкружки. Слуг своих он рассчитывал за малейшую провинность, а подвернется кухарка подешевле — он прогонит прежнюю просто так: мол, суп пересолила или мясо не дожарила. Один крестьянин брал у него снятое молоко — свинью кормить. Так пришлось ему за это продать Чердону полсвиньи — иначе богатеи молока не продавал. Чердон даже колоски на своих полях не разрешал после жатвы подбирать, а нищих гнал от ворот прочь. И процветал. С каждым годом становилось у Чердона больше золота и земли, больше скота и птицы. Его сено, зерно, овцы и фрукты считались лучшими в округе, он всегда заламывал за них баснословно высокую цену. И греб деньги лопатой. А соседи и батраки боялись Чердона и ненавидели его лютой ненавистью. Да и не мудрено. Ведь, пока он богател, деревня приходила в упадок. Гибли фруктовые деревья, крыши протекали, дети плакали от голода. Всю деревню вверх в нужду жестокосердный богатеи. И повсюду — от Подкостья до Костауна и дальше, вниз по Медвяной речке, люди винили в своих тяжких бедах Роберта Чердона. Ведь это их денежки — за пиво в трактире, за помол на мельнице, за малое и большое — перетекали в его карманы, а оттуда — на счет в Костаунский банк.

Может, так бы все и шло, но жалкие угрозы бедняги Билла Стоу запали в душу богача. И переменили его судьбу. Так и стучало порой в голову:

«Когда тебе, жене или деткам твоим придет во мне нужда...»

Разумеется, не грядущая нужда пугала Роберта Чердона. «Жена и детки» — вот те слова, что всплывали в памяти фермера, когда он обходил свои бескрайние поля, когда листал свою чековую книжку... Не столько задумывался он о смысле этих слов, сколько просто повторял их — бесконечно, точно припев к чудесной песенке о золотых колосьях и мешках, набитых золотом. Если бы не выговаривались, не выпевались в душе заветные слова, Роберт Чердон и на Костаунской скотной ярмарке раз-

глядывал бы лишь жеребцов да телок. Он и глаз бы не поднял на хорошенькое личико Джейн Лили. Но он поднял. И впервые в жизни отчаянно захотел получить что-то насовсем — что нельзя будет потом продать за звонкую монету. Впрочем, звонкая монета никогда не повредит, решил Роберт Чердон. Попробуем купить желаемое!

Еще утром он не знал, что такая девушка есть на свете. Но теперь в его душе что-то стронулось — едва он увидел блестящие светло-русые волосы, улыбку алых губ, усыпанный веснушками носик и серые невинные глаза. Какой-то покупатель приценивался к корове, которую девушка держала на поводу; он расспрашивал, девушка отвечала, и звук ее голоса для стоявшего поодаль Чердона был точно журчанье ручья для томимого жаждой путника. Жажду эту он ощутил внезапно и неодолимо. А времени Роберт Чердон, как известно, терять не любил.

Подойдя поближе, он тоже осмотрел корову.

— Я скупаю скот, — сказал он. — Сколько вы хотите?

— Ой, простите, — ответила Джейн Лили. — Вот только продала!

— И за сколько же?

Джейн назвала цену.

И вдруг, к собственному удивлению, Чердон произнес:

— Заплачу на фунт больше.

— Вы очень добры, господин фермер, — сказала Джейн. — Но ведь она продана.

Добрым Роберта Чердона назвали впервые в жизни!

— А деньги вам отдали? — спросил он.

— Нет, но скоро принесут.

— Значит, сделка пока не действительна. Продайте мне — получите больше.

— Но мы уже договорились, господин фермер, я пообещала... нельзя же нарушать данное слово, правда? Но вам все равно большое спасибо!

— У вас отличная корова, а платят за нее слишком мало, — продолжал Роберт Чердон. — Я вас тут прежде не видел, — неожиданно произнес он.

— Вы, верно, видели моего отца. Я дочка Джона Лили из Камстока. Отец теперь болен, денег в доме вовсе нет, вот я и привела Красулю на ярмарку. А вон и ее но-

вый хозяин идет. Вроде добрый человек, не обидит мою коровушку. Ну, прощай, Красуля,— и девушка поцеловала корову меж рогов. Говорила она весело, а глядела печально — у Чердона снова сжалось сердце. На миг он возненавидел корову, которой достался столь нежный поцелуй. Подошел покупатель и, отсчитав деньги, отдал Джейн. Она сунула их в карман, попрощалась и ушла. Чердон глядел ей вслед. Что ж, и ему прикажете сказать «Прощай, краса моя?» Нет, он эту девушку так не отпустит! Повернувшись к новому хозяину коровы, он презрительно сказал:

— Ну и доходягу ты купил! У тебя что, глаз нету? — и перечислил опечаленному покупателю все недостатки Красули.

В тот же вечер фермер Чердон постучался к Джону Лили. Дверь распахнулась, и на пороге показалась Джейн. Она сбежала по крутым ступенькам, но все еще не узнавала гостя — лицо его было в тени, а ей прямо в глаза било закатное солнце. И вот она уже возле Чердона.

— Это вы... — сказала Джейн и протянула руку...

Никто и никогда не приветствовал Роберта Чердона так нежно, никто прежде не радовался его приходу. Он пожал руку Джейн, и вдруг, заметив что-то у него за спиной, она вскрикнула и взволнованно, по-детски, сжала его пальцы.

— Забирайте вашу Красулю, мисс Лили, — сказал фермер. — Она вернулась домой.

— Но почему?

— Я перекупил ее. Она снова ваша. Ведите в хлев.

Джейн онемела от счастья. И бросилась обнимать Красулю. Но Чердон больше не ревновал к корове, ведь Красуля теперь — его собственность, значит, и поцелуй предназначен ему.

Отведя корову в хлев, Джейн стала уговаривать Чердона зайти в дом и познакомиться с ее отцом.

— Я уже рассказала батюшке, как вы были добры ко мне поутру, на ярмарке. Но не смогла объяснить, кто вы, ведь я не знаю вашего имени. Зайдите! Батюшка отблагодарит вас лучше моего.

Чердон твердо знал, что лишь сама Джейн может отблагодарить его так, как он рассчитывает. Но в дом он все же зашел. Джон Лили глядел на них, откинувшись на подушки, а Джейн торопливо рассказывала, как добр, как

бесконечно добр к ним новый знакомец. Старик пробор-мotal «спасибо», собрался было сказать еще что-то, но Чердон оборвал его и вскоре ушел. Джона Лили он отлично знал. Да и старик, верно, знал о дурной славе фермера. Джейн проводила Чердона до ворот.

— Не знаю, что и сказать вам,— произнесла она просто.— Надо бы вернуть вам деньги за корову. Но мы продали ее как раз из-за денег.

— А мне они и не нужны,— ответил Чердон. Кстати, корову он выторговал задешево — на фунт дешевле, чем продала ее Джейн.

— Тогда, быть может, вы хотите забрать ее к себе на ферму?

— Поживем — увидим,— сказал Роберт Чердон.

— Забирайте, как захотите,— ответила Джейн.— И большое вам спасибо за доброту вашу.

Спустя три месяца, когда Джон Лили умер, Чердон и в самом деле забрал Красулю к себе на ферму. Деревенские высыпали на улицу и изумленно глазели на Джейн — счастливую невесту Роберта Чердона. Жених вез ее в церковь, и девушка прямо сияла от счастья! Удивительно! Бывают же чудеса на белом свете! Не впервой бедным девушкам выходить за богачей, да только радости в том мало — не сияют они, не румянятся, точно розы в июне!

А Джейн сияла от счастья целый год — весь недолгий год, что была женой Роберта Чердона.

Для чужих людей муж по-прежнему был жесток и неумолим, зато дома все старался угодить жене, чтоб расцвела она улыбкой, чтоб сказала:

— Как ты добр!

Он вскоре обнаружил, что ее радость — а его прихоть — обходится ему совсем дешево, задаром. Ведь жена радовалась любой мелочи и дорогое слово легко слетало с ее губ, когда муж приносил найденную в траве землянику. Порой он все же выкладывал на ярмарке денежки за цветастый платок и пакетик сладостей. Чердон радовал жену чем мог, носил ей подарки — она, бедняжка, и не подозревала, каков он на самом деле. А на исходе года Джейн родила ему дочку да и умерла в родах. Свою короткую замужнюю жизнь она знала мужа лишь добрым и иначе никогда не называла.

Роберт Чердон нарек дочку Джейн — в честь матери, но кликал ее непременно Маленькая Джейн. Он так на-

пирал на слово «маленькая», точно большая Джейн была жива, и ему надо было их как-то различать. Так, верно, ему мечталось...

— Как спалось Маленькой Джейн? — спрашивал он поутру у няньки.

— А где Маленькая Джейн? — спрашивал он садовника, когда дочка гуляла.

А через несколько лет люди тоже стали называть девочку Маленькая Джейн. Слова слились в одно длинное имя.

Все думали, что фермер невзлюбит ребенка за смерть матери. Но девочка с первых дней заняла место покойницы в его сердце, и ему снова захотелось делать добро. Впрочем, сам он понял это, лишь когда малышка заговорила. Вначале же он просто просиживал часами возле ее колыбели или привязывал дочь себе на спину — как носят младенцев женщины-индианки — и обходил с нею свои угодья. Отец был немногословен, но глядя на дочку, ощущая в руках ее хрупкое тельце, он вспоминал снова и снова: «Ты и твои детки...» Как много, оказывается, кроется за простыми словами!

— Па-па! — произнесла однажды девочка. Это было ее первое слово. А после еще слова, много-много слов пробились, словно молодые побеги из земли, согретой весенним солнышком. Первые слова ребенка — настоящее чудо, но прежде фермеру Чердону не приходилось об этом задумываться. Теперь же дочкин лепет радовал его, как первые колоски на поле. Чуткое ухо отца ловило все новые и новые слова, они удивительным образом складывались в знакомые сочетания, но теперь в них пела иная музыка, теперь они светились иным светом. Однажды в июне, незадолго до дочкиного двухлетия, Чердон нашел на лугу первую землянику и принес Маленькой Джейн — совсем как ее матери когда-то. Девочка схватила свернутый листок, в котором катались красные шарики и восторженно сказала:

— Папа добрый!

Где услышала это слово девочка? Откуда взяла?.. Отцовское сердце защемило. Откуда, как не от матери, досталось дочке чудесное слово?..

Оно ласкало отцовский слух, Чердон хотел бы слышать его днем и ночью. Он даже пускался на уловки, лишь бы выманить его у дочки. Таскал ей игрушки с ярмарки, водил с собой по полям, показывал птичьи гнезда, мур-

вейники и прочие разности, которые так любы детскому сердцу. Он стал замечать то, на что прежде не обращал внимания, что принимал как должное. Теперь все было иначе — вдруг да вымолвит дочка заветное словечко, вдруг похвалит отца за находку? Если же Джейн забывала, подолгу не произносила слово «добрый», фермеру казалось, будто рушится мир и ничто вокруг он уже не вправе принимать как должное. Чердон не задумывался, что означает это слово. Он не знал, добр ли он на самом деле. Да его это и не заботило особенно. Он хотел лишь, чтобы Маленькая Джейн неустанно повторяла: «Добрый папа».

Как-то раз фермер услышал у ворот плач ребенка. Решив, что плачет Маленькая Джейн, он побежал успокоить дочку, осушить ее слезы — во что бы то ни стало! Она в самом деле оказалась у ворот, но не плакала, а утешала другую девочку, годом старше, которая заливалась горькими слезами. Дочка подбежала к отцу и объяснила, что подружка потеряла пенни. А потом Маленькая Джейн просеменила обратно и радостно заявила:

— Мой папа добрый, он даст тебе пенни!

И уверенно оглянулась на отца. И фермер Роберт Чердон, сам себе удивляясь, тут же извлек из кармана монетку и отдал заплаканному ребенку. Так дал трещину главнейший из его жизненных устоев. Ведь прежде он считал, что деньги зарабатывают вовсе не для того, чтобы раздавать их направо и налево. Фермеру стало не по себе, точно из рук уплыла не одна монетка, а целое состояние. Кто знает, может, в тот час и отвернулась от него удача? Однако, Маленькая Джейн глядела на него с обожанием, а вторая девочка, мгновенно осушив слезы, припустила по улице, зажав в кулаке свое богатство.

— Чья это девочка? — спросил Фермер.

— Это Молли!

— Чья же дочка твоя Молли?

— Она просто Молли, так ее зовут, — объяснила Маленькая Джейн.

Так Роберт Чердон и не добился ответа. Но в тот вечер в пятидесяти двух домишках деревеньки Подкостье только и разговоров было, что о скаредном фермере, который впервые в жизни отдал монету даром, не получив ничего взамен. И кому бы вы думали? Молли! Дочке того самого Билла Стоу!

Через несколько дней новый слух заметался от порога к порогу. Нищего бродягу занесло на ферму к Чердону,

и хозяин дал ему хлеба и свои старые башмаки! Слухи росли как снежный ком:

- Вроде не только хлеба, но и мяса!
- Не только башмаки, но и шляпу!
- Врешь, врешь!
- На что спорим?
- Точно говорю! Да еще бутылку пива в придачу!
- Не может быть!
- ...И старое пальто!
- Ого!

Видел бродягу Сэл Винтер. Бродяга рассказал ему, что у заднего крыльца повстречал он хозяйскую дочку, а она отвела его напрямик к хозяину и говорит:

- Папа, он голоден!

Так вот прямо и сказала. А фермер дал ему кучу еды и одел с головы до ног. Что это нашло на Роберта Чердона? Того и гляди пожертвует деньги на школьный праздник! И, верно, не меньше шиллинга.

Так оно и случилось. На угощение ребятишек он отвалил целых два шиллинга. И Маленькая Джейн Чердон тоже отправилась на праздник, хотя была еще мала и в школу не ходила. После праздника Роберт Чердон нетерпеливо поджидал дочку и, выловив ее из весело гомонящей толпы, понес домой на руках.

- Ну, доченька, понравился тебе праздник?
  - Очень! Спасибо, папа! Ты такой добрый!
- Она уткнулась отцу в плечо и повторила:
- Мой добрый, добрый папа...

Дома отец бережно уложил ребенка в постель. Он тоже был счастлив, но в душе его поселилось смутное беспокойство.

А вскоре деревню ошарашила новая весть: Маленькая Джейн Чердон тоже устраивает праздник — не хуже школьного — и приглашает детей со всей округи! Она затеяла это сама. Взобравшись на колени к отцу, она разъяснила, чем угощали на школьном празднике, во что играли, какие песни пели. Большие дети были к ней очень добры — значит, надо им добром отплатить. Вот она, Джейн, и устроит им новый праздник. Только не на лесной поляне, а на отцовском лужке, за сеновалом. Хорошо, папа?

— Конечно, устроим, — отозвался Роберт Чердон, а сам прикинул в уме, что угощение обойдется ему ох как недешево.

Деревенские ушам своим не верили. Нет ли тут подвоха? Не обидит ли богат их детей, не обделит ли? Но праздник удался на славу: дети пришли все до единого, ели-пили вдоволь и никто не ушел голодным. А маленькая хозяйка бегала от одного гостя к другому радостная и счастливая. Надкусит пирожок — бросит, схватит яблоко — оставит. Она была сыта своим счастьем. Дети ласкали Джейн, хотели играть с ней: малышка полюбила всех за доброту и веселый нрав, а вовсе не за отцовское богатство. Отовсюду слышалось:

— Эй, Маленькая Джейн, иди сюда!

— Я устрою тебе гнездышко в сене!

— Давай скатимся с этого стога, Джейн! Не бойся, я тебя крепко держу!

— Сейчас очередь Маленькой Джейн! Прыгай, а мы покрутим скакалку.

— Сыграем в дочки-матери! Чур, Джейн моя дочка!

Роберт Чердон, меж тем, в задумчивости стоял на краю лужайки. Прежнее смутное беспокойство усилилось и прочертило на его лбу глубокую морщину.

Не прошло и недели, как Роберт Чердон с дочкой снова оказались у всех на устах. Девчухе теперь не сиделось дома, она целыми днями пропадала в деревне, и ее тепло привечали в каждой семье. А вечерами она устраивалась у отца на коленях и принималась болтать. У Томми Робинсона больна мама, она даже с постели не встает, и Томми совсем нечего есть... А у Сьюзи Мор промок топчан, потому что как раз над ним протекает крыша... А Гаффер Дженнингз целый день плачет, потому что ястреб утащил двух кур, и теперь им негде брать яйца. Конечно, папа отдаст им двух наших кур, нельзя же, чтобы Гаффер плакал еще и целую ночь! Маленькая Джейн рассказывала о деревенских бедах безмятежно, твердо зная, что ее добрый папа найдет выход из любой беды, поможет любому несчастью. Он наполнит зерном все амбары и починит все крыши. Маленькой Джейн и ее друзьям не придется горевать, ведь добрый папа спасет их от всех напастей. И Роберт Чердон помогал, наполнял, чинил и спасал — он не мог огорчить Джейн, не мог ее подвести. Прежде в деревушке Подкостье была лишь одна справная ферма, и принадлежала она богачу Роберту Чердону. Теперь деревенские потихоньку выбрались из нищеты, обстроились. Сон каждого ребенка охраняли крепкие стены и надежная крыша — не хуже, чем у самой

Джейн Чердон. У крестьян стало вдоволь пахотной земли, хватало и зерна, чтоб ее засеять. Неказистые окрестные деревушки завидовали благоденствию Подкостья.

Но стоило оно уйму денег! И наследство Джейн понемногу растрачивалось. Отец понимал это, давал себе слово остановиться, клялся, что эта трата — последняя. Разве не обязан человек думать в первую очередь о своем ребенке? Разве не должен обеспечить его будущее? Но снова и снова не мог Роберт Чердон устоять перед дочкиной просьбой. И сам себя успокаивал: «Не беда, в сундуках еще много денег». Он уже не волен был остановиться, его влекло неудержимо — дарить, отдавать... Так вот — помните? — и становятся запойными пьяницами... Деревенские теперь кликали его Боб Чердон и здоровались приветливо, по-соседски. Ведь каждому из них он сделал что-нибудь доброе.

Однажды Маленькая Джейн заболела, и ее отвезли в Детскую больницу. На Чердона взглянуть было страшно: он совсем обезумел. Джейн, к счастью, быстро вернулась домой — веселая и здоровая. А вскоре в Детской больнице случился пожар. Детей успели вынести из огня, но здание сгорело дотла. В тот же день Роберт Чердон продал мельницы на Медвяной речке, чтобы отстроить больницу заново. Продавал наспех, а значит — себе в убыток. Покупатель довольно ухмылялся, радуясь чердоновой дури, деревенские онемели от изумления, больница благословляла доброту Роберта Чердона, а сам он прижимал к своей груди Маленькую Джейн и думал о грядущей им нищете.

Впрочем, в те дни тревожиться было еще рано. Но Чердон, видно, знал, что его страсть, его болезнь уже неизлечима. Он обречен отдавать. Он готов был подарить своей девочке весь мир, но ее добрая душа хотела счастья для всех. И отец одаривал всех; притом, чем меньше оставалось у него денег, тем легче расставался он с ними. Он искренне желал избавиться от порока, но не мог и безмерно от этого мучился. Его сбережения таяли не по дням, а по часам, люди славил его доброту, а он ходил понурый, точно знал за собой серьезную вину. Но и тогда не отложил он для дочери даже малой толики от быстро таявшего состояния. А его хохотушка Джейн по-прежнему радовалась жизни. Она верила в отца, верила в людей, и всё ей было нипочем. Она, разумеется, не знала, что отцовская лавка на Костном рынке пошла с молотка, не

знала, что Чердон продал последние акции, что в трактире теперь новый хозяин. А если б знала? Грустить бы не стала! Однажды отец спросил:

— Маленькая Джейн, не пожить ли нам в маленьком домике вместо этой огромной фермы?

— В хижине в лесу? — воскликнула Джейн. — Ой, папа, я очень хочу!!! Мне там так нравится!

И они перебрались в хижину. Тучные хлеба Роберта Чердона убрал с полей кто-то другой, а Детский приют получил от неизвестного дарителя чек на громадную сумму.

На самом деле, Боб Чердон почуял, что его подкосили тревоги и точит его тяжелый недуг. Никому он об этом не рассказывал, денег на доктора тратить не хотел. Вот и думал невольно, что в скором времени Маленькая Джейн останется круглой сиротой, и одарил Приют на свои последние деньги.

Около года прожил Роберт Чердон с дочкой в хижине дровосека. Затем его пришел конец, поскольку тратить больше было нечего. Однако, именно в этот год тревожная морщинка на его лбу разгладилась. Он был гол как сокол. Ничто в этой жизни от него теперь не зависело, и, перестав с замиранием сердца думать о будущем Джейн, отец верил ее Господу. Роберт Чердон нанялся батраком на свою бывшую ферму, зарабатывал на хлеб да кашу для двоих, а по воскресеньям они с Джейн шли гулять и остатки жалованья раздавали нищим на дороге. Отец шел следом за дочкой по лесной тропе к дому, и карманы его были пусты. Он глядел на Джейн новым, просветленным взглядом, а она, пританцовывая, бежала впереди, стучалась в собственную дверь, склонив головку набок, ждала ответа, отвечала себе строгим голосом: «Войдите», а потом усаживалась и нетерпеливо ждала отцовского стука.

— Входи, папа!

— Добрый вечер, мисс Маленькая Джейн.

— Добрый вечер. Ты ходил на прогулку?

— Да. Славно прогулялся.

— Кого ты встретил?

— Пару нищих.

— Что ты им дал?

— Пару монет.

— А что они сказали?

— Спасибо и привет.

— Ты все забыл, папа! Они сказали: «Спасибо, сэр, вы очень добры!»

Потом отец с дочкой ужинали. Кроме каши и хлеба на столе у них всегда оказывалось еще что-нибудь: люди то и дело совали девочке еду, то яблок корзинку, то мед в сотах. Если где свинью заколят, непременно отнесут кусок Бобу Чердону или просто «Бобу». Матери частенько отправляли ребятню в дровосекову хижину:

— Беги-ка, Томми, снеси Бобу этой требухи.

— Лу, занеси Бобу яйца, тебе по дороге.

Но вот однажды, рано утром, Маленькая Джейн постучала в дом Билла Стоу и сказала:

— Я не могу папу добудиться.

Билл вскочил:

— Маленькая Джейн, ты садись, завтракай с Молли, а я посмотрю, что там с Бобом.

Джейн провела у Стоуна целый день, а потом ночь, и еще день, и еще ночь. А на третий день Боба Чердона похоронили. Вся деревня провожала его в последний путь. Люди уже знали, что Боб умер в нищете и у Джейн не осталось ни гроша за душой. Кто-то заикнулся о Приюте, но вы бы видели, как вспыхнул от гнева Билл Стоу.

— Отправить ребенка Боба Чердона в приют? Да ни за что на свете! Только с моими вместе, когда я сам ноги протяну! Маленькая Джейн пришла ко мне в дом — тут она и останется. Мое слово твердое!

Тут заговорили все наперебой: он меня спас, он мне помог, он то, он сё. Загубил себя Боб ради наших детей! Что же теперь его ребенку за его доброту пропадать? Да мы все перед ним в долгу! И Джейн теперь наша дочка, мы ее в обиду не дадим!

Так и порешили. Стала деревня для Джейн и отцом, и матерью. Домов тут было около полусотни, как раз по числу недель в году. И Джейн жила поочередно в каждом. Хотя любой хозяин — от священника до каменотеса — с радостью оставил бы девочку хоть на целый год. Джейн переходила из семьи в семью и в каждом доме слышала об отце доброе слово. Остался он в памяти людской как Добрый фермер, а молва разнесла эту историю в самые дальние края. Подкостье тем и прославилось, что жил там когда-то Добрый фермер, который обездолил родную дочку ради чужих детей. Деревня помнила о Чердоне и гордилась им. Джейн не осталась обездоленной — ее наследством стала людская доброта и благодарность, любой дом в деревне был теперь ее домом, у любого очага ей было тепло.

Листвия

*Ты нежнее согретого солнцем цветка,
Ты светлее звезды, что в ночных облаках
Одиноко сияет. Цветок и звезду
Я повсюду ищу, но нигде не найду.
О тебе — все моления мои и мечты!
Но когда же, когда же мне встретишься ты?..**

I

Не успел молодой король страны Велико-Трудании дописать стихотворение, как в дверь постучали. На пороге стояла горничная Селина.

— В чем дело, Селина? — нетерпеливо спросил король.

— Вас министры зовут.

— Зачем?

— Они мне не докладывали.

— Но я занят! Я сочиняю.

— А они велели непременно сейчас.

— Ну так передай им ...

— Недосуг мне взад-вперед ходить. Лестницу мыть надо.

Король со стоном отложил перо и направился к двери.

— Уберу-ка я в вашей комнате, покуда вы с министрами ласы точите, — проговорила Селина ему вслед.

— Убери, сделай милость, только на столе ничего не трогай. Ни единой бумажки, слышишь!?

— Да ладно, ладно. Под ноги смотрите, не то за ковер зацепитесь.

— Как же я зацеплюсь, если ты его сняла?

— Вот и я говорю, что сняла, — сказала Селина.

«Иногда мне кажется, что Селина глупа как пробка», — сказал себе молодой король. Порой его так и подмывало уволить горничную, но он тут же вспоминал, что Селина — подкидыш и найденыш. Ей был всего месяц от роду, когда ее нашли на ступенях Приюта. В Приюте ее вырастили, кой-чему научили и в возрасте четырнадцати лет она пришла во дворец с жестяной коробкой под мышкой, в которой помещался весь ее нехитрый скарб. Сперва Селина была посудомойкой, но через пять лет дослужилась до великой чести — убирать королевские покои.

---

* Перевод Т. Тульчинской.

И если он, король, Селину уволит, ей в жизни не найти другого места. Придется бедняжке вернуться в Приют и прозябать там до конца дней своих... Поэтому король лишь глянул на Селину построже и спустился в зал заседаний, стараясь не зацепиться за ковер, которого вовсе не было!

Королю Велико-Трудании пришла пора жениться. Именно это и сказали министры хором — все как один. И они, разумеется, считали, что королевой Велико-Трудании вправе стать только настоящая принцесса!

— Какие принцессы имеются в наличии? — спросил молодой король, которого звали Джон. Его батюшка, старый король, знал, что если наречь сына Джоном, он вырастет простым и трудолюбивым королем, а не каким-нибудь сумасбродом. Сумасбродство в Велико-Трудании было не в чести. Зато работу свою тут каждый выполнял исправно. Министрам по долгу службы надлежало женить короля, а королю надлежало жениться — такая работа. Король сызмальства приучился ставить работу превыше всего, поэтому он покорно спросил:

— Какие принцессы имеются в наличии?

Премьер-министр заглянул в список.

— Есть принцесса Сугробии, эта страна лежит от Велико-Трудании к северу. Есть принцесса Баобабии, эта страна граничит с нами на юге. И на востоке, в Трясинии, тоже есть принцесса. Так что выбор велик, Ваше Величество.

— А на западе, в Листвии, разве нет принцессы? — спросил Джон.

Министры сразу помрачнели:

— Ваше Величество! Что находится на западе, мы не знаем. Листвия испокон веков отделена от нас забором, туда не проникал никто и никогда. Говорят, что в этой глухой чащобе живут одни ведьмы.

— А вдруг это богатая, зеленая страна, и живут там одни принцессы? — воскликнул король. — Завтра я съезжу в Листвию на охоту и все выясню.

— Но Ваше Величество! Это запрещено! — встревожились министры.

— Запрещено?.. — задумчиво повторил Джон. И тут же вспомнил, как в детстве родители строго-настрого запрещали ему ходить в Листвию.

— Даже приближаться не смей, — говорила матушка.

— Но почему? — спрашивал он.

— Там очень опасно!
— Что там опасного?
— Этого я и сама не знаю,— признавалась королева.
— Откуда же ты знаешь, что там опасно?
— Это все знают. Все матери в королевстве предупреждают своих детей об этой опасности. Листвия — страна неведомая.

— Но, быть может, вовсе не опасная,— говорил принц Джон, нынешний король Велико-Трудании.

С детства запала ему в душу мечта о неведомом крае, однажды он даже решился туда проникнуть, но высокий деревянный забор оказался неодолимым препятствием — ни перелезть, ни подлезть. У забора принц повстречал множество ребятишек — они становились на коленки, привставали на цыпочки, искали щелки и дырочки. Принц тоже гнулся в три погибели и тянул шею, искал и, наконец, отчаялся. Все было без толку: забор слишком высок и доски приколочены слишком плотно. Горько разочарованный, Джон вернулся во дворец.

— Кто отгородил от нас Листвию? — спросил он у матушки.

— Неужели ты ходил туда? — испугалась королева. — Кто и когда отгородил Листвию, неизвестно, даже старики не помнят.

— Я хочу сломать забор! — воскликнул принц.

— Но он построен, чтобы защитить тебя!

— От кого и от чего? — спросил принц.

Этого королева не знала и ответить на вопрос не могла. Она лишь покачала головой и приложила палец к губам, сказав:

— Тсс...

Забор был хорошим защитником, но матери все же постоянно стращали детей опасностями, которые за ним кроются. И дети тут же бежали, чтобы найти хоть маленькую щелочку и заглянуть в неведомое. Так и росли ребятишки в Велико-Трудании — с сокровенной мечтой о таинственной Листвии. А потом вырастали, обзаводились семьями, и все начиналось сызнова. Повзрослевшие дети принимались стращать своих народившихся детей опасностями, которые никто никогда не видел.

Потому-то и перепугались министры, услышав, что Джон намерен поохотиться в Листвии. Потому-то и закричали они наперебой:

— Это запрещено! Запрещено! Запрещено!..

— Да-да, матушка мне говорила,— подтвердил Джон.— Но мы все же поедем завтра на охоту в Листвию.

— Ваше Величество! Не вздумайте снести забор! Против вас восстанут все матери и отцы во всех концах королевства!

— А мы через забор перескочим! И поохотимся в Листвии!

Настояв-таки на своем, молодой король отправился наверх — предупредить Селину, чтобы подготовили к утру охотничий костюм. Селина стояла возле письменного стола и, опершись на швабру, читала стишок, написанный королем.

— Не смей читать! — сердито сказал Джон.

— Ну и не надо! — Селина принялась изо всех сил тереть каминную полку.

Король ждал, что она хоть словечко, но скажет про его стихи. Селина молчала. Тогда король холодно произнес:

— Я еду завтра на охоту. Будь добра подготовить все необходимое.

— Для чего необходимое? — спросила Селина.

— Для охоты, разумеется! — ответил король и в который раз подумал: «Глупей девушки я не видывал».

— Ах, вот оно что, — протянула Селина. — Вы, значит, поохотиться решили?

— Я же тебе только что сказал!

— Ну и куда вы поедете?

— В Листвию.

— Что-то не верится...

— Надеюсь, — вскипел Джон, — ты поймешь когда-нибудь, что я слов на ветер не бросаю.

Селина принялась стирать пыль со стола, да так размахалась тряпкой, что листок с королевскими виршами слетел на пол. Поспешно подобрав его, король покраснел до корней волос и промолвил:

— Так ты, значит, это читала?..

— Угу, — ответила Селина.

Воцарилось долгое молчание.

— Ну и?.. — робко спросил король.

— Это у вас вроде как стишок? — уточнила Селина.

— Да...

— Я так и подумала... Что ж, комната убрана! — решительно сказала горничная и — ушла!

Король так рассердился, что смял листок со стихами и бросил бумажный шарик в только что вычищенную кор-

зину для бумаг. Уж очень ему хотелось досадить Селине хоть чем-нибудь!

II

Настало утро, и кавалькада охотников устремилась в Листвию.

Нетерпеливый молодой король на белом жеребце скакал впереди, а за ним — егеря и придворные. Вот показался вдали забор, и королю подумалось, что он словно бы уменьшился со времен его детства. Забор облепили ребяташки: кто пытался подлезть, кто тянул шею, чтобы заглянуть поверх, кто искал щелку — да все без толку.

— Эй, ребяташки, посторонись! — воскликнул король и, пустив коня в галоп, перелетел через забор, точно на огромной белой птице. Сзади застучали копыта, но перед самым забором все всадники осадили лошадей. Некоторые были отцами и так часто пугали своих детей, что и сами стали бояться неведомой страны пуще всего на свете. А некоторые, хоть и выросли большими, оставались по-прежнему чьими-то сыновьями, и в то утро матери снова строго-настрого запретили им ехать с королем в Листвию. Короче, отцы и сыновья, все как один, повернули назад. Лишь король — сирота и холостяк, не отец, не сын — пришпорив коня, перескочил через забор и очутился в Листвии.

И стало ему очень-очень грустно — ведь он ждал совсем другого! Приземлившись, конь погрузился в палую листву по самые стремяна. Впереди виднелся завал: сухие сучья и ветки, пожухлая трава, отмерший папоротник — все вперемешку, все заплесневелое и гнилое. Там же валялись кучи мусора — обрывки картинок, сломанные куклы, битые сервизы, ржавые трубы, старые птичьи гнезда, выцветшие венки, лохмотья, расколотые стеклянные шарики, разрисованные книжки без обложек, коробки с остатками красок — потрескавшихся и непригодных для рисования. И еще уйма всякой всячины — старой, грязной и рваной. Кое-что король взял в руки: юлу с перетянутой пружиной и бесхвостого воздушного змея. Попытался было раскрутить юлу, запустить змея, но безуспешно. Рассерженный и озадаченный, он решил перебраться через завал — не может же вся страна состоять из одной бесконечной свалки!

За свалкой тянулась бескрайняя серая пустошь, ровная, как доска и огромная, как пустыня. Пустошь длилась — ни конца, ни краю. Король ехал без малого час, но ничего вокруг не менялось. Он вдруг испугался, что будет ехать среди этой пустоты вечно. Оглянувшись, он едва различил на горизонте завал, маячивший в невозвратной дали маленькой черной точкой. А вдруг он скроется из виду?! Как выбраться тогда из этой пустыни? Перепуганный король повернул вспять и, нахлестывая коня изо всей мочи, поскакал к завалу. Спустя час он приземлился за забором, в Велико-Трудании. И с облегчением вздохнул.

Ребятишки, прилипшие носами к забору, встретили его восторженными криками.

— Что вы видели там? Что вы видели?

— Ничего. Только кучу мусора, — ответил Джон.

Дети недоверчиво уставились на короля.

— А в листе-то кто прячется? — спросил какой-то мальчик.

— Да нет там никакой листы, только палаая, — проговорил Джон. Дети смотрели на короля, точно он отъявленный лгун. И он поспешил во дворец, к министрам.

— Слава Богу, Ваше Величество! — закричали они радостно. — Вы целы и невредимы! — и тут же, словно малые дети, спросили:

— Что вы там видели?

— Ничего и никого, — ответил Джон.

— Ни единой ведьмы?

— И ни единой принцессы. Итак, завтра я еду свататься в Сугробию.

Наверху, в своих покоях, король велел Селине собрать чемодан.

— Куда едете? — поинтересовалась Селина.

— В Сугробию, к принцессе свататься.

— А-а, тогда вам понадобится шуба и шерстяные варежки, — и Селина отправилась укладывать вещи.

Король решил, что и стихотворение захватить не мешает, но мусорная корзинка была снова пуста. Расторопность горничной страшно разозлила короля. Он даже не пожелал Селине спокойной ночи, когда она принесла ему в кровать стакан горячего молока.

III

В Сугробии Джона никто не встречал, и он был немало этим удивлен. «Их же предупредили о моем приезде! Или, может, к ним сюда короли каждый день заглядывают?» — подумал он. Было довольно свежо. А если честно — стоял трескучий мороз! На улицах Джону встречались прохожие, в окнах домов и магазинов тоже виднелись люди, но на него никто не обращал ни малейшего внимания. А если кто из прохожих и бросал случайный взгляд на короля, лица их все равно ничего не выражали. «Да и немудрено, — думал Джон. — Такие холодные, заиндевелые лица не исказит ни печаль, ни радость. Бр-р, до костей пробирает: и люди ледяные, и воздух ледяной... Не очень-то обнадеживающее начало».

Молодой король все же добрался до дворца, стоявшего на самой вершине горы, на сияющем леднике. Да и сам дворец сверкал, точно сделанный из чистого льда. Копыта коня то и дело срывались на скользком склоне, подъем длился долго, руки у короля покраснели, а нос посинел от холода и ветра.

У дверей высокий молчаливый привратник спросил его имя и жестом пригласил Джона следовать за ним в Тронный зал. Король шел, переживая, что выглядит не лучшим образом. Тронный зал сиял белизной: стены, пол, потолок — все белым-бело, а холод стоял, точно в холодильнике. Окоченевший Джон поискал глазами камин. Но огромный камин был забит льдышками. В дальнем конце зала сидел на троне король Сугробии, по обеим сторонам трона недвижно, точно статуи, стояли придворные. Все женщины были в белых платьях, мужчины — в блестящих, как ледяное зеркало, доспехах, сам же король был облачен в бороду — да-да, в белую бороду, она обрамляла его лицо и ниспадала волнами до самого пола, вовсе скрывая одежду короля. У ног его сидела принцесса Севера, покрытая с головы до пят снеговой вуалью.

Остановившись у дверей, привратник прошептал:

— Король Джон Велико-Труданский.

Слабый звук его голоса не нарушил тишины Тронного зала. Никто не шевельнулся, никто не произнес ни слова. Привратник удалился, а молодой король ступил в зал. Теперь он твердо знал, что чувствует кусок баранины, когда его засовывают в морозильник. Но — делать нечего! — он собрался с духом и заскользил к подножью тро-

на. Он и рад был бы идти твердым шагом, но на ледяном полу это никак не получалось.

Старый король холодно и вопросительно взглянул на молодого. Прокашлявшись, Джон прошептал:

— Я приехал просить руки вашей дочери.

Король едва заметно кивнул в сторону принцессы, сидевшей у его ног, что, вероятно, означало: «Ну и проси, не тяни». Но Джон мучительно подыскивал слова, не зная, как начать. Вот бы стишок вспомнить — он пришелся бы как нельзя кстати! Джон напряг память, но — увы! — для поэта главное — вдохновение. Утеранных строк не воро-тишь, дважды одно стихотворение не напишешь. Все же молодой король опустился на колени перед безмолвной принцессой и прошептал:

Как снежинка бела ты, как лед холодна.
Ах, согреет ли сердце такая жена?
Сколько б я ни смотрел сквозь метельный покров,
Не пойму — ты красива ль, Хозяйка Снегов?
Наступает пора твой услышать ответ,
И надеюсь я втайне, что скажешь ты «нет».

Воцарилась ледяная тишина, и Джон понял, что он, должно быть, переврал слова. Подождав минут пять, он поклонился и заскользил вон из Тронного зала. Выбравшись на улицу, он поежился и сказал: «Бр-р-р». Повторив «брр» несколько раз, он вскочил на коня и во весь опор поскакал в Велико-Труданию.

— Успешно съездили? — спросили министры.

— Вполне успешно, — ответил Джон.

Довольно потирая руки, министры спросили:

— И когда же свадьба?

— Никогда! — сказал Джон и ушел в свои покои. Там, наверху, он кликнул Селину и велел ей развести огонь в камине. В этом деле Селина была великая мастерица, и в мгновение ока огонь вспыхнул весело и жарко. А Селина принялась сметать попавшую на пол золу.

— Ну, приглянулась вам принцесса Севера? — спросила горничная.

— Вовсе нет, — ответил Король.

— Вы, верно, ей сами не приглянулись.

— Селина, ты забываешься! — одернул ее король.

— Ладно, молчу. Вам еще что-нибудь нужно?

— Да. Распакуй чемодан и упакуй его заново. Завтра я еду в Баобабию, к принцессе Юга.

— Тогда вам понадобится соломенная шляпа и льня-

ная пижама,— заключила Селина и направилась к двери. Но король остановил ее:

— Э-э ... Селина ... гм ...

Селина помедлила у порога.

— Селина... Ты, случаем, не помнишь стишок... слова моего стихотворения?... Ты ведь ... читала?

— Что у меня, забот, что ли, мало? Недосуг мне голову стихами забивать,— сказала Селина.

И вышла. А король страшно рассердился. Он даже не удосужился поблагодарить горничную, когда она принесла ему горячую-прегорячую грелку для постели.

IV

Наутро молодой Король отправился в Баобабиию. Путешествие оказалось приятным, и Джон преисполнился радужных надежд. Над головой — лазурное небо, в воздухе — ни ветерка, и все вокруг залито солнцем. Небо, однако, становилось все лазурнее и лазурнее, воздух все недвижней, а солнце припекало все сильнее. И к концу пути короля совсем разморило. Над землей висел тяжелый аромат роз, солнце палило все нестерпимей и ярче — до боли в глазах; а земля так раскалилась, что у королевского коня плавилась подковы. Конь плелся еле-еле, бока его лоснились от пота; и его хозяину пот тоже застилал глаза.

Гонца с вестью о приезде короля Велико-Трудании посылали и сюда. Но в Баобабии, так же, как и в Сугробии, его никто не встретил.

Страна была точно сонное царство: окна плотно зашторены, на улице ни единого человека. Дорогу спрашивать было не у кого. Да и незачем: ведь золотой, с золотыми куполами и шпилями, дворец сиял не хуже солнца. Конь доплелся до ворот и, изнуренный, опустился на землю. Собрав последние силы, король выбрался из седла и промямлил свое имя толстому привратнику. Но тот лишь зевнул в ответ. Пришлось Джону искать тронный зал самому. Там, на огромном золотом диване, возлежал король Баобабии. У его ног на золотых тюфяках развалилась принцесса. Повсюду в зале, откинувшись на высокие подушки, нежились на позолоченных кушетках придворные. Они были в шитых золотом одеждах, и Джон едва различал, где люди, где подушки — все было пухлым и зо-

лотым. Лишь король с красавицей принцессой выделялись среди всех. Принцесса и вправду была красива, только безмерно толста! А отец ее — еще толще. Когда Джон приблизился, на лице короля Баобабии появилась ленивая, сытая, сонная улыбка, но он даже не оторвал головы от подушки.

— Я приехал просить руки вашей дочери, — промямлил Джон.

Улыбка Короля стала еще слаще и еще сонливей, он как бы говорил: «Проси, я не против». Все, похоже, ждали, что Джон сделает дальше. Он понял, что пора предложить принцессе руку и сердце. Но он враз позабыл все слова, и его покинули последние силы. В отчаянии Джон решил вспомнить потерянный стишок — он наверняка тронет сердце принцессы. У молодого короля кружилась голова, но он что-то смутно припомнил и, упав на колени перед лежащей, как куль, принцессой, пробормотал:

Ты уж слишком толста, ты уж слишком кругла,
Мне жена-колобок вряд ли будет мила.
Ты как будто вся таешь на жарком огне,
И решимость моя тоже тает во мне.
Я не знаю, какой ты объявишь ответ,
Хорошо б ты, подумав, промолвила «нет».

Принцесса широко зевнула.

Поскольку больше не происходило ровным счетом ничего, молодой король поднялся с колен и выбрался из дворца. Поставив конягу на все четыре ноги, он взгромоздился в седло и неспешно потрусил в Велико-Труданию. «Должно быть, я опять слова переврал», — подумал он, и эта мысль неотвязно преследовала его всю дорогу.

Министры с нетерпением ожидали короля.

— Свершилось? — спросили они. — Пришли вы с принцессой Юга к взаимному согласию?

— К полному согласию! — подтвердил Джон.

Министры просияли от радости.

— И когда же объявят о помолвке?

— Никогда! — сказал Джон и ушел в свои покои. Там он попросил Селину принести ему апельсинового сока со льдом. Оранжеды Селина готовила весьма искусно; вскоре перед королем стоял высокий бокал с торчащими из него соломинками, а сверху плавал оранжевый ледяной шарик. Пока король потягивал сок, Селина спросила:

— Ну как, поладили вы с принцессой Юга?

— Нет, — коротко ответил Джон.

— Верно, не вы, а она с вами поладить не пожелала!
— Селина, не забывайся!
— Ладно-ладно, молчу. Еще чего-нибудь желаете?
— Нет. Завтра я поеду к принцессе Трясинии.
— Тогда вам надо приготовить калоши и плащ,— сказала Селина и, прихватив чемодан короля, направилась к двери.

— Селина, погоди! — окликнул король.

Она остановилась.

— Куда ты деваешь мусор из корзины? — спросил Джон.

— В мусорный бак.

— Его опорожняли на этой неделе?

— Я даже специально за мусорщиком посылала,— ответила Селина.— Бак был полнѐхонек.

Ее ответ поверг короля в глубокое уныние. Когда горничная вернулась, чтобы сообщить, что его ждет прохладный душ, король даже головы не повернул — продолжал напевать песенку и барабанить пальцами по оконному стеклу, словно Селины вовсе не было рядом.

V

Третье путешествие сильно отличалось от путешествий в Сугробию и Баобабию. На подъезде к Трясинии в лицо молодому королю ударил шквальный ветер, едва не выбив путника из седла. Похоже, все ветры задули-завыли разом, взревели и засвистали страшным посвистом. Деревья качались и гнулись, стуча друг об друга ветвями, столбы и изгороди валялись и ломались, точно спички. В ушах у Джона стоял шум и треск, и было у него две заботы: как бы шляпа не слетела и как бы самому из седла не вылететь. Смотреть на окрестности было некогда. Он понял лишь, что природа в Трясинии скудна и невзрачна, кругом сырость, а столица показалась Джону уродливым нагромождением серых камней.

«Зато жизнь тут бьет ключом», — подумал молодой король. Трясиния и вправду не походила на безжизненную Сугробию и изнывающую от зноя Баобабию. Люди сновали взад-вперед как оголтелые и каждый норовил обогнать и перекричать другого. Стучали рамы, хлопали двери, лаяли собаки; кошки, точно молнии, мелькали на улицах, распустив хвост трубой; люди с грохотом и топотом носились по своим неотложным делам.

«Похоже, меня и тут не ждут»,— подумал Джон. В Трясинию накануне был послан королевский гонец, но короля опять никто не встречал. Однако, подъехав к дворцу, сложенному из огромных гранитных глыб, Джон с радостью увидел, что двери распахнулись и навстречу ему хлынула толпа. Впереди бежала растрепанная девушка в короткой юбке. Размахивая клюшкой, она подскочила к Джону и схватила его коня за гриву.

— Эй, в хоккей играть умеешь? — заорала девица молодому королю.

Джон не успел и слова вымолвить, как она завопила:

— Нам как раз игрока не хватает! Пошли! — и стащила его на землю. В руки королю сунули клюшку и поволокли его, совершенно ошалевшего, на огромное заболоченное поле позади дворца; за полем был обрыв, а внизу холодные злые волны немилосердно били и перекатывали, точно гальку, огромные валуны. Ветер наверху тоже не отставал: трепал и разбрасывал людей, точно щепки.

Игра началась. Джон так и не уяснил ее суть, не понял даже: за кого и против кого играет, но целый час его трепало ветром и обдавало солеными брызгами. К тому же его били клюшками. Вокруг все кричали — аж в ушах звенело, чьи-то руки толкали Джона назад и вперед, а уж в грязи он вывалился с ног до головы. Наконец, игра вроде бы закончилась. Джон устало опустился на землю. Но и теперь ему не дали отдохнуть. Все та же девица, хлопнув его по плечу, сказала:

— Вставай-ка! Ты кто такой?

Джон ответил слабым голосом:

— Я — король Велико-Трудании.

— Во дает! А что тебе тут надо?

— Я приехал свататься к принцессе.

— Да ну? Валяй!

— Но вы же не... — голос короля совсем угас.

— Принцесса я, принцесса! Валяй, сватайся!

Джон отчаянно пытался собраться с мыслями или хотя бы вспомнить потерянное стихотворение. Но с губ его слетело совсем другое:

Ты шумлива, как гром, ты горчицы острей,
Никогда не встречал я девицы шустрей.
Ты такой родилась, я тебя не виню,
Но и жизни своей для тебя не сменю.
Вот сейчас прозвучит, наконец, твой ответ.
Сделай милость, скажи мне решительно «нет».

— Ого-го! — гаркнула принцесса и, подняв клюшку, ринулась к Джону. За ней, размахивая клюшками, устремилась толпа возмущенных придворных. При виде этой грязной хулиганской шайки, Джон бросился наутек. И, чудом увернувшись от ударов, успел вскочить в седло и пустить коня галопом. Он скакал без остановки, пока негодующие вопли жителей Трясинии не смешались с воем ветра. Наконец, стих и ветер. Король, обессиленный, в грязи и пыли, подъехал к воротам собственного дворца. Министры встречали его на пороге.

— Приветствуем Вас, Ваше Величество! — закричали они. — Ну что, нашли вы с принцессой Востока общий язык?

— О, да... — задыхаясь, проговорил Джон.

Министры от радости пустились в пляс.

— И когда же она назовет счастливый день свадьбы?

— Никогда! — взревел Джон.

Наверху в своих покоях он кликнул Селину — чтобы та приготовила ему постель. Она взбила перины и подушки, постелила простыни и положила для короля ночную рубашку и тапочки — проворно и бесшумно. Кровать ждала и манила его усталое тело. Селина спросила:

— Как вам принцесса Трясинии — понравилась?

— Нет! — насупился Джон.

— Верно, вы ей не понравились...

— Ты забываешься, Селина!

— Ладно, молчу. Вам больше ничего не надо?

— Надо! Очень надо! Больше всего на свете надо...

— Что?

— Найти мое стихотворение.

— Стихотворение? Стишок, что ли?

— Ну да, стишок!

— Чего ж вы раньше не сказали? — и Селина, пожав плечами, вытащила из кармана помятый листок.

VI

Молодой король даже ногами затопал от гнева.

— Так, ты, значит, его припрятала?!

— А разве нельзя? Вы же его выбросили.

— Но ты сама говорила, что оно в мусорном баке!

— Чего не было, того не было.

— И говорила, будто не помнишь, что там написано.

— И сейчас не помню. Я в школе ни одного стишка не могла наизусть выучить.

— Но ведь ты его зачем-то хранишь?

— Так не учу же.

— А хранишь зачем?

— Это моя забота. И вообще, разве так обращаются с делом рук своих? — сурово сказала Селина. — Если человек свой труд не уважает, пускай не берется вовсе!

— Я уважаю свой труд, Селина, — произнес король. — Поверь мне, уважаю. И очень жалел, что смял и выбросил этот листок — оттого, что стихотворение тебе не понравилось.

— Разве?

— Так, может... понравилось?

— Неплохой стишок.

— Правда, Селина? Правда?! Селина, а ведь я позабыл его! Прочти мне!

— Вот еще. Может, хоть теперь научитесь сперва запоминать, что пишете, а потом уж выбрасывать.

— Вспомнил! — воскликнул вдруг король. — Селина, я вспомнил. Слушай! — и, взяв ее за руку, Джон проговорил:

Ты нежней, чем голубка, и слаще, чем мед,
Когда тихой струей он в уста потечет.
Как тебя не любить? Все сомнения прочь!
Без тебя светлый день — точно темная ночь.
Жду решения — и в небе зажжется звезда,
Коли ты улыбнешься и скажешь мне «да».

Он замолчал. Селина, опустив голову, расправляла оборки на фартуке.

— Разве не так? — встревожился король.

— Похоже...

— Селина, скажи «да»! Скажи «да», Селина!

— Попросите меня завтра, в Листвии.

— В Листвии? — удивился Джон. — Ты разве не знаешь, что туда запрещено ходить?

— Кто запретил?

— Наши отцы и матери.

— Ну, у меня-то их никогда не было, — сказала Селина. — Я же приютская.

— И ты, значит, ходишь в Листвию? — спросил король.

— Хожу, и очень часто. По выходным. А завтра у меня полдня свободных. Если хотите, подождите меня у черного хода, и я отведу вас в Листвию.

- Как же мы туда попадем?
- Через дырку в заборе.
- А что надо взять с собой?
- Только это,— проговорила Селина и положила стихотворение обратно в карман.

VII

На следующий день после обеда Селина, справив всю работу, принарядилась: надела розовую кофточку с оборками и шляпку с лентами. С королем они встретились у черного хода и рука об руку направились к забору, что стоял на границе Листвии с Велико-Труданией.

Там, как обычно, толпились ребятишки, и каждый норовил заглянуть за забор — кто снизу, кто сверху, кто сквозь. Дети вопросительно уставились на короля с Селиной, а она пошла вдоль забора. Селина бормотала себе под нос, считая доски и тыча пальцем в каждую. Эти двое взрослых вели себя так по-детски, что дети устремились следом за ними: интересно, что будет? Король же с Селиной их не замечали вовсе, они были слишком взволнованны. Добравшись до семьсот семьдесят седьмой доски, Селина сказала: «Нам сюда». Сунув палец в дырочку, она повернула маленький сучок, державший доску с той стороны и вошла в Листвию через эту узкую дверцу, а следом — король и все ребятишки.

Изумленный король протер глаза, поскольку поверить им не мог. Перед ним снова был завал из веток и листьев, но ветки ожили, в зелени щебетали птицы, залитые солнцем листья трепетали на легком ветерке, а цветы... Цветы источали тончайший, сладчайший аромат! Селина взяла Джона за руку, они легко пробрались сквозь зеленые благоухающие дебри — пришлось королю снова протереть глаза! Вместо бескрайней серой пустыни его взору предстала столь же бескрайняя зеленая долина, с весело журчащими ручейками, водопадами и цветущими рощницами. Меж деревьев темнели домики и белели церквушки, среди мха виднелись лиловые фиалки, в воздухе носились чудесные пестрые птицы, из ручьев пили воду пятнистые оленята, на траве резвились белки. И все они ничуть не боялись ни Джона, ни Селины, ни ватаги ребятишек.

За рощами золотился песчаный берег, усыпанный разноцветными ракушками и блестящими морскими ка-

мешками. Вода в бухточке, сине-изумрудная, прозрачная точно стекло, чуть рябила и набегала на сияющие белизной утесы с пещерами и гротами. Над морской гладью серебряными стрелами носились чайки, а лебеди прихорашивались на берегу, перебирая перышки клювом. Они тоже не испугались людей.

Все кругом было залито лучезарным светом, словно разом светили и солнце, и луна. И мир этот походил на чудесный сон, на мечту.

— Селина! — воскликнул ошеломленный король. — Я никогда прежде не видел такой красоты!

— Вы уверены?

Нет, король не был уверен... Когда-то он уже бродил по этим берегам, вдыхал этот аромат, слушал журчанье этих ручьев — но когда? Ах, верно, в раннем-раннем детстве. А потом, пока он рос в Велико-Трудании, краски мало-помалу поблекли, листья высохли, когда же он вырос, кто-то и вовсе перекинул все это за высокий неприступный забор.

Чудесам Листвии не было конца. Дети бегали по траве, прыгали на упругом мху, барахтались в ручейках и на мелководье, пересыпали песок, собирали ракушки, плели венки, лазили по утесам и гротам, заглядывали в домики. Скоро каждый раздобыл себе по сокровищу: кто куклу, кто трубу, кто игрушечный сервиз, кто книжку с картинками. Куклы были прекрасны, точно феи, трубы трубили, точно небесные ангелы, кушанья в тарелках и напитки в чашках годились разве что для королевского пира. А со страниц книг соскакивали эльфы и рыцари — поиграть с детьми. Тут король, словно что-то вспомнив, бросился в часовенку, стоявшую неподалеку и, вернувшись со своей юлой, запустил ее в траве. Юла завертелась, и зазвучали милые сердцу колыбельные песенки, которые матушка пела Джону в детстве.

— Селина! Отчего родители запрещают детям ходить сюда? — воскликнул король.

— Оттого, что все позабыли, — ответила Селина. — Они помнят лишь, что здесь таится опасность для Велико-Трудании.

— Какая же?

— Здесь живут мечты.

— Почему я ничего не увидел, когда приехал сюда в прошлый раз?

— А Вы с собой никого и ничего не взяли.

— На этот раз я взял свое стихотворение!

— И меня,— добавила Селина.

Впервые с тех пор, как они попали в Листвию, король взглянул на Селину. И увидел самую прелестную девушку на свете и, к тому же, принцессу! Ее волосы золотились, глаза сияли неведомым мягким светом. Нежная улыбка, легкое касание руки, чудный голос... У Джона даже голова закружилась. А как прекрасен был ее наряд: платье из лепестков роз с серебристой, сахарной оторочкой, а вокруг головы плыла радуга.

— Селина! Ты самая красивая девушка на свете! — произнес король.

— Разумеется. Но только здесь, в Листвии.

— Где мое стихотворение?

Селина протянула ему листок, и Джон прочел:

Ты нежнее согретого солнцем цветка,
Ты светлее звезды, что в ночных облаках
Одинокое сияет. Цветок и звезду
Я повсюду ищу, но нигде не найду.
О тебе — все моления мои и мечты!
Но когда же, когда же мне встретишься ты?..

— Селина! — воскликнул Король. — Ты и вправду принцесса?

— Конечно. Но только здесь, в Листвии.

— А ты пойдешь за меня замуж?

— Да, — ответила Селина. — Но только здесь, в Листвии.

— И там — в Велико-Трудании! — радостно закричал король и, схватив Селину за руку, побежал меж цветов и порхающих птиц обратно к забору.

Очутившись в Велико-Трудании, Джон, задыхаясь, спросил снова:

— Ну, Селина? Пойдешь?

— Куда еще?

— За меня замуж!

— Ладно уж, — согласилась Селина. И стала королевой. А поскольку она любую работу выполняла исправно, она и королевой стала очень хорошей.

В день свадьбы король отодрал семьсот семьдесят седьмую доску и открыл дорогу из Велико-Трудании в Листвию. С тех пор любой житель страны — и ребенок, и взрослый — мог проскользнуть в узкую щель в любую минуту без всякого труда. Главное — не растолстеть, а это, увы, случается нередко.

Царица Эсфирь

Я расскажу вам сказку о царе, у которого было два имени. Под именем Артаксеркс он известен нам из Ветхозаветных книг. А в древнегреческих мифах его называют короче — Ксеркс.

Теперь же — слушайте сказку.

Ксеркс царил в Азии и правил там многими народами — общим счетом было их сто двадцать семь: от смуглокожих индусов до чернокожих негров. Ксеркс был богат и могуч. Он очень гордился своими богатствами и хотел, чтобы все вокруг тоже восхищались и неустанно твердили, как он богат и могуч. Раз он задумал устроить пир для всех знатных людей со всех концов своих обширных владений. Вот съехались принцы, и он принялся хвастать перед ними своими сокровищами. Не только знать, но всех подряд — даже простой люд — пускали поглядеть на несметные богатства. Во внутреннем дворике дворца накрывали столы. Пирующие возлежали на золотых и сереб-

ряных ложах среди мраморных колонн; вокруг шелестели белые, зеленые и голубые занавески с серебряными кольцами наверху и лиловыми кистями внизу; пол тоже был выложен мрамором — красным, голубым, белым и черным. Так пиروвали они семь дней, то и дело поднимая золотые бокалы во славу царя.

На седьмой день царь, опьянев от выпитого вина, приказал своим слугам:

— Ступайте за царицей Астинь. Я покажу мою царицу знатым принцам и прочему люду во всей ее несказанной красоте. Ибо все мои сокровища блекнут рядом с нею.

Но царица Астинь рассердилась и не пожелала, чтобы на нее глядели люди.

Однако, перечить Ксерксу не безопасно. В гневе царь закричал:

— Отныне Астинь не царица! Я прогоню ее прочь и выберу себе другую царицу среди прекраснейших дев моего царства.

И он прогнал Астинь и отправил гонцов во все концы, чтобы созвали прекрасных дев пред царские очи.

Прекраснейшей из прекрасных оказалась Эсфирь, молодая иудейка, которая жила в доме своего дяди, старика Мардохея. Иудейский народ к тому времени разметало по всему свету. Другие люди крепко их не любили и обращались с ними плохо. Поэтому Мардохей посоветовал Эсфири скрыть на царских смотринах, что она иудейка. Эсфирь так и сделала. Она была так прекрасна, что царь полюбил ее с первого взгляда и сделал своей царицей. А старый Мардохей смиренно сидел теперь у царских врат и провожал ее взглядом, когда она входила и выходила из дворца.

Раз, когда Мардохей сидел у ворот дворца, он услышал, как двое слуг сговаривались убить царя. И, встретив Эсфирь, Мардохей заступил ей дорогу и все рассказал. Царица Эсфирь успела предупредить царя о заговоре, и он приказал повесить непокорных.

Среди придворных был человек, царский любимец, по имени Аман, люто ненавидевший иудеев. Царь Ксеркс оказывал Аману всяческие почести. Он повелел всем своим слугам, чуть завидев Амана, вставать и кланяться. Но Мардохей никогда не кланялся Аману. Когда тот выходил из царских врат, Мардохей сидел не шелохнувшись. Аман очень злился. Зная, что Мардохей иудей, он

задумал примерно наказать всех иудеев, а среди них и Мардохея. Аман пришел к царю и сказал:

— Есть такой народ, они зовутся иудеями. Страны своей у них нет, и там и сям увидишь их — во всех твоих землях. Но повинуются они только своим собственным законам, а твои попирают. Так что лучше тебе от этих людей избавиться. Разошли приказ их убить, и я сам тебе дам десять тысяч серебряных талантов, чтобы заплатить палачам.

Тогда царь дал Аману свой перстень с печатью — знак царской власти — и велел ему написать приказы. Согласно этим приказам иудеев надлежало убить на тринадцатый день двенадцатого месяца. Аман разослал приказы с царской печатью во все концы. И все иудеи узнали, какая горькая участь их ожидает. Одна царица Эсфирь ничего не знала об опасности, подстерегавшей ее народ.

Мардохей же, прочитав приказ, оделся в рубище, посыпал голову пеплом и пошел по всему городу; громко и безутешно плача, дошел он до царских врат. Мардохей послал Эсфири записку: рассказал о коварных замыслах против иудеев и велел Эсфири просить за народ свой и умолять царя о помиловании.

Эсфирь сказала:

— Я не смею пойти к царю незваной. Ведь по закону каждого, кто войдет к царю незванным, ждет смерть. Его может спасти лишь сам царь, протянув к несчастному свой золотой скипетр. Но я все же попробую. Я пойду к царю, хоть он меня и не звал. Смерть так смерть!

Эсфирь оделась по-царски и направилась к Ксерксу. Едва увидев прекрасную Эсфирь — а была она несказанно хороша — царь протянул золотой скипетр и спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Я клянусь исполнить ее, хотя бы это стоило полцарства.

Эсфирь ответила:

— Я прошу царя и Амана пожаловать вечером ко мне на праздничный ужин.

Вечером, когда царь и Аман ужинали у царицы Эсфири, царь, выпив вина, снова спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Ты получишь все, хоть полцарства отдам.

Но Эсфирь сказала только одно:

— Я прошу царя и Амана отужинать со мной и завтра.

Аман ушел, раздувшись от гордости: никого прежде не звали ужинать с царем и царицей — да еще дважды!

Он радовался и другому: уже взметнулись ввысь виселицы, на которых вздернут Мардохей и его народ.

В тот вечер царь как раз разбирал бумаги и прочел в одной из них, как Мардохей спас его однажды от заговора. Царь подумал:

— Мардохей спас мне жизнь, а я никак не отблагодарил его.

Царь тут же послал за Аманом и спросил:

— Аман, что сделать для человека, которому царь хочет оказать великие почести?

В глубине души Аман был уверен: «Царь думает обо мне!» И ответил так:

— Такого человека надо облачить в царские одежды, надеть ему на голову царскую корону, пускай проедет по всему городу верхом на царской лошади. А знатнейший из придворных пусть бежит впереди и громко объявляет народу: вот человек, которого почитает сам царь!

Тогда царь сказал:

— Этот человек — Мардохей. Сделай все, как ты сказал, и сам беги впереди по улицам и кричи, что этого человека почитает сам царь.

Аман преисполнился стыда и злости. Но — делать нечего — пришлось выполнить царское повеление. Мардохей проехал по городу верхом в царских одеждах и короне.

А потом Мардохей снова уселся у царских врат. Аман же поспешил домой в страшной злобе.

На следующий вечер царь и Аман снова ужинали у царицы Эсфири. И снова царь спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Я выполню все, хотя бы это стоило полцарства.

Тогда Эсфирь опустила на колени перед царем и сказала:

— О царь! Я молю тебя даровать жизнь мне и моему народу, ибо есть враг, желающий погубить нас.

Царь воскликнул:

— Кто же осмелился угрожать тебе?

И Эсфирь ответила:

— Нам угрожает вот этот злой человек — Аман.

В гнев царь вскочил и ушел в сад. Там, за стеной, он увидел десять виселиц, которые возвели накануне по велению Амана.

— Что это? — спросил царь у слуги.
Слуга ответил:
— На этой виселице Аман хочет повесить Мардохея — того, кто спас царю жизнь.
И царь сказал:
— Повесить на ней самого Амана.
И Амана повесили на высокой — в пятьдесят локтей — виселице, которую он готовил другому. А царь позвал Мардохея во дворец, вручил ему царский перстень с печатью, который он отобрал у Амана, и сделал Мардохея вторым человеком в своем царстве.

Тайная тропка

А вот и другая сказка о царе Артаксерксе или просто Ксерксе, как называли его древние греки.

Однажды все греческие города облетела весть, что их вознамерился завоевать персидский царь Ксеркс. Говорили, что он уже выступил в поход, а впереди войска разослал гонцов. Гонцы эти просили у каждого города земли и воды. Где получают — те города Ксеркс не тронет, стороной обойдет. Зато неуступчивым городам грозило разорение.

Трусливые правители раболепно отдавали Ксерксу и землю, и воду. Но все же нашлись в Греции смельчаки, которые не испугались царя Ксеркса и его огромной армии. Самым отважным правителем оказался царь Спарты Леонид. Вообще среди всех греков спартанцы выделялись величайшей храбростью. Любые тяготы и боль переносили они стойко, умирали, но не сдавались.

Леонид знал, что врагам придется идти меж гор, по теснине. Место это называется Фермопилы, Горячие ворота, поскольку как раз там из земли бьют горячие ключи. Другой дороги через горы тогда не было, лишь узкая пастушья тропка вилась высоко, почти у самой вершины, но немногие греки знали, где ее искать. Леонид призвал к себе всех воинов с разных концов Греции. Одни были готовы стоять насмерть, другие же испугались Ксеркса и его несметного войска. Под началом Леонида оказались лишь четыре тысячи воинов — из них триста его сограждан, спартанцев. Леонид, однако, не унывал:

— Горячие ворота узки. И десятка солдат хватит, чтобы преградить путь миллионной армии Ксеркса.

Леонид во главе своего немногочисленного войска перекрыл Фермопилы. На пастушьей тропе он тоже выставил караул, хотя прознать о ней Ксерксу было неоткуда.

Ксеркс глазам своим не поверил, когда увидел горстку греков, преградивших ему дорогу. Неужели они надеются одолеть его великую армию? Ксеркс разбил лагерь у подножья горы и приказал выстроить для себя роскошный высокий трон, чтоб наблюдать за ходом боя. Потом Ксеркс повелел одному из своих всадников:

— Отправляйся к грекам, взгляни, чем занят Леонид.

Всадник поскакал к ущелью. Вскоре он вернулся.

— Спартанцы стоят у стены,— сказал он.

— И что делают?

— О царь, ты не поверишь, они расчесывают волосы.

Повернувшись к своему союзнику, который был когда-то царем Спарты, Ксеркс спросил:

— Что это означает?

— О царь! Спартанцы расчесывают волосы перед великой битвой,— ответил его друг.— Они хотят сражаться не на жизнь, а на смерть. Помни, это лучшие воины Греции! Непросто будет их победить!

— Чепуха!— самонадеянно заявил Ксеркс.— Не может маленькая армия тягаться с большой. Я простою здесь еще несколько дней, и Леонид со своими людьми уберется восвояси, поджав хвост. Скоро путь будет открыт, сам увидишь!

Но прошло четыре дня, а греки не отступили от Горячих ворот. На пятый день Ксеркс послал свои полки в атаку. Однако греки выдержали натиск врага почти без потерь. Персы же оставили половину рати на поле брани. На шестой день Ксеркс сказал:

— Пошлю-ка я против них десять тысяч бессмертных!

Но бессмертные тоже не сладили с греками, которых Леонид умело расставил в узком ущелье. Глядя, как погибают лучшие воины, цвет и гордость его армии, царь Ксеркс беспокойно ерзал на троне. Его снедали гнев и страх.

На рассвете седьмого дня персы снова пошли в наступление, и снова пришлось им вернуться на прежние позиции.

Уединившись в своем шатре, царь Ксеркс тщился придумать, как перехитрить греков. А тут как раз явился один из них, маленький хилый человечек, и заявил, что хочет продать царю важный секрет.

— Кто ты? — спросил Ксеркс.

— Грек, — коротко ответил человечек.

— Ну, и что у тебя за секрет?

И грек сказал:

— Горячие ворота — не единственный путь через горы. Наверху есть тайная тропа, и за деньги я, пожалуй, провел бы вас через перевал.

Обрадованный Ксеркс заплатил предателю золотом, и, едва опустилась ночь, захватчики двинулись в горы, в обход Фермопил. Ночь была тишайшая, но огромные дубы, что росли на склонах, скрывали персов под своей сенью, а шаги их сливались с шелестом листвы. Потому-то и удалось им застать врасплох греков, карауливших тропинку. От неожиданности греки остоленели, а потом бросились наутек. Дорога была свободна. Ксеркс не стал преследовать караульных. Он неуклонно двигался к одной цели, желая ударить с тыла по защитникам Фермопил.

Среди ночи к Леониду прибежал караульный.

— О Леонид, нас предали! Персы прошли через перевал пастушьей тропой и утром нам придется принять бой.

Царь Леонид произнес твердо:

— Надежды на победу нет. Я и триста моих спартанцев останемся здесь на верную смерть. Остальные пускай возвращаются в родные города. Для нас же смерть лучше бесчестия.

Один из его сподвижников сказал:

— Леонид, мои люди тоже останутся у Горячих ворот. Умрем вместе.

Леонид поблагодарил его. Остальные греки вернулись в родные края.

С первыми лучами солнца началось сражение. Ксеркс вознес молитву богам, попросив у них помощи для своих воинов. И несметные полчища свирепых азиатов налетели на горстку отважных греков. Капитаны гнали их в бой кнутом и плетью, назад им пути не было. Замешкавшихся сбивали с ног и затапывали те, кто шел позади. Ксеркс людей не жалел: вместо павших в его шеренги тут же вставали новые солдаты.

Греки дрались как львы. Они поражали врагов копьями и сбрасывали со скал в море. Когда же греческие копья превратились в щепки, персы ринулись на безоружных и — исход битвы был предreshен. Одним из первых пал Леонид, царь Спарты.

Так Ксеркс выиграл сражение. Но люди не славят его победу. Зато подвиг Леонида и трехсот спартанцев остался в людской памяти на долгие века. А вскоре после Фермопильской битвы греческий флот встретился с Ксерксом у острова Саламин, и персы были разбиты наголову. В Грецию царь Ксеркс явился во главе миллионного войска, на галере под золотым парусом. Обратнo же в Персию он плыл в утлой лодчонке с одним единственным гребцом.

День рождения Розауры

В свои девятнадцать лет Розаура была еще не замужем. Но другой такой милой девушки во всей Сиене не сыскать. Жилось ей весело и счастливо. Так весело и так счастливо, что все женихи — а от них отбою не было — получали от ворот поворот.

— Зачем мне замуж? — рассуждала Розаура. — Покуда не замужем — танцую вволю, а как выйду замуж — с утра до вечера стряпать придется. Сегодня минестроне, завтра макароны: мужа-то кормить надо. А когда веселиться да радоваться? Нет, такая жизнь не по мне. Лучше уж натанцуюсь, пока молода. А замечу первый седой волосок — в тот же день выйду замуж за тебя, Флориндо.

Флориндо из ее ухажеров самый красивый и Розауре по сердцу. Господин Панталоне, конечно, богаче, но он уже старый совсем, сморщился весь. Мавр Бригелла, разумеется, кавалер хоть куда — почище Флориндо — но, говорят, он страшно ревнив. Ученый доктор Савио, безусловно, очень мудр, но Розауре не понять и половины заумных слов, которые он произносит. А у Флориндо денег вдоволь, он и обходителен, и любезен. А главное — молод, почти так же молод, как сама Розаура.

— Как прекрасно быть молодой! — восклицала Ро-

заура. Надевала маскарадный костюм, полумаску и отправлялась вместе с Флориндо на карнавал. А глубокой ночью, уже в постели, она слушала, как проходят по улице музыканты; отблески фонариков скользили по потолку комнаты, и под окнами звучала Песнь Юности. А еще позже на пустынной улице появлялся одинокий певец с мандолиной и пел серенаду—любовную песнь итальянцев:

Цвсток души моей!
Люби и будь счастливой!
Жизнь наша без любви — ничто!

— Как это верно,— думала Розаура.— И завтра Флориндо снова пригласит меня на карнавал... А будь я замужем, пришлось бы сидеть дома и стряпать макароны.

Тщетно звенел кошельками с золотом над ухом Розауры старик Панталоне. Тщетно размахивал сверкающим ятаганом мавр Бригелла. Тщетно рассказывал о своей любви по-латински и гречески ученый доктор Савио. Лишь Флориндо не торопил ее с замужеством. Он любил молодость не меньше самой Розауры. И не требовал макарон. Пока Розаура с ним танцует—он доволен и счастлив. И готов отложить свадьбу до первой седины.

Каждый вечер отправлялись они на карнавал. Ветер шелестел гирляндами бумажных цветов, сверкали золотые блески и мишура; они ели пирожные и пили лимонад; вокруг мелькали маски и маскарадные костюмы, мигали фонарики, звенели струны мандолин. Жизнь напролет гуляки пели, танцевали и расходились по домам при свете звезд. Однажды Розаура вернулась домой так поздно, что было уже рано—наступало утро. На пороге дома она повстречала разносчика молока. Ей не доводилось видеть его прежде. Молоко-то она пила каждый день, но совершенно не задумывалась, откуда оно берется. Может, из крана течет? Разносчик оказался веселым старичком со смуглыми морщинистыми руками, спутанными седыми волосами, в потертом пиджачке. Глаза его задорно сияли.

- С добрым утром, милая барышня!
- С добрым утром,— ответила Розаура.— А вы кто?
- Разносчик я, милая, молоко разношу.
- Вы так на карнавал оделись? Забавный костюм!

— Нет, милая барышня, это одежонка не для карнавала,— ответил старик.— Я в ней на работу хожу.

— На работу? Что такое — работа?

— Работа это то, что поможет тебе остаться молодой, когда молодость уже позади. Если только не состарит тебя прежде старости.

— Непонятно,— сказала Розаура.— Мне, чтоб остаться молодой, нужны танцы.

— Верно говоришь. Только от одних танцев устать можно. Ты танцуй да работай — вот молодой и останешься.

— Но вы-то старый!

— Я только на вид старый,— сказал разносчик.— Да и тебе морщин не миновать, никуда, милая, не денешься. Но дай тебе Бог в мои годы не хуже меня танцевать. Только знай: не найдешь кроме танцев другого дела — тебе и танцы наскучат. Не успеешь оглянуться, как станешь ветхой старухой.

Тут, распевая Песнь Юности, на улице показались припозднившиеся певцы. И старый Разносчик подхватил Розауру и пустился с нею в пляс. Никто и никогда не танцевал с нею так весело!

Но вот он простился, потянул ослика за поводья, тележка тронулась... Розаура вбежала в дом, бросилась ничком на диван и горько расплакалась. За окном разгорался день, солнце золотило потолок и стены, а Розаура все плакала и плакала. В полдень пришел Флориндо с огромным букетом. И застал Розауру в слезах. Карнавального платье измято, черная полумаска валяется на полу.

— Розаура! Ты плачешь?! — воскликнул Флориндо.— Что с тобой? Ну, объясни! И я мигом все исправлю. Кто тебя обидел? Назови! Я поражу его шпагой в самое сердце!

Розаура подняла головку: пудра на щечках смазана, локоны сбились набок, глаза распухли от слез:

— Увы,— промолвила она.— Тут ничем не поможешь и в сердце поражать некого. Просто я боюсь постареть. Я слишком много танцую и слишком мало работаю. То есть я вообще не работаю. Я даже толком не знаю, что такое работа. А ты знаешь, Флориндо?

— Нет. Но я не отступаю, пока не выясню,— пылко воскликнул Флориндо.

— Спасибо, дорогой! Выясни! И времени не теряй —

до дня моего рождения осталось всего четверо суток. Мне стукнет двадцать лет. Ты только представь — целых двадцать! От одного слова поседеешь. Мне надо, надо работать! — Розаура поднялась, отряхнула мятое платье. — Какие чудные цветы ты принес! Я возьму их сегодня на карнавал. Зайди за мной, да не опаздывай.

Все ухажеры Розауры побывали у нее в этот день. И каждому она поведала о своей беде. И даже пообещала отдать руку и сердце тому, кто найдет для нее работу — такую работу, чтоб оставаться вечно молодой. Ухажеры были весьма озадачены: всяк представлял работу по-своему, но ни одна работа, по их мнению, не годилась для очаровательной Розауры. Однако, работу надо найти, ибо таково желание дамы. Панталоне преисполнился сладких надежд и пообещал Розауре дать ей работу завтра же. Когда под вечер Флориндо зашел, чтобы идти с Розаурой на карнавал, он застал ее прежней — веселой и жизнерадостной.

— Я еще не выяснил, что такое работа, — признался Флориндо.

— Не страшно, — утешила Розаура. — Это знает господин Панталоне. Он мне завтра покажет. Пойдем танцевать.

Наутро она пришла в дом Панталоне. Старик провел ее на кухню, к слугам.

— Смотрите, — сказал он. — Эти люди работают на меня от темна до темна. Но одна из служанок неделю назад вышла замуж. Поработайте вместо нее. Засим я препоручаю вас моей домоправительнице, она покажет, что делать.

Он ушел. Домоправительница неодобрительно оглядела Розауру с головы до пят.

— Да кто ж работает в шелковом платье и с цветами в волосах? Надевай-ка передник, а волосы под косынку спрячь.

Розаура повиновалась. Сперва ей дали швабру и щетку, заставили мести и скрести пол. Потом она протирала плиту, варила овощи, чистила золотые и серебряные блюда, застилала кровати, накрывала на стол, мыла посуду, жарила на вертеле рыбу, сбивала масло, чинила белье, пекла хлеб и делала еще тысячу всяких дел. Сноровки у нее не было, и к концу дня руки, ноги, спина Розауры болели так, что впору упасть замертво.

Вечером пришел сияющий старик Панталоне.

— Ну, очаровательница! Я ли не заслужил награды? Став моей женой, вы сможете так работать с утра до вечера. Вот и останетесь юной и прелестной.

Но Розаура возмущенно топнула усталой ножкой:

— Я никогда еще не чувствовала себя такой старой! — и дав Панталоне увесистую пощечину, она поплелась домой, шатаясь от усталости.

Там уже поджидал Флориндо, он собрался на карнавал.

— Танцевать? — вздохнула Розаура устало: — Ах, я никогда больше не захочу танцевать... — и она тут же заснула.

Наутро к ней явился мавр Бригелла и сказал:

— Несравненная Розаура! Ваша прихоть весьма странна. Но если вы и в самом деле ищите работу — у меня ее предостаточно.

— Я возьмусь за любую, — обрадовалась Розаура, — лишь бы остаться молодой. А мыть полы и чистить кастрюли не придется?

— Чистить кастрюли — совершенно недостойное вас занятие, — воскликнул Бригелла. — Вчера у меня сбежал мальчишка-конюх. И вы будете вместо него ухаживать за моими арабскими скакунами.

Он привел Розауру на конюшню с прекрасными арабскими лошадками, вручил ей стальной гребень и ушел, сказав напоследок:

— Расчешите им гривы.

Тут было пятьдесят лошадей и каждая с норовом — одна горячеей другой. Первая хлестнула Розауру хвостом, вторая заржала ей в лицо, третья косилась и прядала, четвертая лягнула Розауру, пятая злобно всхрапнула — и так без конца. День клонился к вечеру, а Розаура все не решалась к ним подступиться. Она съежилась и, стуча зубами от страха, забилась в угол конюшни. Там ее и нашел Бригелла.

— Ну что, красавица? — вскричал мавр. — Положена мне награда? Став моей невестой, вы сможете расчесывать скакунам гривы с утра до вечера. Вот и не старитесь!

— Ой, бедная я, бедная, — заплакала Розаура. — Видно, мне никогда больше не быть молодой, — она швырнула гребень в лицо Бригелле и устремилась домой так поспешно, словно за ней гнался табун диких лошадей. У порога дожидался Флориндо, готовый вести Розауру на карнавал.

— Танцевать?! — воскликнула она. — Но я до сих пор дрожу от страха! Ах, Флориндо, я, верно, совсем разлюбила танцы, — и она бросилась на постель и заснула, позабыв раздеться.

На третье утро, накануне дня рождения, к Розауре пришел ученый доктор.

— О Розаура, великолепнейшая из великолепных! Неужели правда, что вы намерены сохранить свою ювенильность посредством усиленной деятельности?

— Что-что? — переспросила Розаура. — Может, вы спрашиваете, хочу ли я работать, чтобы остаться молодой? Да, хочу. Только скажите сперва: не держите ли вы, часом, лошадей?

— Я питаю отвращение к четвероногим, — отозвался ученый доктор.

— А, так значит, мне придется пол мести?

— Ни в коем случае. Подметание пола и вытирание пыли в моем доме находятся под строжайшим запретом. А то перепутаются фолианты и рукописи.

Оказавшись в его доме, Розаура тут же расчихалась — все тут было покрыто толстым слоем пыли. Ученый доктор усадил ее за стол, заваленный книгами, дал чернил, стопу писчей бумаги, двенадцать зачищенных гусиных перьев и старинную стотомную энциклопедию. Розауре надлежало за день выписать из энциклопедии все о древних ассирийцах. Под вечер ученый Доктор появился вновь, радостно посверкивая стекляшками очков.

— Ну что, дитя мое? Освежили ваш дух сии труды? — спросил он. — Согласны ли вы навеки стать моей сподвижницей и секретарем?

— Освежили? — переспросила измученная Розаура. — У меня так болит голова, что я ничего не соображаю, — она разом смахнула со стола книги, бумаги, чернила с перьями и поспешила домой. Там, по обыкновению, поджидал ее Флориндо в карнавальном костюме.

— Флориндо! У меня голова раскалывается! — и вместо танцев Розаура заснула, едва ее больная головка коснулась подушки.

А утром настал день рождения Розауры и, вдобавок, Большой Карнавальный Праздник. Проснувшись, Розаура увидела возле кровати чудесные подарки: Панталоне прислал золотой браслет, Бригелла — арабского пони, ученый доктор Савио — латинский словарь в переплете

из телячьей кожи. Флориндо прислал целую корзину цветов, а среди цветов притаились прелестные туфельки на высоких каблуках. Кроме того, Розаура обнаружила смешную деревянную корову, а к ее ногам были привязаны веревочки: подергай — и корова пустится в пляс. Никто в доме не знал, кто прислал этот подарок.

Флориндо застал Розауру в новых туфельках — она танцевала.

— Флориндо, дорогой, — воскликнула она. — Мне целых двадцать лет! Я выгляжу очень старой? А работу, чтоб сохранить мне молодость, ты нашел?

— Увы! Пока нет! Но ты ни капельки не постарела! — он поцеловал ей руку.

— По-моему, сегодня, в день рождения, мне не обязательно работать, — решила Розаура. — Какие чудесные туфельки! Прямо не знаю, как тебя благодарить!..

— Пойдем-ка на карнавал, и ты в них потанцуешь, — предложил Флориндо. — Там веселье в самом разгаре.

И они отправились танцевать — очаровательная Розаура и юный прекрасный Флориндо. Они танцевали с полудня до полуночи и с полуночи до утра, танцевали без усталости на главной площади в Сиене, среди множества людей в масках и карнавальных костюмах. Весельчаки закидывали их серпантинном и бумажными цветами, угощали пирогами с миндалем и изюмом, все вокруг ели взбитый крем и поднимали бокалы за здоровье Розауры.

Уже светало, когда Розаура, танцуя, возвращалась домой. Ее сопровождали Флориндо и прочие ухажеры, а следом шли маски: Король, Королева, Арлекин, Коломбина, Скарамуш, Пульчинелла и много-много других. У дверей стоял веселый старик-разносчик с осликом и тележкой.

— С добрым утром, милая барышня, — сказал он.

— С добрым утром!

— Вы справляли день рождения прямо на карнавале?

— Да, и притом самый счастливый в жизни! — воскликнула Розаура. — Хотя бы он никогда не кончался! Но теперь я скоро состарюсь, ведь мне уже целых двадцать лет.

— А работать вы пробовали?

— Я на этой работе сперва с ног сбилась, потом перепугалась до смерти, потом чуть от головной боли не умерла. Даже танцевать расхотела!

— Значит, вы переработали, — сказал разносчик. —

А нынче как вы себя чувствуете? Вы ведь танцевали ночь напролет.

— Я свежа, как утренний цветок!

— Значит, такая работа вам и нужна,— сказал старик.

Розаура была счастлива:

— Флориндо, слышишь! Оказывается, танцы — это тоже работа.

— А то как же,— подтвердил разносчик.— Посложнее других. Только и гляди, чтоб ноги не перетрудились, чтоб от усталости не свалиться.

— Я никогда не устану! — воскликнула Розаура.— Флориндо, ты, сам того не зная, нашел для меня самую лучшую работу. Я мечтаю танцевать с тобой всегда, без усталости, и остаться молодой навечно!

— Пожалуй, это можно устроить,— промолвил разносчик.— Дайте-ка деревянную корову, что я принес поутру. И чашку захватите.

Розаура все быстро принесла, и Разносчик подоил корову в чашку. Молоко текло, словно сыпались древесные опилки. Наконец, чашка полна до краев.

— Сейчас, милая, исполнится ваше желание. Кто сделает хоть один глоток — останется таким, каков он есть, на веки вечные. Так что прежде подумайте хорошенько, все подумайте!

— Я уже подумала! — перебила его Розаура.— Кто ж откажется остаться навеки молодым, красивым и счастливым? Кто откажется от шелкового платья, от туфель на высоких каблучках, от танцев до утра?!

И она глотнула деревянного молока. Флориндо воскликнул:

— Дай и мне, Розаура! Я тоже хочу остаться молодым и красивым, хочу танцевать с тобой без усталости.

Он сделал глоток. Тогда Панталоне закричал:

— И мне дайте! Я хочу быть всегда богатым и танцевать на карнавале!

— И мне! — закричал доктор.— Хочу вечно постигать науки и танцевать на карнавале!

— И мне дайте! — прогремел Бригелла.— Я навеки останусь сильным и отважным и буду танцевать на карнавале!

«И мне! И мне! И мне!» — разом закричали Король и Арлекин, Королева и Коломбина, всем захотелось вечно танцевать на карнавале. И каждый отведал молока деревянной коровы... Пока они пили, старик тихонько пос-

меивался, а когда в чашке показалось дно, он воскликнул:

— Танцуйте, милая барышня! Танцуйте со мной! Танцуйте все — без усталости — да будет вечный карнавал!

Он схватил Розауру за руки и пустился с нею в пляс по улицам Сиены, а следом — весь карнавал. Они танцевали и становились все меньше и меньше, их руки и ноги деревенели, в коленках и локтях появились проволоочки... И когда разносчик, наконец, остановился, все повалились в кучу, а Розаура, точно кукла, безвольно повисла в его руках. Да она и была теперь куклой!

Разносчик подержал ее на весу, зажав между указательным и большим пальцами:

— Так-то, милая барышня. Исполнилось ваше желание. И сто лет вам стукнет, а все будете молодой. Танцуй день и ночь, Розаура, — никогда не устанешь.

С этими словами он сгрэб всех кукол — старика Панталоне, темнокожего Бригеллу, очкастого доктора, прекрасного Флориндо, очаровательную Розауру и всех остальных, — сгрэб, положил на тележку и укатил прочь.

Том Кобл и Уна

Когда Тому Коблу из Югопута стукнуло семь лет, его украли феи. Вернее сказать, он сам укрался, поскольку отдался им в руки по доброй воле.

А приключилось это оттого, что разобиделся Том Кобл на весь белый свет. Жил он с дедом-лесником, который охранял герцогские угодья. Огромный парк простирался вширь по полям и вверх по холмам, а вокруг бежала стена длиною двадцать миль. Там и сям стояли избушки лесников: одни — возле проезжих дорог и узких тропинок, другие — в лесной чаще на тенистых опушках. Тому Коблу посчастливилось: дедова избушка стояла около речки. Вечерами к берегу стягивались рыболовы. Расставят фонари и позеленевшие от влаги корзины, пошуршат в камышах и затаятся. Фонари светят ярко, приманивают рыбу. Едва заслышит Том дедушкин храп — вылезает в окошко и бегом на бережок, с рыболовами разговаривать. Да вот беда — молчат они, точно воды в рот набра-

ли. А у Тома язык так и чешется: порасспросить да порассказать.

— И что вы тут, впотьмах, ловите? — рассуждал Том Кобл. — Нету тут по ночам рыбы, вон она — в небе гуляет. А червяков и мошек зачем на крючок цепляете? Ух, не люблю я мошек, страсть как не люблю. Лучше б на петрушку-сельдерешку ловили. Ну а в камышах почему прятались? Знаете историю: жил да был один ловорыб, сидел вот так же в тростнике да и пустил корни. Так на том месте и остался, пророс. Я ему еду носил. Бывало, заколет дедуля свинью — я требуху на берег тащу. Раз пришел, глядь — нет ловорыба, тростник скосили весь, чтобы крыши крыть. Ловорыб теперь с крыши у Бетси Вэр рыбу ловит.

Рыболовы ничего не отвечали Тому и пропускали все его байки мимо ушей. Однако, в камышах вечно шелестел ветерок, тут и там слышалось:

— Ш-ш-ш! Тсс-тсс-тсс!

Том Кобл решил, что ему затыкают рот, и разобиделся.

Неподалеку от дедовых ворот была кочковатая, поросшая травой ложбинка. Тут росли фруктовые деревья, куры похаживали между пестрых грядок, а возле прудика, затянутого ряской, валялось бесхозное зеленое ведро — краем в воде, краем на суше. Том обыкновенно играл в этой ложбинке, а дальше ему ходить не позволялось. У подножья холма начинались заросли бука и дикой вишни; вишня вскоре отступала, ей крутой склон не по нраву, зато буки добирались до самой вершины. А с ними — тайком — и Том Кобл. Непростое дело — одолеть прогалины и острые каменистые выступы, того и гляди упадешь. В прогалинах толстым слоем лежали палые листья — бурые, точно траченный временем и ветром брезент, почти черные, точно скорлупки грецких орехов с изнанки. За долгие годы тут скопились горы листьев, Том проваливался в них, как в сугробы, по самую макушку. Листья застревали в волосах, попадали за шиворот, прилипли к одежде спереди и сзади, а ладони и коленки Тома становились черным-черны, словно их натерли орехом. И дед безошибочно узнавал, откуда вернулся его непоседа-внук. Мог бы и не спрашивать: «Том, где ты был?» Но разве дед смолчит!

Приходилось Тому объяснять:

— Вижу — кролик бежит рогатый, ну и я за ним. Как схвачу за хвост, хвост и оторвался! Тут пришел сам Герцог в золотых ботинках и сказал, что хвостик надо в палой листве посадить, тогда там на Михайлов день новый кролик вырастет. Пойдем, дедуля, покажу, где я хвост посадил!

Только дед отчего-то не шел. А брал вместо этого свои шлепанцы с каминной полки, клал внука себе на колено кверху задницей и шлепанцем со всего размаху — шлеп! шлеп! После очередной порки Том Кобл обиделся вконец. Ну чем он виноват, если видит мир так, а не эдак, не как все люди?

Такая вот тяжелая жизнь и заставила Тома Кобла подстроить собственную кражу.

Угодить в руки феям — дело нехитрое. Однажды вечером, перед восходом луны, Том отправился на грибную полянку и улегся в траве, не прочитав молитвы. Когда луна выкатилась на небо, появились феи и сцапали Тома.

— Бесполезно плакать, Том Кобл! — заявили феи, когда он проснулся в недрах холма, в подземном царстве. — Нечего слезы лить! Теперь ты наш, на целых семь лет!

— Вовсе я не плачу, — проворчал Том Кобл. — Это старуха Бетси Вэр ревела в три ручья, когда лиса у нее цыплят потаскала. Уж так она убивалась, так ревела, что из герцогского замка приехал дворецкий в атласной розовой карете и привез золотой желоб, чтоб туда старухины слезы стекали. На конце желоба был прудик с золотыми рыбками. Да только слезы оказались слишком горячими, рыбки зажарились, словно в масле на сковороде. Бетси их и съела. Мне тоже одна рыбешка досталась, вкусная, на пудинг с патокой похожа.

Выслушав Тома от слова до слова, феи забеспокоились.

— С таким намаешься!

— Может, отпустим?

— Никак нельзя, он на целых семь лет наш! Кто знает, вдруг и научится чему-нибудь путному за это время? С такими задатками он, пожалуй, самого чертяку околпачит!

— Вот, погодите, подучится немножко...

— Чему подучусь? — спросил Том Кобл.

— Колдовству, — бездумно ответил маленький эльф и тут же, опомнившись, прикрыл рот ладошкой.

— А мы с дедом вашего чертяку без всякого колдовства околпачили! — сказал Том Кобл. — На части разделали, окорок в дымоходе повесили — подкоптиться, потроха сейчас дедуля разбирает, а копыта с рогами мы засолили, получилась полная кадка.

Тут вышел вперед старый хромой Волшебник и сказал:

— Отдайте-ка мне паршивца. Я найду на него управу. Пускай у меня на кухне послужит, а научится — чему научу, не больше.

Феи охотно сбыли Тома Кобла с рук на руки Волшебнику и отправились дальше, петь и танцевать.

Волшебник повел Тома в самую глубь горы. Его убежище состояло из трех пещер. Первая — кухня — была уставлена кастрюлями, горшочками и мисочками, под которыми весело пел разноцветный огонь — розовый, алый, золотистый, голубой, зеленый, а из-под крышек струился пахучий парок. Волшебник поручил Тому присматривать за очагом и оттирать с горшков грязь и копоть.

— Мы тут колдовские снадобья на ужин готовим? — осведомился Том.

— Нет, — ответил Волшебник. — Мы ужина не готовим вовсе.

— Неужто так и спать — на голодный желудок? — возмутился Том.

— Отчего же? — возразил Волшебник. — Взмахну рукой — и ужин готов!

Тому поставили топчан прямо на кухне.

Во второй пещере он увидел обеденный стол, а ещё тут жила Уна, дочь Волшебника, очень красивая девушка лет шестнадцати. На ней было сотканное из лунного света платье — обычный наряд фей, а поверх — большой клетчатый передник с карманами. Уна сметала со стола крошки пучком птичьих перьев. На пол, однако, хлебные крошки не падали — они превращались на лету в звонкие серебряные монеты. Волшебник укоризненно поглядел на дочку:

— Вечно мне лишнюю работу придумаешь!

— Не могу же я сидеть сложа руки, — ответила Уна.

Тогда Волшебник махнул рукой: вмиг исчезли и крошки, и монетки, а передник Уны развязался сам собой и повис на гвоздике. Однако, Уна повязала его снова, вынула из кармана кусочек кожи и принялась яростно тереть стол — до блеска.

— Кого ты привел, папа? — спросила она, бросив взгляд на Тома Кобла.

Между тем стол под руками Уны защебетал, засвистал нежно, по-соловьиному. Том прямо заслушался, но Уна с досадой сказала столу:

— Ну-ка, прекрати! Немедленно прекрати, слышишь?!

Но стол и не думал умолкать. Поняв, что его не переспоришь, Уна снова обратилась к отцу:

— Так кого же ты привел?

— Это Том Кобл из Югопута, — ответил Волшебник. — Мы его сегодня украли на семь лет.

— А у Бетси Вэр тоже стоял стол, — вступил в беседу Том. — Одноногий стол, вместо ножки — львиная лапа. Бетси его тоже терла-терла и стерла крышку дочиستا, только ножка осталась. И убежала тогда ножка в рощу, и повстречала льва — совсем безногого. Все его ноги остались в капканах, которые Вильям Дженкс на зайцев ставил. Вот и уселся безногий лев на львиную ногу, а она побежала домой, к Бетси. Теперь старуха обедает на львиной спине, а как поест — лев обернется и все крошки дочиستا языком слижет. Господин Волшебник, а что у вас в дальней комнате?

— Это моя комната, — сказал Волшебник. — И не советую совать туда нос.

За все годы, что Том прослужил у Волшебника, ему не довелось сунуть в дальнюю комнату даже кончик носа. Волшебник хранил там ворожбу, чары и колдовство. Иногда он выносил из комнаты книгу в коричневом переплете и читал ее, помешивая кипящие в горшочках зелья. Потом он говорил:

— Том Кобл, дай-ка мне семян папоротника.

— Налей-ка полчашки росы из большой бутылки.

— Взвесь-ка одну унцию прошлогоднего пуха.

— Отмерь-ка полтора ярда шелковой паутины, да побыстрее.

Том все расторопно выполнял, а между делом примечал, как колдует его хозяин. И многое понял. Но всегда оставалась какая-то колдовская заковыка, а какая — Тому и невдомек.

Зато он прекрасно разводил огонь под кастрюлями, и не простой, а разноцветный. Только я вам сейчас его секреты не открою, чтобы пробовать не вздумали. А то кто знает, чем это грозит? Одно дело — сварить на завтрак

яйцо на обычном огненном огне, каким горят уголь, дрова или торф. Яйцо яйцом и останется. Но совсем иное дело — варить яйцо на голубом, зеленом или лиловом огне, как научил Тома старый Волшебник. Яйцо может стать золотым или резиновым, а то еще расправит крылышки и улетит восвояси. Короче, съесть на завтрак яйцо вам вряд ли удастся.

На исходе семилетней службы Том превратился в красивого долговязого подростка четырнадцати лет, а Уна так и осталась прелестной шестнадцатилетней феечкой. О Томе она заботилась истово, точно старшая сестра о братишке. И умывала его, и причесывала, и одежду чинила. Том всегда ходил стиранный-глаженный. Частенько после Униных умываний он узнавал себя с трудом, но ему это очень нравилось. То заблестит лицо, точно позолоченное, то вместо носа клюв отрастет, острый, как у дрозда. Причесет его Уна, а волосы торчком встанут, так и потянутся вверх, как цветы к солнышку. А порой и вправду вместо волос зазеленеет травка и зажелтеют лютики. Штопала Уна прекрасно, но залатает дыру на пиджачке — глядь, а пиджачок превратился в синий бархатный камзол с медными пуговицами или в бронзовую кольчугу, или в простое рубище, как у Дейви, старшего пастуха, который смотрит за стадами Герцога. Какой бы наряд ни сотворила Уна, Том напяливал его беспрекословно, ведь другой одежки у него не было. Да и Униных чудес хватало ненадолго — попадется Том на глаза Волшебнику, тот взмахнет рукой и вернет Тому прежнее обличье и одежду. А потом, сердито сдвинув брови, скажет Уне:

— Опять ты мне работенку придумала?

— Папа, должен же кто-то за мальчиком приглядеть!

Но вот истек семилетний срок. На прощанье Волшебник сказал:

— Ты исправно служил мне, Том Кобл. Проси в награду все, что сможешь унести в кармане.

И Том, не раздумывая, выпалил:

— Хочу вашу коричневую книжку.

Волшебник растерялся.

— Возьми лучше Бездонный Кошелек!

— Спасибо, не надо.

— Возьми Шапку-Невидимку!

— Спасибо, в другой раз.

— Возьми Сапоги-Скоророды!

Но Том стоял на своем:

— Хочу коричневую книжку!

Понял Волшебник, что опростоволочился. Но — делать нечего — отдал Тому волшебную книгу. А напоследок дунул мальчику в левый глаз.

И Том отправился в родной Югопут.

В Югопуте ничегошеньки за это время не изменилось. В такое захоlustье перемены приходят раз в сто лет, когда хозяйка трактира «Гирлянда» поменяет пестрые ситцевые занавески на красные, однотонные, а на тусклой витрине магазинчика вместо леденцов появятся бомбошки с ликером. Все было по-прежнему... Но — удивительное дело! — Том шел по улице и никого не узнавал. Ни одного знакомого лица! Заглянув в магазинчик купить бомбошек, он увидел за прилавком вовсе не тетюшку Грин, а совсем другую женщину. Она взвесила конфеты, Том полез в карман за деньгами и обнаружил, что денег-то у него и нет. Он сказал:

— Погодите минуточку, — и принялся листать волшебную книжку. Потом вынул из пакетика конфету, помудрил, пошептал, и конфета превратилась в монету! Вручив ее продавщице, Том получил два пенса сдачи, а вместо заколдованной конфетки честная женщина подложила в пакетик другую — ведь она продавала товар на вес. Том сунул конфету за щеку и пошагал по тропинке к реке, к дедовой избенке. Тут тоже ничего не изменилось: в траве похаживали куры, зеленое ведро лежало на боку возле прудика. Только вот высокую костлявую старуху, которая развешивала белье на веревке, Том — убей Бог! — не узнавал.

Он вошел в ворота и хотел было поискать деда или старшую сестру, но старуха грозно окликнула его:

— Эй, ты куда?!

Том остановился.

— Если тебя из бакалеи прислали, — продолжала старуха, — так носи товар сюда, погляжу, что принес, а в дом сама отнесу.

— Ничего я не принес, — сказал Том. — А что вы заказывали?

— Ишь ты, он еще спрашивает! — возмущенно воскликнула старуха. — Где моя овсянка? Где соль? Где кофе? Куда сахар дел и пудру сахарную? Где, скажи на

милость, хозяйственное мыло и свечи? Небось, все растерял по дороге!

— Погодите,— сказал Том Кобл. Усевшись на землю, он раскрыл свою книгу, а потом собрал, что под руку повернулось—веточки, камешки, сухие листья—помудрил, пошептал и протянул старухе семь аккуратных свертков в голубой глянцевої бумаге со звездами. Старуха опасливо взяла первый:

— Что это?

— Должно быть, сахар,— ответил Том.

Старуха раскрыла сверток. Там и в самом деле оказался сахар, но не кусочками, а одним большим куском в виде утки. Утка трижды крякнула и снесла сахарное яйцо прямо в старухину ладонь. Недоверчиво покачав головой, старуха раскрыла другой сверток. Там оказались кофейные зерна—вроде совсем обычные, но почуяв свободу, они превратились в пчелиный рой и, жужжа, перелетели на сливовое деревце, что росло поодаль. Хмыкнув, старуха взяла соломенную корзину, загнала туда кофейных пчел и поставила на лавку вместе с другими ульями. Пчелы тут же перестали жужжать, а заурчали, точно зерна в кофемолке. В воздухе приятно запахло кофе. Все свертки оказались с чудинкой. Овсянка, например, сверкала точно золотая пыль, но Том заверил старуху, что варится она не хуже обычной. Хозяйственное мыло было не желтым, а разноцветным, будто радуга, и на нем читался стишок—по строчке на каждой цветной полоске. Соль на вкус оказалась сладкой, как сахарная пудра, а сахарная пудра—соленой, точно соль. Ну а из последнего пакета старуха вынула только одну свечку, свечка тянулась и тянулась, а конца ей все не было. Вытянув ярдов двадцать, старуха уморилась, и, уперев руки в боки, взглянула на Тома:

— Что, в бакалее других посыльных нету?

Вовсе я не посыльный,— сказал Том Кобл.

— Чего ж тебя сюда занесло? — озадаченно спросила старуха.

— Хочу повидать деда и старшую сестру.

— Тут живем только мы с сыном. А как твоего деда зовут?

— Барнаби Кобл.

Старуха пристально взглянула на Тома.

— А сестру твою как зовут?

— Молли Кобл. Но она выйдет замуж за Вильяма Дженкса, когда он браконьерить перестанет.

Старуха взглянула на Тома еще пристальней.

— Вот те и на! Ну а тебя-то как звать-величать?

— Том Кобл,— ответил Том Кобл.

Старуха так и сверлила его взглядом:

— Тот самый Том Кобл? Которого феи украли?

— Да, семь лет назад,— подтвердил Том.

— Семьдесят,— поправила его старуха.

Она закинула на веревку мокрый фартук и вздохнула:

— Что ж, вернулся так вернулся, ничего не поделаешь. Дед твой умер пятьдесят лет назад, сестра Молли — сорок лет назад. А я ее дочь, твоя племянница. Сперва мой отец, Вильям Дженкс, работал лесником, но и он уж тридцать лет как помер. А после и мой муж, Боб Дрейк... Двадцать лет с тех пор прошло. Зовут меня Салли Дрейк, а сына моего Джек, он у Герцога старшим лесничим служит. Что ж, дядюшка, снеси-ка это добро на кухню, да положи в буфет. Свечку нарежь как положено, да не тяни ее больше, Бога ради! Хватит.

Том послушно исполнил приказания племянницы. А потом пришел его внучатый племянник Джек Дрейк — крепкий мужичок лет тридцати пяти, и Салли поведала ему, что юный дядька Том вернулся, наконец, от фей из волшебного царства и будет теперь жить с ними — в тесноте да не в обиде.

Возвращение Тома вызвало в деревне живейший интерес, которого хватило на целых два дня. Те, чьи деды лежали в колыбели, когда Том попал к феям, останавливали его на улице и расспрашивали про здоровье, про житье-бытье у фей, а самые любопытные повторяли излюбленный вопрос Салли Дрейк — что он намерен делать дальше. Том приноровился отвечать так:

— Спасибо, здоров.

— Неплохо пожил.

— Еще не решил.

А через два дня в Югонут приехал цирк принца Карло и раскинул шатер на пустыре под названием «Полумесьяц». Все позабыли о Томе Кобле, только и слышно разговоров, что о красотах, обсыпанных блестками, о черно-белых пони, о бело-рыжих клоунах, о силачах, которые могут поднять весь земной шар, о стройных гимнастах, которые порхают с трапеции на трапецию, точно птички с ветки на ветку. Все наострили уши, нетерпеливо ожи-

дая, когда же грянет духовой оркестр, все искали глазами цепочки веселых разноцветных лампочек, все раздували ноздри от запаха сена и опилок. Том тоже купил себе билет на галерку за два пенса и пришел от цирка в полный восторг. Разговоров о цирковых чудесах хватило на неделю, а о Томе с тех пор никто и не вспоминал. И никого, кроме старухи Салли Дрейк, не волновало теперь, чем и как он заработает себе на хлеб.

— Пора, дядюшка, остепениться,— говорила старуха.— Смышленому, рукастому парню семидесяти семи лет от роду пора браться за дело.

— Не к спеху,— отвечал Том.— Я, когда подрасту, поступлю к Герцогу в лесники. Хорошо бы Джек меня по лесу поводил, показал тайные стежки-дорожки.

Джек согласился, и они теперь целыми днями пропадали в герцогском парке. На самом деле это был настоящий дикий лес. Джек учил Тома обращаться с ружьем, различать следы и разбираться во всякой иной премудрости, которая ведома лишь лесникам. Я в этом ничего не понимаю и рассказать не берусь. Знаю только, что однажды утром они повстречали в парке самого Герцога. Он обратился к Джеку:

— Здравствуй, Дрейк. Что-то неладное творится в парке, заметил?

— Разве, Ваша Светлость? — удивился Джек Дрейк.— Вам почудилось.

— Пойдем, покажу.

Все втроем направились они к кроличьему загону и увидели сотни кроликов, крольчих и крольчат, серых и белых, старых и малых — как оголтелые носились они по вытоптанному склону холма, и у каждого на голове красовались... рога!

— Вот так диво! — Джек Дрейк протер глаза.

— Это еще не все,— сказал Герцог и двинулся дальше — на полянку, которую издавна облюбовали олени. Все олени до единого — и мышастые, и пятнистые — сгруппировались в то утро на полянке, и все, даже тонконогие олени, хлопали крыльями!

— Вот уж диво дивное! — Джек Дрейк недоуменно почесал в затылке.

— Ну а это тебе как понравится? — спросил Герцог и повел его к высокому кургану. Там, на вершине, стояла красивая ножка от стола — красного дерева, с точеной когтистой лапой у основания, а сверху к ней точно прирос

красавец лев; вполне живой, только безногий, он дружелюбно ревел и приветливо помахивал хвостом.

Джек Дрейк поскреб подбородок и сказал:

— Каких только чудес на свете не бывает!

— Мне эти чудеса совсем ни к чему,— промолвил Герцог.— Ты тут старший лесничий, вот и позаботься, чтобы такого больше не было.

— Не беспокойтесь, Ваша Светлость, сделаем,— заверил Герцога Джек Дрейк. Он так пристально смотрел на ботинки Герцога, что тот тоже взглянул вниз... Ботинки стали золотыми! Великолепные с виду, но тяжеленные и неуклюжие, они приковали Герцога к земле, так что каждый шаг давался ему с трудом. Кое-как добравшись до замка, Герцог надел тапочки и заказал сапожнику новые кожаные ботинки. Так с тех пор и повелось: стоило Герцогу войти в парк, его обувь превращалась в чистое золото. Вскоре целый шкаф в замке наполнился сверкающими ботинками и туфлями.

Однако, чудеса в Югопуте только начинались.

Когда летом заиграла на стремнинах рыба, к берегу с удочками, корзинами и фонарями потянулись рыболовы, как две капли воды похожие на рыболовов из Томова детства, хотя приходились им внуками, а то и правнуками. Они устраивались в камышах, точь-в-точь как те, прежние, и сразу — уши заткнут, язык прикусят.

Том Кобл, как встарь, приходил, глядел на них, но вопросов не задавал. Они себе рыбку удят, а он лежит на берегу, книжку коричневую почитывает. И вот как-то раз зазевался рыболов, и жирный пескарь у него червяка утащил. Полез рыболов за новой наживкой, глядь — а в банке вместо мошек с червяками сок петрушки. И у дружков его такая же беда. Так и разошлись в тот вечер по домам без улова.

Назавтра снова пришли, удочки закинули. И Том Кобл тут как тут — сидит в камышах, книжку читает. Вечер выдался славный, дождливый — рыба клевала беспрепятственно. Но вдруг дождик кончился, выкатилась луна — словно серебряное блюдо, а рыбки выпрыгнули из воды и — прыг, прыг — прямоком на небо. Заплясали, захоровоидились вокруг луны — кто плавно, кто шустро. Поблещивают плотвички, изгибаются в танце уклейки, пескари плавниками играют. Полдеревни выбежало на улицу — взглянуть на небывальщину. Ну а кто спал без просыпу,

узнал о чуде только поутру... Незадачливые рыбаки снова разошлись несолоно хлебавши.

Но они верили в удачу. И назавтра снова сошлись на берегу: Том — с книжкой под мышкой, а рыболовы — с удочками. Ничто им в ту ночь не помешало, тихо-мирно таскали плотву до самого рассвета. Однако, собравшись домой, они не смогли вылезти из камышей, поскольку пустили там прочные, цепкие корни! И остались горе-рыболовы у реки на веки вечные.

Деревенские ребята их не забывали, угощали лакричными конфетками. А как плеснет на стремнине рыба, рыболовы закинут удочки и рады-радешеньки. Так что доля им досталась вполне завидная. Только одному бедняге не повезло: недосмотрел кровельщик Джем Тернер, срезал его вместе с камышом и примостил на крыше коровника-развалюхи, под самый гребень. Впрочем, рыболов и тут не унывал. Наберет детвора ведерко дождевой водицы, поставит под коровником, а он закинет удочку — благо руки свободны — и счастлив.

Конечно, это далеко не все проказы Тома Кобла, но всех и не перечислишь, ведь чудеса случались в Югопите каждый божий день, семь лет кряду. Накладует Том, накудесит, да только все у него как-то нескладно, кривобоко выходит. Нелепые какие-то чудеса!.. Старуха Салли Дрейк сразу заподозрила, что дело тут нечисто, и велела Джеку не брать дядьку Тома в лесники, а определить учеником к деревенскому сапожнику.

Сапожник взял парня на год, и Том Кобл справно шил ботинки и туфли, но в них непременно находился какой-то изъян. Правый ботинок всем хорош, а левый — с придурью. Первую пару Том сшил для Гарри Блоссом — подручного из трактира «Гирлянда». Надел Гарри туфли за стойкой, шагнул к Джиму Тернеру с кружкой пива — сперва правой ногой шагнул, потом левой — и очутился среди лука, на огороде доктора Дейли, который жил в полумиле от трактира. Направился Гарри назад, шагнул правой, шагнул левой и — приземлился в классе под дружный детский хор:

— Дважды один — два!

— Я в этом не уверен, — отозвался Гарри Блоссом и быстренько сел на пол, чтобы — не дай Бог! — еще куда-нибудь не шагнуть. Он снял злополучные ботинки и вернулся в трактир босиком.

Следующую пару Том Кобл сшил для пастора. Пре-

подобный отец надел новые туфли на воскресную службу. Правая вела себя вполне пристойно, зато левая так и норовила пуститься в пляс. Едва коснувшись земли, она вскидывала ногу пастора вверх, будто ножку танцовщицы. Пастор вышел из дому поздно и возвращаться времени не было. Ему удалось незаметно пробраться в церковь к началу службы, и прихожане ничего не заподозрили. Зато каково же было их изумление, когда преподобный отец выпорхнул на кафедру, точно Коломбина на сцену. Вот и пришлось ему, бедному, изловчиться и читать проповедь, стоя на одной ноге.

Иногда сшитые Томом левые ботинки умели летать, туфли щипали за пятки своих хозяев-врунов, стоило им сказать хоть одно лживое словечко — Том Кобл был очень правдив. А некоторые левые тапочки оказывались прозрачными и хрупкими — из самого настоящего стекла.

В конце концов сапожник передал Тома Кобла кузнецу. Здесь Том принялся ковать подковы, которые, даже не познакомившись со своей будущей хозяйкой-лошадью, соскакивали с наковальни и галопом мчались на вершину холма. Лошадь так и стояла в кузне, перебирая неподкованными ногами, а раскаленная подкова скакала по лугам, перемахивала через изгороди и канавы, сама приходила на конюшню и, остывая в стойле, поджидала хозяйку.

Тогда кузнец передал Тома фермеру. Хлеба и клевер поднялись в тот год густые, из чистого шелка, а в шелку там и сям краснели ситцевые головки мака. Короче, не поле, а воскресная дамская шляпка. В один прекрасный день пестрая курица, лучшая на ферме несушка, не завохтала, как обычно, во дворе, а гордо прошествовала на кухню и объявила остолебневшей фермерше:

— Хозяйка, хочу сообщить вам, что я только что снесла великолепное яйцо.

Тут Тома Кобла и рассчитали.

Вернувшись к Салли Дрейк, он снова взялся за свою коричневую книжку и кудесил помаленьку: то у него речка вспять потечет, то снег сахарной глазурью заблестит, то школа на верхушку дуба взгромоздится, и дети примутся, точно белки, на урок лазать. Погнал фермер Джолли овец на скотобойню, а они, завидев мясника, превратились в белые облачка и растаяли в голубом небе. С той поры, едва на небе появлялось белое облако, деревенские непременно говорили друг другу:

— Вон Джоллина овечка гуляет.

Так и минуло семь лет с тех пор, как Том вернулся из волшебной страны. И был он теперь совсем взрослым парнем, ему исполнился двадцать один год.

Как раз в день своего рождения Том гулял возле реки и повстречал среди высокой травы хорошенькую незнакомую девушку в серебряном переливчатом платье и клетчатом переднике. Распущенные волосы волнами струились из-под венка, сплетенного из звезд, а сверху красовалась шляпка с пышными цветами. Девушка тщательно пропалывала лютики на берегу — руками и маленьким садовым совком. Вытащит сорняк — и на этом месте остается золотое колечко. Берег был уже усеян колечками — на всех югопутских невест хватит. Понаблюдав за девушкой, Том сказал:

— С добрым утром.

— С добрым утром, — отозвалась девушка, воткнув совок в землю.

— Что ты делаешь? — спросил Том.

— Белый свет пропалываю, — ответила девушка.

— На это же потребуется уйма времени! — воскликнул Том. — Погоди-ка!

Он заглянул в коричневую книгу, оторвал молодой побег, трижды махнул им во все стороны, и все сорняки вмиг исчезли. Только лютики отчего-то стали из желтых голубыми.

Девушка нахмурилась.

— Ты зачем сделал мою работу? Да ещё такую неразбериху учинил! Голубые лютики! Ужас какой!

— Не ужас, а волшебство, — возразил Том.

— Терпеть не могу волшебства! Только работу портит.

— Зато время бережет!

— Да кому нужно время, если делать нечего?! — возмутилась девушка и, поднявшись с колен, взглянула на Тома повнимательней.

— А ведь я тебя знаю! Ты — Том Кобл!

— А ты Уна! — обрадовался Том. — И тебе по-прежнему шестнадцать лет, хотя мы семь лет не виделись.

— Минут, а не лет, — поправила его Уна. — За тобой же только что дверь закрылась. Как это ты подрасти успел?

— Зачем пожаловала, Уна? — спросил Том. — Книжку я не отдам, так и знай!

— Ох и надоели вы со своей книжкой! Она мне всю жизнь испортила. Если хочешь знать, Том Кобл, я рассорилась с родными и пришла, чтобы меня украли люди. Думаешь, вам, людям, наша волшебная жизнь интересна, а нам до вас и дела нет? Мне, например, ужасно интересно, как вы тут, на земле, живете. Вот пойду сейчас в деревню, чтоб меня там украли!

Кивнув на прощанье, Уна удалилась, и в тот день Том ее больше не видел. Поутру случилось ему проходить мимо трактира «Гирлянда» и там, за стойкой, он приметил Уну — Гарри Блоссом учил девушку перетирать пивные кружки.

— Ничего, скоро приновишься, — говорил Гарри. — Изловчись как-нибудь так вытирать, чтобы лепестки роз да жемчужины на дне не оседали, а то двойная работа получается.

— Попробую, — ответила Уна. — Только трудно враз позабыть, чему тебя всю жизнь учили. Издержки воспитания. А вот и Том Кобл! Заходи, Том, заказывай, что душе угодно. Я тут теперь главная и единственная служанка. Трактирщица меня вчера бельевой веревкой опутала. Так что я благополучно украдена и вернусь в волшебную страну лишь через семь лет. Чего желаете?

— Поддай-ка мне имбирного лимонаду, — попросил Том.

Уна побежала за бутылкой, осторожно размотала проволоку, и пробка стрельнула в потолок, а за нею вылетела сигнальная ракета и рассыпала по земляному полу разноцветный дождь.

— Попробуй еще раз, — посоветовал Том.

Уна принесла другую бутылку, пробка снова выскочила, но как только Уна собралась наливать лимонад, горлышко оказалось заткнуто новой пробкой. И так — всякий раз, когда она наклоняла бутылку!

— С третьей наверняка повезет, — утешил девушку Том Кобл, и Уна поспешила за третьей бутылкой. На этот раз лимонад хлынул в кружку без приключений, а когда пена осела, Тому открылось его прошлое и будущее. Но он, ничуть не смутившись, с удовольствием осушил кружку до дна.

Уна сказала:

— С вас три пенса.

У Тома, как всегда, ни гроша за душой не было. Взяв

с пола щепотку опилок, он превратил их в монетки и отдал Уне. Она укоризненно покачала головой:

— Опять колдовские штучки! Ну когда ты научишься жить, как все люди?!

Монетки она бросила в кассовый ящик, а они принялись играть там в орлянку: так и крутились до полуночи, пока трактир не закрылся.

Уна прослужила в «Гирлянде» целых семь лет, но это отдельная и очень длинная история.

Все эти годы старуха Салли Дрейк — по-прежнему бойкая и проворная, даром что ей уже восемьдесят стукнуло — непрерывно пилила Тома Кобла. Пора, мол, бросить ворожбу и работать по-людски.

На ее ворчание Том неизменно отвечал:

— Успеется.

Однако, вскоре Джеку Дрейку взбрело в голову жениться, и он уехал в Серрей. Повстречав Герцога в парке, Том предложил себя на место Дрейка.

Герцог жил на другом конце парка, в пяти милях от Югопута, и не слыхивал о деревенских чудесах. И уж, конечно, не подозревал, что рогатых кроликов, крылатых оленей и золотые башмаки сотворил Том Кобл. А между тем, для башмаков к замку пристроили новое крыло, и оно было забито до отказа. Ничего не подозревающий Герцог назначил Тома старшим Лесничим, прибавив:

— Ты, вероятно, уже знаешь здешний лес.

— Как свои пять пальцев, — подтвердил Том Кобл.

Услышав о новой работе юного дядюшки, Салли Дрейк лишь фыркнула и покачала головой. У старухи на все имелось свое мнение, но она держала его при себе. Какое, в конце концов, дело ей, Салли Дрейк, если на буках созреют виноградные гроздья, на ясенях вырастут гигантские примулы, а белки на королевском дубе засудачат по-китайски. Пускай Герцог сам разбирается, а ей недосуг. Каждый день гуляки обсуждали в трактире новые чудеса, случившиеся в герцогском парке. Уна из-за стойки слышала все от слова до слова и кипела от возмущения:

— Ну что за нелепый парень! — говорила она, перетирая оловянные кружки. — Все не как у людей!

Вытертые Уной кружки превращались на полке в пузатых человечков. К счастью, они оставались полыми и по-прежнему годились для пива.

Как видите, Уна презирала Тома Кобла. Она сбежала из волшебной страны к людям и хотела жить по-людски,

а Том так и норовил напомнить ей о колдовских повадках её милых родственничков. Том, в свою очередь, считал Уну чудачкой. Зачем лишать себя радостей жизни? Зачем готовить обед на плите, если есть скатерть-самобранка?

По всему поэтому Уна, пока служила в «Гирлянде», Тома Кобла не жаловала. А он и не набивался в друзья. О чем говорить с такой занудой?

Конечно, Уна была вовсе не занудой, а просто хорошей трудолюбивой девушкой. Она хотела приносить побольше пользы и с готовностью бралась за любое дело: жарила и парила, мела и убирала, пиво наливала, перины взбивала. Копала грядки, кормила цыплят, по понедельникам стирала, а по вторникам гладила. Наливала в лампы керосину, кормила сторожевого пса, стояла за стойкой — всегда приветливая и свежая как цветок. Трактирщица говорила, что не было б ее служанке цены, кабы...

Короче, беда с этой Уной да и только! Старается, старается, а вся работа насмарку.

Положит капусту в кастрюлю — щи варить, глядь — в кастрюле пыхтит каша! Вымоет поутру крыльцо, а завсегдатаи трактира к ступенькам приклеются, ногой шевельнуть не могут, покуда не пообещают хозяйке исполнить все, что ее душе угодно. Подметет Уна комнаты, сотрет пыль, а за веником и тряпкой остается россыпь серебряных монет. Примется пиво варить, оно в золотой сироп превратится. Испечет пирог, а в нем дрозд свистит-заливается — и хорошо, если один! А кто вздумает спать на взбитой ею перине, непременно проснется в аравийских песках.

Пойдет картошку копать — принесет шоколадного крема.

Пойдет яйца из-под кур собирать — принесет пасхальные, расписные, с подарками внутри.

Постирает простыни — они превратятся в полотняные салфетки, выгладит салфетки — они носовыми платками обернутся.

Нальет в лампу керосину — она лунным светом засияет.

Накормит пса, а у него хвост драконий отрастет.

Откроет бутылку... Впрочем, вы уже знаете, как Уна открывает бутылки.

И на исходе семи лет Трактирщица не выдержала:

— Уна, иди-ка ты домой.

— Хозяйка, пожалуйста, не гоните меня! — глаза Уны наполнились слезами.

— Семь лет истекли, и я беру другую служанку. Ты славная девочка, Уна, но колдовские привычки в Югопуте ни к чему. Из-за вас с Томом Коблом о нашей деревне дурная молва пошла по всей округе.

— Из-за меня и... Тома Кобла!? — обиженно воскликнула Уна. — Том мне не ровня! Он же лентяй, каких мало! Ничего полезного в жизни не сделал. Да и колдовать толком не умеет, потому что мой отец дунул ему на прощанье в левый глаз. Но, хозяйка, я-то стараюсь! Я так хочу приносить людям пользу!

— Вижу, что стараешься, — ответила Трактирщица. — Но у тебя все наперекосяк выходит, не лучше, чем колдовство у Тома Кобла. Вы с ним одного поля ягода. Нет, дорогуша, не могу я тебя больше держать. Зря я, видно, тебя украла. Прощай! Возьми что-нибудь на память — что в карман влезет.

— Тогда я забираю трактир «Гирлянда», — промолвила Уна. Хозяйка не успела и глазом моргнуть, как стойка и столы, кухня и спальни уменьшились, сжались, и весь трактир поместился в кассовый ящик. Уна сунула его в карман клетчатого передника и направилась домой, в волшебную страну.

В тот день, заглянув домой попить чаю, Том застал в избушке хозяйку «Гирлянды». Она сидела у печки и, ломая в отчаянии руки, рассказывала Салли Дрейк о своем горе.

— На что я жить-то теперь буду, госпожа Дрейк? — причитала она. — Герцог мне новый трактир не выстроит! Ой, бедная я, бедная... А у Герцога такой громадный замок на одного, да на жалкую сотню слуг! Вот бы мне — хоть чуток, хоть флигелек... Я бы снова трактир открыла.

— Погодите, — остановил ее Том Кобл. — Не волнуйтесь. — Он вынул коричневую книгу и принялся водить носом по строчкам.

Салли Дрейк недовольно сказала:

— Отложи-ка книжку, дядюшка, да садись чай пить.

— Не к спеху, — ответил Том Кобл и, пошуровав кочергой в печке, прошептал над ней волшебные слова. А потом уж сел пить чай.

Вернувшись в деревню, трактирщица увидела на месте «Гирлянды» четверть герцогского замка. У дверей уже толпились завсегдатаи в ожидании пива.

Герцог обычно смотрел на чудеса сквозь пальцы. Не придавал значения винограду на буках и примулам на ясениях, даже белкам, болтавшим по-китайски, особенно не удивился. Он так и не понял, отчего забил фонтан вина посреди искусственного озера; не заметил, когда же мраморный амур, сидевший на бережке, научился петь «К заутрене звонят» и плюхаться в воду голой попкой; он проморгал день, когда белые лебеди обзавелись золотыми коронами, а в распустившихся кувшинках появились румяные пирожки. Однако, парком он очень гордился, непременно показывал гостям лебедей да и пирожками угощал на славу. Но, недосчитавшись в замке целого крыла, где он, к тому же, хранил оружие, Герцог забеспокоился. Его спальня теперь лишилась стенки и стояла, открытая злым восточным ветрам. Герцог решил, что чудеса зашли чересчур далеко и пора положить им конец.

Он повелел дворецкому разузнать, что да как. Поговаривают, сообщил дворецкий через неделю, будто четверть замка каким-то ветром занесло в Югопут. Правда, еще неизвестно, чей это замок...

Герцог повелел оседлать коня и отправился в Югопут, где и в самом деле обнаружил недостающее крыло собственного замка. На нем теперь красовалась вывеска с рисунком и надписью «Четвертинка». Пиво распивали прямо в арсенале, а из шлемов получились отличные кружки.

Подозвав трактирщицу, Герцог спросил:

— Где вы стащили этот замок?

Трактирщица смиренно поклонилась:

— Ваша Светлость, это не я стащила, а Том Кобл.

— Гей! Послать за Томом Коблом!

Когда Том явился, Герцог спросил:

— Что, Кобл, твоя проделка?

— Моя, Ваша Светлость.

— Единственная?

— Нет, Ваша Светлость.

— Так, значит, лебеди, кувшинки, фонтан, белки — твоих рук дело?

— Да, Ваша Светлость.

Герцог грозно сдвинул брови и прогремел:

— Какая кара, по-твоему, суждена человеку, который

портит герцогский лес и крадет герцогский замок?

— Полагаю, Ваша Светлость, что ему суждено жениться на герцогской дочке,— ответил Том.

— Нет у меня дочки!— рассердился Герцог.— Получай свое жалование и убирайся подобиру-поздорову. Ты глубоко испорчен, Том Кобл, и в Югопуте тебе не место, нечего народ мутить.

Он бросил Тому деньги и ускакал прочь в ярости и смятении. Лишь одолев полдороги, он заметил, что под ним не лошадь, а большой голубоглазый котёнок...

Том сунул деньги в карман и, распрощавшись со своей племянницей Салли Дрейк и с односельчанами, покинул Югопут навсегда. Невдалеке от деревни услышал он горькие всхлипы и увидел на обочине, возле кустов, Уну— в серебряном платье и клетчатом фартуке. Том уселся в траве чуть поодаль и спросил:

— Что стряслось-то?

— Ох, Том,— зарыдала Уна пуще прежнего.— Меня и оттуда выгнали. Я им принесла «Гирлянду», все там обустроила, все справно делала—как хозяйка учила. Старалась, чтоб феи каждый день заходили кружечку-другую пропустить, чтоб зажили по-людски. А им отчего-то не понравилось! Говорят, что я, мол, глубоко испорчена и толку от меня в волшебной стране не дождешься. Подарили напоследок одно желание и велели убираться прочь.

— А где желание?— спросил Том.

— Приберегла. Оно на кончике языка,— ответила Уна.

— Хорошо хоть что-то у тебя за душой есть,— сказал Том.— Пойдем вместе, поищем себе место под солнцем.

И тут, под трубный глас и барабанный бой, из-за поворота показалась торжественная процессия—катил цирк принца Карло: черно-белые пони, бело-рыжие клоуны, обсыпанные блестками красотики, юноши в розовых трико, индийцы в лохматых тюрбанах верхом на слонах, силач с земным шаром на плечах и, наконец, сам принц Карло на золотой колеснице, запряженной шестеркой белых осликов с плюмажами и красной упряжью.

— Признавайся, Том, ты наколдовал?— спросила Уна.

— Что ты? Все настоящее!— ответил Том.

— Неужели!— обрадовалась Уна.— Тогда я ЖЕЛАЮ, чтобы у принца нашлась для нас работа!

Не успела она вымолвить эти слова, как принц Карло натянул поводья и, крикнув осликам «тпру», сошел с колесницы.

— Вам работа нужна? — спросил он.

— Нужна! — хором ответили Том и Уна.

— Отлично, — кивнул принц. — Дело в том, что мой Силач женится на Наезднице, и они уходят из цирка. Если вы, — он повернулся к Тому, — сможете жонглировать миром, а вы, — он повернулся к Уне, — устоите на буланом пони и прыгнете сквозь кольцо, я возьму вас в труппу.

На том и порешили. Том Кобл и Уна отправились дальше вместе с цирком. Вскоре их выступление стало гвоздем программы.

Уна, в серебряном платье и звездном венце, забывала касаться пони даже носочком туфельки, она почти летела — тонкая и светлая, будто лунный луч. Ребячтя на галерке визжала от восторга.

А Том Кобл, в розовом трико с золотым ремнем жонглировал миром так лихо, как ни один силач прежде: крутил, вертел, подбрасывал и ловил. А с миром, между тем, творились невиданные чудеса: из него вылетали жаворонки и ласточки и, взмыв под самый купол, наполняли шатер веселым щебетом; на поверхности мира кружились и мерцали разноцветные звезды, а изнутри сыпались цветы и леденцы. Они попадали точнехонько на галерку, в ребячьи руки. Дети восторженно ахали.

Со временем Том Кобл женился на Уне, а принц Карло, состарившись, отдал им свой цирк. Кочевая жизнь пришлась им по вкусу.

— Какое счастье, что на арене можно колдовать сколько душе угодно! — радовался Том.

— Какое счастье, что я, наконец-то, могу приносить людям пользу! — радовалась Уна.

Если случится их цирку заглянуть в ваши края, непременно сходите на представление.

Элси Пиддок прыгает во сне

Элси Пиддок жила в Глайнде, что у подножья горы Кейбн. Жила-поживала, хлеб с маслом жевала. И другие

девочки в этой деревушке жили так же. А все потому, что у их матерей вечно не хватало денег на крендель. Едва Элси научилась различать звуки, она стала слушать, как девчонки по вечерам, после уроков, прыгают через веревочку на лужайке за домом ее матушки. «Сиу-сиу-сиу», — свистела в воздухе скакалка. «Прыг-скок-прыг-скок», — отбивали в такт ножки. «Шу-шу-шу-шу-шу-шу-ша», — нараспев говорили девочки считалку. Со временем Элси научилась не только слушать, но и разбирать слова, и «шу-шу-ша» превратилось в

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден-

цовая
Голова —

Нам жетолько хлеба смаслом матынаужин припасла!

Конец они тараторили вдвое быстрее, и если Элси слушала считалку за ужином, то жевала кусок хлеба с маслом вдвое скорее. Ох, как же хотелось ей пососать леденцовую голову, пока они медленно проговаривали начало считалки, но... Чего нет, того нет!..

Когда Элси Пиддок исполнилось три года, она попросила у матери скакалку.

— Ты слишком мала, — сказала матушка. — погоди, подрастешь немного, будет тебе скакалка.

Элси надулась, но промолчала. Однако глубокой ночью ее родители проснулись от странного звука, будто чем-то били об пол, и увидели Элси в одной ночной рубашонке — она прыгала через отцовские подтяжки. Прыгала, пока вконец в них не запуталась. Тут она упала и заплакала. Но прежде-то пропрыгала подряд целых десять раз!

— Старуха! Чтоб мне пусто было! — воскликнул папаша Пиддок. — Да она у нас прыгуньей уродилась!

А мамаша Пиддок, которую так и распирало от гордости, вскочила с кровати, потеряла дочкины ушибленные локти и сказала:

— Ну будет, не плачь, вытри слезки. Завтра непременно справим тебе скакалку.

Элси вытерла слезы подолом ночной рубашки, а утром, до работы, папаша Пиддок нашел где-то кусок шнура как раз нужной длины и приделал на концах ма-

ленькие деревянные ручки. Элси на радостях пропрыгала целый день, только раз застыла на правой ножке, чтобы съесть на завтрак хлеб с маслом, да другой раз застыла на левой ножке, чтобы съесть на обед масло с хлебом. А вечером, когда школьницы собрались на лужайке, она отправилась туда — потягаться с самыми искусными.

— Эй! Вы только поглядите! — закричала Джоан Челлон, лучшая прыгунья. — Малышка Элси Пиддок прыгает ой-ё-ёй как здорово!

Все побросали скакалки, сначала просто так — посмотреть, а потом — и поудивляться. Элси Пиддок и в самом деле прыгала ой-ё-ёй как здорово. Тогда они позвали своих матерей — посмотреть и поудивляться. Те пришли и всплеснули руками:

— Малышка Элси Пиддок — прирожденная прыгунья!

К пяти годам она могла обскакать любого и под «Эндель-Брендель», и под «Денег полон кошелёк», и под «Чарли-Парли» — да под какую угодно считалку. Когда ей стукнуло шесть, ее имя и слава уже гремели по всем селениям графства. А ещё через год о ней прослышали феи. Они и сами любили прыгать со скакалочкой, у них даже был учитель по фигурному скаканию, который каждый месяц при молодой луне обучал их новым прыжкам. Они прыгали и декламировали хором:

Прыгай вверх,
Прыгай вниз,
Перышком вертись на месте,
Прыгай вдаль,
Прыгай близ,
А теперь со всеми вместе.
Хитроумный прыг,
Силовой скачок,
Быстролетный миг,
Беды — наутек.
Сальто дважды-два,
За -
а -
медленное па.
Носочек тяни,
И последний пры-ы-ы...

Все эти волшебные прыжки придумал учитель по фигурному скаканию. Звали его Эндель-Брендель. Он очень гордился своими феями, потому что они прыгали лучше, чем феи из соседних графств, но бывал суров, если они не слушались. Однажды ночью он выбрал феей Свинцовые

Пяточки: она прыгала совсем плохо,— и похвалил фею Блошиные Ножки: она прыгала очень хорошо. Тогда фея Свинцовые Пяточки посопела, пошмыгала носом, да и сказала:

— Зато одна девчонка из Глайнда может проскакать до самой Луны и обратно быстрее, чем Блошиные Ножки. Она прыгуньей уродилась и прыгает ой-ё-ей как здорово!

— Как ее зовут? — спросил Эндель-Брендель.

— Ее имя Элси Пиддок, и она уже обскакала всех из дальних и ближних деревень — от Дидлинга до Воннека.

— Доставить ее сюда! — скомандовал Эндель-Брендель.

Фею Свинцовые Пяточки как ветром сдуло, и вот уже она просунула голову в маленькое оконце под самой крышей.

— Элси Пиддок! Элси Пиддок! На горе Кейбн сейчас начнутся соревнования по скаканию, и фея Блошиные Ножки говорит, что она прыгает лучше тебя.

Элси Пиддок крепко спала, но слова эти прозвучали во сне, как наяву. Она вскочила с кровати с закрытыми глазами, схватила свою скакалку и побежала вслед за Свинцовыми Пяточками на вершину горы Кейбн. Там их уже поджидали Эндель-Брендель с феями.

— Прыгай, Элси Пиддок, — сказал Эндель-Брендель. — Покажи нам, чего ты стоишь.

Элси закинула скакалку за спину и начала прыгать... во сне. Она бормотала себе под нос:

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден-

цовая

Голова

Нам жето только хлеба масла мاتها ну жин припасла.

Эндель-Брендель не сводил с нее глаз, но ни ему, ни феям не удалось найти в прыжках ни единой ошибочки.

— Очень хорошо, ты далеко пойдешь, — сказал Эндель-Брендель. — Ну, а теперь посмотрим, насколько далеко ты пойдешь. Встаньте-ка рядом, Элси и Блошиные Ножки. Сейчас будет «Прыгай вдаль».

Элси никогда еще не прыгала «Вдаль» и, будь она даже умница-разумница, ей бы в жизни не понять, что хотел от нее Эндель-Брендель. Но дело-то было во сне. И она

поняла учителя прекрасно. Элси закинула скакалку за спину, а потом, пока скакалка свистела над головой, Элси прыгнула далеко-далеко и очутилась почти в четырех метрах от прежнего места. Тогда Блошиные Ножки тоже прыгнула «Вдаль», да и скрылась из виду.

— Так-так,— сказал Эндель-Брендель.— Теперь, Элси Пиддок, попробуем тебя в «Силомерном скоке».

Элси опять вмиг поняла, что надо делать. Она поставила ножки вместе, прыгнула через скакалку и приземлилась с такой силой, что каблуки ее башмачков впечатались в землю. А Блошиные Ножки после «Силомерного скока» провалились в землю по пояс.

— Так-так,— сказал Эндель-Брендель.— А теперь, Элси Пиддок, посмотрим как ты прыгаешь «Со всеми вместе».

Едва он произнес эти слова, все феи схватили скакалки и стали прыгать кто во что горазд, и Элси с ними. Прошел час, два, три часа; одна за другой феи падали на землю от усталости, а Элси Пиддок все прыгала и прыгала. К утру она уже прыгала совсем одна.

Тогда Эндель-Брендель покачал головой и сказал:

— Элси Пиддок, ты прирожденная прыгунья и прыгаешь без усталости. В награду ты будешь приходить на гору Кейбн каждый месяц в новолуние, и я буду целый год учить тебя разным прыжкам. И клянусь, что скоро ни среди смертных, ни среди фей с тобой не сравнится никто.

Эндель-Брендель сдержал слово. Двенадцать раз в году вставала Элси Пиддок в новолуние и, не просыпаясь, шла на вершину горы Кейбн. Там она занимала свое место в кругу фей и училась управляться со скакалкой. И вскоре ей уже не было равных. К концу года она делала «Прыгай вверх» так здорово, что улетала выше Луны.

Если Элси совершала «Хитроумный прыг», никто из фей не мог ее поймать, им даже невдомек было, где она приземлится; она была так искусна, что могла прыгнуть сквозь прожилки сухого листика и не испортить рисунка.

В «Сальто дважды-два» надо было сложиться дважды поперек себя во время прыжка, а Элси Пиддок складывалась четырежды!

В «Быстролетном миге» она мелькала с такой скоростью, что ее не было видно, хотя прыгала она на одном месте.

В «Последнем пры-ы-ы...» феи бежали по кругу и прыгали поочередно через одну скакалку, но вскоре ошибались и выбывали из игры — ведь у них сильно кружилась голова. Зато Элси никогда не ошибалась, она неизменно оставалась последней в кругу, и голова ее не кружилась никогда.

В «За-а-медленном па» она прыгала так медленно, что крот успевал вырыть норку в том месте, откуда она прыгнула и куда, в конце концов, приземлялась.

Когда все делали «Носочек тяни», и феи прыгали на носочках, Элси даже не касалась земли: она дотрагивалась лишь до стебельков высокой травы, да и то только краем ноготка.

Она прыгала «Беды — наутек» так весело, что даже сам Эндель-Брендель посмеивался от удовольствия.

Прыгая «Вдаль», она перелетала с горы Кейбн на другой конец графства и приходилось посылать за нею ветер.

Совершая «Силовой прыжок», она погружалась в глубь земли, как ныряльщик в пучину вод, и оказывалась в норках грызунов. Они-то и помогали ей выбраться наверх.

«Вертясь на месте перышком», она и впрямь была легка, как перышко, и приземлялась в паутиновый гамак, не стряхнув ни росинки.

Прыгая же «Со всеми вместе», она могла обскákat все их колдовское племя и остаться свежей, как утренний цветок. Так никто никогда и не узнал, сколько прыгает без усталости Элси Пиддок, потому что все уставали прежде нее. Этого не знал даже сам Эндель-Брендель.

На исходе года он сказал:

— Элси Пиддок, я обучил тебя всему. Дай-ка твою скакалку, я тебе кое-что подарю.

Элси протянула Энделю-Бренделю свою скакалочку, и он лизнул маленькие деревянные рукоятки, сперва одну, а потом другую. И прямо на глазах одна рукоятка превратилась в сахарный крендель, а другая — в леденцовую голову.

— Ну вот, — сказал Эндель-Брендель, возвращая скакалку, — ешь, сколько хочешь, они меньше не станут, до конца дней своих будешь ты есть сладости. И пока ты мала ростом и скакалка эта тебе впору, ты сможешь прыгать, как я учил тебя. Когда же ты подрастешь и придется тебе взять другую скакалку, наши волшебные прыжки тебе будут уже не по силам. Но все равно

прыгать тебе лучше всех подруг. Прощай же, Элси Пиддок.

— А для вас я уже не буду больше прыгать? — спросила Элси во сне.

Но Эндель-Брендель не успел ответить. За холмами показалось солнце, феи исчезли, а Элси снова очутилась в кровати.

Элси со своей скакалкой была знаменита и прежде, до этого чудесного года. Но представляете, что стало твориться теперь! Люди удивлялись, восхищались, а она даже опасалась показывать все, что умеет. Тем не менее народ стекался из ближних и дальних деревень взглянуть, как перепрыгивает она через колокольню, проскальзывает сквозь расщелину дуба в парке лорда, перелетает через реку в самом широком месте. Когда беда навевалась в дом ее матери или к кому-нибудь из соседей, Элси Пиддок прыгала так весело, что все несчастья сразу забывались за раскатами веселого смеха. Когда она прыгала с девочками под прежние считалочки и они пели:

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден-
                  цовая
                  Голова

Нам жетолько хлеба масламатьнаужин припасла,

Элси Пиддок говорила:

— А я припасла кое-что послаще, — и давала подружкам полизать рукоятки своей скакалки. А в новолуние она водила всех детей на вершину горы Кейбн и прыгала там еще лучше, чем обычно. Разве бывает лучше? Не знаю. Но прыгала она там превосходно. С тех пор и пошел обычай прыгать в новолуние на горе Кейбн.

Но к концу следующего года Элси подросла и маленькая скакалочка стала ей мала. Элси спрятала ее в шкатулку, а себе нашла скакалку подлиннее. Она по-прежнему прыгала ой-ё-ёй как здорово, но волшебные прыжки стали ей и впрямь не по силам. Подружки частенько уговаривали ее показать старые фокусы, она же только смеялась и качала головой, а почему — не объясняла. Элси долгие годы оставалась чудом и гордостью всей деревни, но люди поговаривали:

— Так-то оно так, но вы бы видели ее, когда она была еще совсем крошкой. Могла проскочить в замочную скважину в материнском доме!

Со временем рассказы эти превратились в легенду, которой уже никто не верил. А еще через несколько лет Элси окончательно выросла, хотя ростом так и не вышла. Она стала совсем взрослой и больше не прыгала — несолидно как-то, возраст не тот. А через пять-десять лет никто и не вспоминал о прошлом, кроме нее самой. Зато когда приходили тяжелые времена, а приходили они часто, и не было даже масла — намазать на корку хлеба, — Элси садилась у камина и ела сахарный крендель, которым Эндель-Брендель одарил ее на всю жизнь.

С той поры минуло еще много-много лет. Три поколения лордов отгуляли по дорожкам парка, где Элси прыгала когда-то сквозь расщепленный дуб. Да и в деревню пришло много перемен. Старые семьи сменились новыми, кое-кто покинул насиженные места, среди них были и Пиддоки. На фермах сменились хозяева, старые домишки снесли и понастроили новые. Но гора Кейбн по-прежнему царила над долиной, и верилось, что так будет вечно. Дети, как встарь, собирались при молодой луне и прыгали на вершине. Все уже запомнили, откуда пошел обычай, слишком давно это было, но сила обычаев велика. И если маленькой прыгунье не удавалось встретить на горе новолуние, она сидела дома и горько плакала.

На дорожках парка появился новый лорд. Титул достался ему не по наследству, он прежде был торговцем, разбогател и купил это старинное поместье целиком. Тут уж начались перемены посерьезнее, чем снос старых домишек. Новый лорд перекрыл тропинки и запретил свободно ходить по дорогам. Он всячески пытался ущемить простой люд. Желая накопить побольше денег, он безбожно обирал крестьян. Они стонали под непосильным бременем, но больше всего боялись потерять свои исконные права. Крестьяне боролись с новым лордом, стремясь сохранить то, что принадлежало им веками. Иногда они брали верх, но чаще — терпели поражение. Из-за постоянных распрей дух вражды воцарился между лордом и простыми людьми, в своей ненависти лорд был готов на все — лишь бы досадить им.

Гора Кейбн тоже принадлежала лорду. Испокон веков она была открыта для всех, теперь же лорд решил во

что бы то ни стало закрыть туда доступ. Однако, листая старинные бумаги, он обнаружил, что, хотя склоны действительно принадлежат ему, он обязан оставить свободный проход из одной деревни в другую. А люди сокращали путь, проходя напрямик через вершину.

Советник лорда объяснил ему, что, согласно договору, нельзя запретить людям ходить через гору.

— Нельзя! — фыркнул лорд. — Тогда я заставлю их идти в обход, длинным путем.

Он задумал огородить вершину горы Кейбн, чтобы никто не мог через нее ходить. Людям предстояло теперь тащиться вокруг подножья горы, чтобы попасть из одной деревни в другую. Однажды лорд проговорился, что собирается построить на вершине большие фабрики.

Вся деревня поднялась на защиту своих прав.

— Неужели он это сделает? — спрашивали крестьяне знающих людей. Те отвечали:

— Мы не уверены, но все может быть...

Сам лорд тоже не был уверен, но продолжал вынашивать свои планы, и каждый новый его шаг вызывал у крестьян гнев и страх. И не только у крестьян, феи тоже забеспокоились — ведь полянке для фигурного скакания угрожала опасность. Как смогут они там резвиться, если трава превратится в золу, а серп молодой луны окутается дымом из фабричных труб?

Советник сказал лорду:

— Деревня костями ляжет, а гору не отдаст.

— Пусть делают, что хотят, — вспыхнул лорд, но тут же спросил опасливо:

— А есть у них законное право?

— Ну, от силы — полправа, — ответил советник. — Впрочем, лучше бы сейчас отложить строительство и поговорить с ними договориться.

Лорд оповестил жителей деревни, что у него, бесспорно, есть все права, но по доброте душевной он вернет крестьянам пешеходную тропу, которую перекрыл. Они же, в ответ, отступятся и отдадут ему всю гору Кейбн.

— Тропинка! Ишь, расщедрился! — кипятился с дружками в таверне толстяк Джон Мальтмен. — Сравнил тропинку с горой! Наши матери прыгали на горе в детстве, наши дети прыгают там теперь. И дети наших детей, надеюсь, тоже будут там прыгать. У моей крошки Эллен разобьется сердце, если он застроит вершину.

— И у моей Маргариты тоже,— сказал его приятель.
— И у моих Мэри и Китти!— воскликнул третий.
Тут зашумели все, потому что почти у каждого были дочки, а у дочек одна радость — встретить новолуние на горе Кейбн.

Джон Мальтмен обратился к самому надежному советчику, который досконально изучил дело:

— Как думаешь, есть у нас законное право?

— Ну, от силы — полправа,— ответил тот.— Вряд ли удастся вам переупрямить лорда. Лучше бы с ним договориться.

— Мы на его тропинки не позаримся,— поклялся толстяк Джон Мальтмен.— Будем бороться до конца.

Обе стороны ждали новых шагов противника. Но в глубине души крестьяне понимали, что в конце концов потерпят поражение, а лорд был уверен в победе. Настоялько уверен, что даже заказал кирпич для фабрики, но строительство не начинал — боялся, что люди в гневе разорят его владения и спалят стога в поле. Он лишь огордил вершину горы Кейбн забором из колючей проволоки и нанял сторожа отгонять народ. Крестьяне ломали забор, перелезали через него, пролезали под ним. Сторож не мог поспеть всюду, и многие умудрялись перейти через гору прямо у него под носом.

Однажды вечером, как раз перед новолунием, Эллен Мальтмен пошла в лес, чтобы выплакаться. Она была лучшей прыгуньей во всей округе, но и несчастнее нее на свете никого не было — ведь на вершине горы Кейбн прыгать ей уже не придется! Оттого-то она и плакала в темноте, но вдруг почувствовала на плече чужую руку. Рядом раздался голос:

— Что ты плачешь, милая? Никак беда стряслась? Так не годится.

Голос был похож на шелест опадающей листвы, такой же мягкий, шуршащий. И очень добрый. Эллен перестала плакать и сказала:

— Беда стряслась, да такая большая, что ничем здесь не помочь, остается только плакать.

— Зачем же, милая,— прошелестел голос.— Лучше попрыгай «Беды — наутек».

Тут Эллен снова разрыдалась:

— Я уже никогда-никогда не буду прыгать,— всхлипывала она.— Если в новолуние мне не прыгать на горе Кейбн, мне уже не прыгать никогда.

— Отчего же тебе не прыгать в новолуние? — спросил голос.

И Эллен рассказала все.

После недолгого молчания из темноты вновь раздался голос:

— Если запретить детям прыгать на горе Кейбн, для них это будет хуже смерти. Такого просто нельзя допустить! Как тебя зовут?

— Эллен Мальтмен. Я так люблю прыгать со скакалкой — всех могу обскакать. Говорят, я прыгаю ой-ё-ёй как здорово.

— Ах вот даже как, — прошелестел голос. — Знаешь, Эллен, беги-ка ты домой и передай вот что. Надо пойти к этому лорду и предложить: пусть, мол, строит на горе Кейбн, но прежде пусть сломает забор и разрешит всем, кто там когда-то прыгал, попрыгать по очереди при молодой луне. Запомни, Эллен, — всем! И когда последняя прыгунья прыгнет в последний раз, пусть он закладывает первый камень. Это должно быть записано на бумаге и скреплено подписью и печатью.

— Но как же так?! — изумилась Эллен.

— Ни о чем не спрашивай, детка, делай, как я говорю, — шелестящий голос звучал так убедительно, что Эллен больше не спорила. Она бегом бросилась в деревню и рассказала обо всем.

Сперва никто не мог взять в толк, что к чему, а когда люди в конце концов разобрались, то все-таки спросили:

— А какой в этом прок?

Но Эллен настаивала, она говорила так же убедительно, как та старушка в лесу, и вопреки здравому смыслу люди стали подумывать:

— А, может, она права?

Короче говоря, на следующий день лорду отправили послание.

Лорд сперва глазам своим не поверил. А потом стал радостно потирать руки и потешаться над глупостью крестьян.

— Хорош договор! — усмехался он. — Мне достанется и гора, и тропинка в придачу. Пусть себе устраивают праздник, но как только он закончится, вознесутся ввысь мои фабрики.

Документ был составлен, подписан обеими сторонами в присутствии свидетелей и скреплен печатью. Лорд пригласил друзей подняться с ним в новолуние на гору Кейбн, чтобы насладиться зрелищем.

А зрелище и вправду было незабываемым. На вершине собрались со скакалками все деревенские девочки, от мала до велика, самые маленькие еще и ходить-то толком не умели, а старшие уже начали делать взрослые прически. Были здесь и девушки, и молодые мамы; даже солидные матроны пришли со своими скакалками. Разве не прыгали и они на горе, когда были детьми? А в бумаге записано: «Разрешить всем...» Были здесь и гости, не видимые простым глазом: Эндель-Брендель и его колдовское племя. Свинцовые Пяточки, Блошиные Ножки и все-все-все феи собрались здесь, чтобы горящими глазами следить за последним праздником на любимой горе.

И вот начали прыгать. Сначала малышки. Они прыгали разочек-другой, потом спотыкались и выходили из круга. Лорд с друзьями громко потешался над забавными и жалкими потугами этих созданий. В другое время крестьяне и сами бы повеселились вдоволь. Но сегодня им было не до смеха. Их глаза горели тем же огнем, что пылал в глазах фей. После малышей стали прыгать, соблюдая очередь: сперва — кто помладше, потом — кто постарше. И чем старше была прыгунья, тем лучше она прыгала. Когда в круг вышли школьники, лорд промолвил нетерпеливо:

— Похоже, это может затянуться.

А когда подоспел черед Эллен Мальтмен, и она пошла отсчитывать тысячу за тысячей, лорд совсем приуныл. Но, хотя Эллен и умела прыгать ой-ё-ёй как здорово, и ее одолела усталость. Девочка споткнулась, упала и расплакалась. Никто после нее не продержался даже полстолька. Кто-то прыгал получше, кто-то похуже, к рассвету дело дошло и до пожилых женщин. Лишь немногие выдерживали полминуты, они отважно подпрыгивали, пыхтели, но их времена прошли. И если вначале лорд с приятелями потешались над внучками, теперь они могли поиздеваться над бабушками.

— Скоро конец, — сказал лорд, когда вперед выступила самая старая из женщин, пришедших на состязание, толстая шестидесятипятилетняя старуха. Она закинула скакалку за спину, но тут же запуталась, споткнулась и, выронив скакалку, закрыла лицо руками.

— Кончено! — закричал лорд и стал размахивать перед носом у крестьян лопатой и кирпичом, которые притащил с собой.

— Выметайтесь отсюда все до одного, да поживее. Сейчас я заложу первый кирпич. Попрыгали и хватит.

— Пока еще не хватит, если позволите,— прошелестел тихий голос.— Теперь моя очередь.

Из толпы вышла маленькая-маленькая старушка, такая старенькая, сгорбленная и хрупкая, что казалась не выше ребенка.

— Твоя очередь? — воскликнул лорд.— А кто ты такая?

— Мое имя Элси Пиддок, если позволите, и мне уже сто девять лет. Последние семьдесят девять лет я провела за границей. Но родом я из Глайнда и в детстве прыгала на горе Кейбн.

Она говорила как во сне, и глаза ее были закрыты.

— Элси Пиддок! Элси Пиддок! — имя мгновенно полетело от человека к человеку приглушенным шепотом.

— Элси Пиддок? — пробормотала Эллен Мальтмен.— Мама, а я думала, Элси Пиддок — просто сказка такая.

— Нет, Элси Пиддок не сказка,— сказала толстая старуха, которая прыгала последней.— Моя мать Джоан много раз прыгала с ней наперегонки и порассказала о ней такое, что и поверить-то трудно.

— Сама Элси Пиддок! — выдохнули все разом. И ветер завыл-закружил вокруг горы, повторяя знакомое имя. Но это был совсем не ветер, а Эндель-Брендель и его колдовское племя. Они обрадовались: ведь в руках у старушки была маленькая скакалочка, вместо одной рукоятки — сахарный крендель, а вместо другой — леденец.

Новый лорд даже сказок об Элси Пиддок не слышивал, и потому он громко рассмеялся и сказал:

— Еще одна старуха желает постучать костями! Прыгай, Элси Пиддок, покажи, чего ты стоишь.

— Да, да, прыгай, Элси Пиддок,— закричали Эндель-Брендель и феи.— Покажи им всем, чего ты стоишь!

Тогда Элси вышла на середину круга, закинула свою детскую скакалочку за сгорбленную спину и стала прыгать. А прыгала она ой-ё-ёй как здорово! Сначала она прыгала под

Эндель —
Брендель —
Сахарный —

Крендель —
Леден-
цовая
Голова —

Нам жето лько хлеба смасло матьнаужин припасла.

И никто не мог найти ни единой ошибочки в ее прыжках. Даже лорд раскрыл рот от изумления:

— Поразительно! Для такой старухи — просто неслыханно!

А Эллен Мальтмен — она-то знала в этом толк — прошептала:

— Мама! Это вообще неслыханно! Но гляди, она же прыгает во сне!

Так оно и было. Элси Пиддок, старенькая, сморщенная, ростом не выше семилетней девочки, крепко спала, встречая новолуние с волшебной скакалкой своего детства. Прошел час, два, три. Она не знала устала, и ничто не могло остановить ее. Люди вытаращили глаза, лорд разозлился, а феи принялись кувиркаться от радости. Когда настало утро, лорд воскликнул:

— Ну, хватит же!

Но Элси Пиддок продолжала прыгать.

— Время вышло, — крикнул лорд.

— Мой последний прыжок — ваш первый кирпич, — ответила Элси Пиддок.

Крестьяне закричали: «Ура!»

— Есть и подпись, и печать, ваша милость, — напомнила Элси Пиддок. — Подпись и печать.

— Но черт подери, старуха! Ты же не можешь прыгать вечно! — разъярился лорд.

— Отчего же? Могу. — И Элси Пиддок продолжала прыгать.

В полдень лорд воскликнул:

— Да остановится она когда-нибудь?

— Нет, не остановится, — ответила Элси Пиддок.

И она не останавливалась.

— Тогда я сам тебя останавливаю! — вскипел лорд и попытался ее схватить.

— А вот вам «Хитроумный прыг», — промолвила Элси Пиддок и проскользнула между большим и указательным пальцами его руки.

— Держи ее, держи! — крикнул лорд своему советнику.

— «Прыгай вверх», — скомандовала себе Элси Пид-

док и, когда советник бросился на нее, взмыла в небо выше жаворонков, купавшихся в солнечных лучах.

Крестьяне радостно закричали, а лорд и его друзья были вне себя. Они забыли про подписанный и скрепленный печатью договор, ими владела одна мысль: схватить старую колдунью и силом заставить ее остановиться. Но им это не удалось. Она проделала все волшебные прыжки: «Прыгай вверх», «Прыгай вниз», «Прыгай вдаль», «Прыгай близ», «Хитроумный прыг», «Силомерный скок», но зато до «Последнего пры-ы-ы...» дело так и не дошло. Она прыгала и прыгала. Солнце стало уже клониться к закату, а она все еще прыгала.

— Неужели нам не скинуть старуху с горы? — воскликнул лорд в полном отчаянии.

— Нет, — ответила во сне Элси Пиддок. — Я теперь не покину эту гору. Я буду прыгать здесь для глайндских ребятишек, пусть вершина горы принадлежит им вечно. Я буду снова прыгать здесь для Энделя-Бренделя, ведь он подарил мне сладкую и радостную жизнь. Что, Эндель, ведь даже ты не знал, сколько я могу пропрыгать!

— Старуха сбесилась! — крикнул лорд. — Договор с сумасшедшей недействителен. Прыгай сколько влезет, а первый камень я все-таки заложу.

Он яростно всадил лопату в землю, отвалил огромный ком и в получившуюся яму положил кирпич, как символ своей власти над этой землей.

— Что ж, — сказала Элси Пиддок. — Попробуем «Си-ломерный скок».

Она прыгнула прямо на кирпич и скрылась вместе с ним под землей. Разгневанный лорд прыгнул за ней. Вскоре Элси Пиддок вновь показалась на поверхности и запрыгала веселее прежнего, зато лорд уже не показался никогда. Советник подбежал к яме и заглянул вниз. Но лорда и след простыл. Советник запустил руку в яму глубоко-глубоко, но дотянуться до лорда не смог. Советник бросил в яму камешек, но никто не услышал даже, как он упал. Вот так «Си-ломерный скок»!

Советник подумал-подумал, да и покинул на веки вечные гору Кейбн вместе с друзьями лорда. О, как обрадовалась тогда Элси Пиддок!

— «Беды — наутек!» — закричала она и запрыгала еще пуще, да так, что все счастливо рассмеялись. И под переливы этого смеха Элси прыгнула «Вдаль» и скрылась из виду. А люди разошлись по домам и сели

пить чай. Гора Кейбн была спасена для детей и фей. Навсегда.

Но история Элси Пиддок на этом не кончается. С тех пор она так и прыгает на горе Кейбн, ведь договор скреплен подписью и печатью. Немногие видят Элси Пиддок, потому что прыжки ее стали еще искуснее. Но сходите на гору Кейбн в новолуние. Вы заметите сгорбленную старушку, маленькую, точно девочка, она прыгает совсем одна и при этом крепко спит. Вы услышите ее тихий голосок, похожий на шелест сухого желтого листа. Она поет:

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден-
                цовая —
Голова

Нам жетолько хлеба смасломматьнаужин припасла!

Великан из Вильмингтона

Когда-то давным давно в городке Вильмингтон, что лежит в дальнем восточном ущелье среди холмов, жил да был человек по имени Вильчик. Никто не знал, откуда он родом. Лет пять ему было, когда Семь Старых Дев из Вильмингтона обнаружили Вильчика под кустом на Наветренном холме. Сестры взбирались на холм каждый день — поглядеть на море. На море они глядели неустанно и на то имелись две причины. Во-первых, их единственный брат убежал из дома и стал моряком; во-вторых — на море не было ни пылинки, ни пятнышка. Возможно, «во-вторых» даже перевешивало «во-первых», потому что пыль и грязь Сестры терпеть не могли. Они считали пыль недосмотром Творца. Другим недосмотром Творца была осень. Листопад приводил Сестер в ужас. Целыми днями они сражались с пылью в доме и с палыми листьями в саду. А для отдыха взбирались по северному склону Наветренного холма и смотрели с вершины на чистейшую скатерть моря, что простиралось к югу. Они думали о брате, но никогда не упоминали его имени вслух. Говорили о том, о сем, сожалели, что морская гладь не так

гладка, как хотелось бы (дай волю Старшей Сестре — она непременно бы ее отутюжила), и что корабли разбросаны по морю в полнейшем беспорядке (дай волю Младшей Сестре — она непременно бы расставила их цепочкой на горизонте и не позволила двинуться с места). Но все же море более всего вокруг соответствовало их представлению о совершенстве. Пока не появился Вильчик.

Однажды ясным вечером Сестры набрали на ржавый котел для варки рыбы. Он валялся под можжевельным кустом на самом гребне Наветренного холма. Первой его заметила Младшая Сестра и воскликнула:

— Сестры! Смотрите!

— Какая бесхозяйственность! — ахнула Старшая.

А одна из Средних тут же заявила:

— Его надо хорошенько отчистить.

Семеро — как одна — бросились к котлу и... там лежал Вильчик. От роду ему было лет этак пять.

— Ребенок! — выдохнули Семь Сестер. Подняв котел, они обнаружили, что в днище зияет огромная дырка. Сестры переглянулись и прочли друг у друга в глазах две совершенно одинаковые мысли. Вторая-то была, разумеется, про сам котел: из-за дыры он в хозяйстве явно не пригодится. Зато первая...

Семеро Сестер, как вы уже знаете, были Старыми Девами. Своих детей им растить не довелось. Им по плечу был удел тетушек, а не матерей, и они об этом прекрасно знали. Но чтобы шестеро могли стать тетками, одной надо выйти замуж, а они об этом и слышать не хотели. Замужество казалось им даже отвратительнее пыли и листопада. И вдруг, словно подарок небес, им подвернулся этот ребенок!

Без лишних слов сестры зарыли дырявый котел под кустом и отнесли Вильчика в свой беленький, без единого пятнышка, домик, где не встретишь ни пылинки, ни соринки. Вылизанное и выдраенное крыльцо потрясало гостей своей чистотой — они даже ступить на ступени не решались и одним махом перескакивали через порог, пряча свой безупречный левый ботинок за столь же безупречный правый. Семеро Сестер были выбелены под стать своему домику — белолицы, белокуры и белокожи. Свои белые льняные передники они постоянно стирали и штопали.

Придя домой, Сестры поспешно искупали перепачканного с головы до ног Вильчика. Намылив племянника

семь раз и семь же раз окатив его водой из кувшина, Сестры получили чистейшего на свете ребенка — во всяком случае, Вильчик таким чистым прежде не бывал. Тут Тетки спросили, как его зовут. Серьезно все обдумав, малыш произнес:

— Вильмингтонский холм.

Старшая Сестра покачала головой:

— Нет, это имя не людское.

— А даже если и людское,— добавила Вторая Сестра,— ему оно все равно не подходит. Слишком он мал для такого длинного имени.

— «Вилли» еще так-сяк,— произнесла Третья Сестра,— но уж никак не «Вильмингтонский холм».

— По-моему, «Вилли Холм» нелепо звучит,— заспорила Четвертая.

— Тогда Вилли без Холма,— предложила Пятая.

— Или Холм без Вилли,— уточнила Шестая.

— Все это не годится,— заявила Младшая Сестра.— Бог с ним, с Холмом. Назовем малыша Вильчик, поскольку он и есть самый крохотный Вильчик на свете!

Так и порешили.

Семеро Сестер ликовали от счастья. Сами они были высоки ростом, а Вильчик — ну, сущий мальчик-с-пальчик. И за эту его крохотность Тетушки любили племянника еще крепче.

Лишь одно опасение омрачало их безоблачное счастье: не замучить бы ребенка, не уморить своим семикратным усердием.

В первый же вечер, после семи купаний, каждая пожелала накормить малыша, помолиться вместе с ним на сон грядущий и уложить его в своей комнате.

Вильчик провел беспокойную ночь. Он ужасно устал от семи купаний, объелся семью ужинами и заскучал за семью молитвами, но, главное, спать в семи кроватях вместо одной оказалось очень утомительно. Каждые полтора часа его будила очередная Тетушка, уносила к себе и принималась баюкать сызнова. К утру ребенок так измучился, что Семеро Тетушек воскликнули хором:

— Вильчику надо подать завтрак в постель!

И вскоре показалась процессия с семью завтраками на семи подносах. Вильчик со страху зарылся с головой под одеяло и вылезать отказался наотрез.

Тщетно уговаривали и умоляли его Тетушки.

«Такая вкусная, наваристая каша!» — увещевала од-

на. «Знаю-знаю, семь тарелок!» — думал Вильчик. «Такие жирные сливки!» — уламывала вторая. «Знаю-знаю, семь кружек!» — думал Вильчик. «Такие чудесные коричневые яйца!» — упрашивала третья. «Знаю-знаю, семь яиц!» «Такой прекрасный джем!» — предлагала четвертая. «На семи блюдах!» «Такой хрустящий хлебец, чтобы у Вильчика росли острые зубки! Такое желтое масло, чтобы Вильчик рос пухленький. Такой крепкий чай, чтобы Вильчик рос крепеньким...» — зывали пятая, шестая и седьмая.

Но Вильчик, лежа в темноте и тесноте одеяла точно в коконе, явственно представил себе семь хрустящих хлебцев, семь масленок и семь чашек с клубящимся над ними паром. Представил и содрогнулся. Да так сильно, что Тетушки, испугавшись, побросали подносы и кинулись его разматывать. Вильчик, однако, и сам поспешил размотаться — уж очень его напугали семь тарарахов от разбитой посуды. Всколоченный, моргающий от яркого света, он ткнул пальцем поочередно в каждую из Тетушек и отчеканил:

— Ты и только ты будешь воспитывать меня по понедельникам. Ты и только ты будешь воспитывать меня по вторникам. Ты и только ты — по средам. Ты и только ты — по четвергам. Ты и только ты — по пятницам. Ты и только ты — по субботам. А ты и только ты будешь воспитывать меня по воскресеньям. Какой сегодня день?

— Вторник! — обрадовалась Вторая Тетушка. — Вильчик, хочешь завтракать в постели?

— Да, Тетя Вторник. Я хочу завтракать в постели.

— А что ты хотел бы съесть?

И Вильчик мечтательно ответил:

— Кашу со сливками, хрустящий хлебец с маслом, яйцо, джем и чашку крепкого чаю.

Тетя Вторник радостно засуетилась, побежала на кухню, а шестеро остальных также радостно принялись за уборку. Каждая теперь знала: настанет и ее черед. Они, разумеется, готовы были нянчиться с Вильчиком с утра до ночи, но позабыли, что «у семи нянек дитя без глазу». Вильчик напомнил им это и множество других полезных истин. Например, что «нет правил без исключений». Вильчик и сам был исключением — из правил чистоты и порядка, которые Сестры соблюдали неукоснительно. Племяннику же позволялось делать все, и все сходило ему с рук. Он топал по дому в ботинках, а Тетушки безропот-

но вытирали грязные следы на полу. Он разбрасывал повсюду игрушки, а Тетушки, не вздохнув не охнув, их собирали. Если Тетя Четверг находила отметины его пальцев на свежевывмытых стенах, она мыла их заново, ни словом не обмолвившись Тете Понедельник. Если Тетя Суббота находила у очага осколки лучшей чайной чашки, она их попросту сметала, не жалуясь Тете Пятнице. Не подумайте, что Сестры изменились! Нет. Но сердца их теперь принадлежали Вильчику.

Племянника, хочешь не хочешь, надо было определить в школу. Поскольку так положено. И, продержав Вильчика дома целый месяц, словно тайное сокровище, Сестры обратились к Начальнице школы по фамилии Ежевични. Решение это далось им не без труда: очень уж не хотелось отдавать Вильчика во власть чужой женщины. Но сами они ни читать, ни писать не умели. Их руки ловко управлялись с тряпками и щетками, но не ладили с ручками и линейками; их глаза умело высматривали паутину в углах, но не различали буквы в книжках. Они считали чернила кляксой на чистом лице цивилизации. И, возможно, были недалеко от истины, кто знает?.. Глядя на книжную страницу, они стоически сдерживали негодование — не то бросились бы счищать с белоснежной бумаги эти отвратительные черные закорючки. Но — увы! — детям принято давать образование. И одним воскресным утром Тетя Воскресенье постучала к Начальнице Ежевични.

— Войдите, — сказала полусонная Начальница.

Тетя Воскресенье бросила неодобрительный взгляд на стол, уставленный грязной посудой.

— Я... насчет ребенка, — произнесла она с запинкой.

— Неужели вас опять потревожил кто-то из моих шулунов? — посочувствовала Начальница. Ей не впервой было выслушивать жалобы Сестер: то школьники грязью кидаются, то стекла бьют, короче — ведут себя как нормальные дети.

— Нет-нет, нас никто не тревожил. Речь идет о нашем ребенке. Ему пора в школу.

— Господи-Боже-мой! — Начальница оторопела. — И чей же это сыночек, то есть ребенок? — она была так потрясена сообщением Тети Воскресенье, что враз позабыла всю грамматику.

Но тетя Воскресенье не обратила внимания на оговорку Начальницы, поскольку и сама пребывала в большом

затруднении: надо как-то объяснить, что Вильчик их, их собственный. А то еще отберут... И Тетя Воскресенье промолвила, не глядя Начальнице в глаза:

— Он наш, но не сын, а племянник.

— Господи-Боже-мой! — снова воскликнула мадам Ежевични. — Значит, это сын вашего пропавшего брата?!

И Тетя Воскресенье кивнула! За всю жизнь она ни разу не солгала. Сестры ценили чистую правду не меньше, чем чистые лица и руки. Но все же, прикусив язычок и скрепя сердце, Тетя Воскресенье кивнула в ответ.

— Пускай милый малыш приходит завтра в школу! — сказала Начальница.

Дома Тетя Воскресенье подробно пересказала Сестрам разговор, а в конце, опасливо взглянув на Тетю Понедельник, произнесла:

— И я кивнула. Это ложь?

Тетя Понедельник поджала губы.

— Это святая ложь! — наконец решила она. И у Тети Воскресенье отлегло от сердца.

Наутро Вильчик самостоятельно отправился в школу. Он был очень независим и не любил, чтобы его водили за ручку. Звонок уже отзвенел и класс был полон, когда открылась дверь и на пороге появился Вильчик. Дети удивились, да и сама Начальница тоже, хоть и узнала о его приходе заранее. Взяв Вильчика за руку, она провела его в класс и поставила на скамью.

— Дети, знакомьтесь, это наш новый ученик.

Дети хором завопили:

— Он слишком маленький!

Вильчик обиженно надулся.

Мадам Ежевични склонилась к нему и спросила:

— Сколько тебе лет?

— Два ему, точно — два! — заорали дети.

— Я лучше знаю! — возмутился Вильчик.

— Успокойтесь, дети! — сказала начальница.

— Посадите его на высокий стул и дайте соску! — хихикнула Табби Банч, хотя вовсе не была злой или невоспитанной.

— Соску ему, соску! — закричали дети, хотя на самом деле были хорошими и добрыми.

Вильчик молча слез со скамьи и вышел из класса. На том его образование и закончилось. Отныне в школу его было не залучить — даже силком. Он заявил, что не желает слушать, как дразнится Табби, и не желает ходить

в школу, пока не станет самым высоким в Вильмингтоне. И коротал время дома, с Тетками, ожидая, когда же наступит миг его торжества. Но так и не дождался.

Вильчик попал в Вильмингтон пяти лет от роду и семи-десяти семи сантиметров от пола до макушки. Каждый новый год прибавлял к его возрасту по двенадцать месяцев, но ростом он так и не вышел — не подросток ни на сантиметр.

Когда Вильчику стукнуло десять лет, его заметил вильмингтонский Трубочист.

— Позвольте вашего племянника к делу приставить — дымоходы чистить, — сказал он Сестрам.

Они в один голос ответили:

— Пусть решает сам.

Кликнули Вильчика, и Трубочист изложил ему суть дела:

— Хочешь со мной работать? Лазить по дымоходам с черной щеткой и зеленой веткой, искать ласточкины гнезда, видеть звезды среди бела дня и получать за это целый фартинг?

— Хочу! — быстро ответил Вильчик.

— Вот удалец! — обрадовался Трубочист. — Приходи-ка завтра утром в самой плохонькой одежонке. Покуда я силен, я тебя многому научу, а уйду на покой — передам тебе дело и благословлю.

И Трубочист распрощался с Тетушками и племянником, сиявшими от счастья.

— Вильчик, только подумай! Целый фартинг в день! Ты наш кормилец-поилец! — воскликнула Тетя Суббота.

— Настоящий мужчина! — приговаривали Тетки хором.

Вильчик тоже был рад-радехонек: шутка ли — стать настоящим мужчиной в десять лет!

Наутро он отправился чистить вильмингтонские дымоходы. С работой он справился прекрасно, получил свой фартинг и бросился домой — показать монету Тетушкам. Когда он влетел, они как раз расстилали на столе белоснежную камчатную скатерть. Белели тончайшие фарфоровые чашки; белейшая булка ждала, чтоб ее нарежали; в белой сахарнице белели белые куски сахара; белые куриные яйца лежали в белой кастрюльке с кипятком. Но Вильчик и сам кипел, — и потому красоты этой он попросту не заметил.

— Тетя Вторник! Тетя Четверг! — кричал он. — Я ла-

зил-лазил, все вверх и вверх, как кролик в норке. Одни дымоходы широкие, словно комнаты, а другие узенькие. Да еще кривые, как старик Гаффер Фристон. Глядите, я два гнезда нашел! А в самый полдень видел звезды! Я совы не убоюсь и от крысы не шарахнулся! Но лучше всего было, когда я высунулся из трубы, а внизу — Табби Банч в классики играет. Она вдруг как заверещит: «Ой, Вилли! Какой ты сегодня верзила!» Тетя Понедельник, вот тебе фартинг, потому что сегодня понедельник! Я в нем дырку просверлю, и ты его повесишь на шею!

— Спасибо, Вильчик, — еле слышно проговорила Тетя Понедельник. Она даже не нашла в себе сил принять фартинг из рук Племянника. Все Семеро Сестер онемели, они не знали, что делать. За Вильчиком тянулась цепочка черных, как от негра, следов. Его черная негритянская пятерня отпечаталась на белоснежной скатерти. И сам он был черен, будто побывал у негра в желудке. Весь он — от головы до пят — был покрыт толстым слоем сажи. И стоял на белом половичке в белой комнате, как чающаяся керосиновая лампа. Двинет рукой — закопятся стены; повернет голову — почернеют стулья и занавески. Даже до потолка сажа долетала! Но Вильчик был так счастлив, и тетки его так любили, что не решались его расстраивать и боялись показать, как расстроены сами.

Тетя Понедельник мягко сказала:

— Пойдем Вильчик, пойдем искупаемся. И заодно искупаем твой первый фартинг.

Она увела племянника, а Шестеро остальных принялись отмывать и отчищать сажу. Лишь к утру их чудесный беленький домик засиял по-прежнему. Опустив полковик и занавески в клубы мыльной пены, Тетя Среда шепнула тете Пятнице:

— Ох, сестра! Лучше бы мы определили его учеником к Мельнику.

Но было слишком поздно. Вильчик работал у Трубочиста, а Семеро Сестер отказались от вечерних прогулок. И от ночного сна отказались. Они отказались от всего на свете — их уделом стала теперь борьба с сажей, которую Вильчик приносил в дом. Но они не упрекали племянника — ведь он был так счастлив!

День за днем Вильчик следовал за своим наставником, держа в руках черную лохматую щетку на длинном древке и вместительный черный мешок для сажи. Он лазил по широким дымоходам, обметал их стены веником из зеле-

ных веток и попутно находил птичьи гнезда с остатками скорлупы, беседовал с ласточками и совами. Каждый новый дымоход представлялся ему дорогой к неведомым приключениям, дорогой к звездам. Самой же большой радостью Вильчика было высунуть голову из трубы и, глядя сверху на вильмингтонские улочки, искать глазами детей. Они казались ему лилипутами — смех да и только! Даже не верится, что люди могут быть такими крошечными! Вдоволь нахихикавшись, Вильчик окликал их:

— Эй, Табби! Эй, Бобби! Смотрите, где я!

Бобби и Табби, закинув головы, глядели на Вильчика и хохотали до упаду.

— Эй, Вильчик, ты просто верзила! Эй, братва, глядите, Вильчик из трубы торчит! Какой верзила!

И сердце Вильчика так и рвалось из груди от счастья и гордости.

Но, спустившись на землю, Вильчик снова оказывался коротышкой.

Годы шли, наставник передал ему дело и, благословив, ушел на покой. Вильчик был к тому времени совсем взрослым.

— Совсем взрослый, совсем мужчина! — говорили Тетушки. И совсем крошечный, — грустили они про себя. Вильчику, главному вильмингтонскому Трубочисту, не было нужды нанимать мальчишку в подмастерья. По дымоходам он отлично лазил сам. И по-прежнему главной его радостью было, высунув голову из трубы, услышать снизу детские возгласы:

— Глядите! Эй! Там Великан Вильчик!

А Семь Сестер, между тем, старели с каждым днем. И чем больше старели, тем больше любили Вильчика и тем ретивей сражались с сажей, пылью и листопадом.

Но — увы! — любовь их разгоралась, а дом потихоньку тускнел, терял былую белизну. Тетушки не могли одолеть сажу и копоть, которые стали неизменными спутниками Вильчика. Ночные бдения, бесконечные уборки уже не помогали. В кирпичи и бревна их дома въедалась чернота вильмингтонских дымоходов.

Однажды вечером, когда Вильчик спал, а Тетя Понедельник, опустившись на колени, третий час подряд драила пол, из дымохода в очаг — в только что побеленный очаг! — упал огромный кусок сажи. Старуха Понедельник взглянула на Сестер, которые, подобно ей самой, трудились не покладая рук, вычищали, скоблили и чисти-

ли... И, поднявшись с колен, Тетя Понедельник покинула дом. Остальные последовали за ней. Наветренный холм ярко освещала луна и, поднявшись на вершину впервые за двадцать лет, Сестры остановились там, глядя на море. Высокие женщины в длинных белых одеждах...

Ночь была тиха и безветренна, луна — точно начищенное блюдо, ясное небо вызвездило, а море простиралось внизу ровное и туго натянутое — словно свежепостланная простыня.

Наглядевшись вдоволь, Сестры, не сговариваясь, спустились с холма и, дойдя до самой кромки воды, застыли, точно часовые на посту...

Вильчик привык, чтобы его будили. Первой обязанностью дежурной Тетушки было разбудить Вильчика — еще до свету. Когда в его окошко, выходявшее на восток, проносились первые солнечные лучи, Вильчик — одетый и умытый — спускался в столовую. На столе ждала его тарелка с горячей кашей, а чашка стояла возле камина — чтобы чай не остыл. Вильчик завтракал и отправлялся чистить дымоходы. На работе он трудился для многих и многих. Дома же за всю жизнь палец о палец не ударил. Да и зачем? За него все и всегда делали Тетки. Если жизнь твоя сложилась так, а не иначе, с этим уж ничего не поделаешь: привычка сильнее самых разумных доводов.

Пробудившись в залитой светом комнате, Вильчик увидел за окном краешек солнца — оно стояло уже очень высоко. Вильчик почесал затылок и хмыкнул:

— Что-то рано сегодня солнышко выкатилось.

Ему и в голову не приходило, что Тетки могут проспать. Чтобы Тетя Среда в пять утра еще спала? Немыслимо!

Он немного полежал, поджидая Тетушку. И лежал бы еще долго, но его подняла сила, которая понукает даже самых ленивых. Короче, Вильчик проголодался.

Он сел, протер глаза и завопил:

— Тетя Среда!

Никто не отозвался.

Маленький человечек спустил ноги на пол, потянулся и завопил еще громче:

— Тетя Среда-а!

Никто не отозвался.

Он встал и, подавив зевок, высунул встрепанную голову за дверь и завопил изо всех своих тщедушных сил:

— ТЕТЯ СРЕДА-А-А!!!

Никто не отозвался.

— Что стряслось? — недоумевал Вильчик. — Может, я совсем сдурил и сегодня не среда? Но тогда где же все остальные?

И меж серых стен когда-то белого домика заплясало эхо. Вильчик кричал:

— Тетя Четверг! Тетя Пятница! Я хочу есть! Тетя Суббота! Я голоден как волк! Тетя Воскресенье! Я умираю от голода! Тетя Понедельник! Где мой завтрак? Тетя Вторник! Тетя Среда! Где вы? Хочу два завтрака! Ау-у-у! Мертвая тишина.

Вдруг Вильчик наклонил голову и принялся. В воздухе висел знакомый запах. Не ветчиной пахло, не жареными хлебцами, не чесноком, не луком. Вильчик учуял запах дыма! Господи, пожар! Вильчик вспомнил, что в то утро обещал перво-наперво почистить дымоход в собственном доме. Его не чистили с незапамятных времен. И Тетя Среда собиралась разбудить Вильчика даже раньше раннего.

Как был, в пижаме, Вильчик бросился вниз. Никто ему не встретился, не окликнул. В гостиной клубился черный дым. Вчера в камин напихали кучу мусора, а в глубине еще тлели угли. Упавший из нечищенного дымохода кусок сажи довершил дело. Вильчик лучше, чем кто бы то ни было, знал, как тушить пожар. И потушил его ловко и быстро. Но вы бы видели, во что превратился дом и сам Вильчик! Однако, убирать и умываться недосуг. Даже хлеба откусить и Теток поискать Вильчику было уже некогда. Он облачился в черный комбинезон, закинул за плечо и щетку, и веник и побежал к первому дому, где ждали его в тот день. Всего же таких домов было девять, и девять рассерженных хозяек корили и ругали Вильчика за опоздание. Для поварих нет хуже беды, чем непочищенный вовремя дымоход. Вильчик принимался было объяснять, что Тетушки ушли в гости, а он проспал. Но разъяренные поварихи и слушать не хотели его жалкий лепет. Хуже этого дня у Вильчика за всю жизнь не было. Под вечер, уже в сумерках, он поплелся домой. Голова раскалывалась от боли, а желудок стонал от голода. Как мечтал он о горячей ванне, о вкусном ужине и о чистой, уютной постели!...

Ни ванны, ни ужина, ни постели не предвиделось. Ничто в доме не изменилось с утра. Не горел огонь, не ки-

пел чайник, не скворчала еда на сковородке. Даже подушек никто не взбил. Но самое ужасное, что никто Вильчика не встретил, и некому было пожаловаться на голод и головную боль. Всю дорогу Вильчик хранил единственное светлое воспоминание за день: когда он высунул голову из пятой по счету трубы, какой-то малыш, увидев его, раскрыл от изумления рот и воскликнул:

— Папа! Мама! Глядите — великан!

Вильчик помахал малышу щеткой и довольно подумал: «Я самый высокий человек в Сассексе». Но, увы... И этой радостью ему не с кем было поделиться, она разлетелась вдребезги в гулкой пустоте дома.

Достав из кладовки круг сыра, Вильчик, не переодевшись, забрался в постель и кое-как натянул на себя одеяло. Не очень-то удобно и уютно было ему, да что уж теперь... Беда ведь одна не приходит. Набил Вильчик пустой желудок сыром, но с целым кругом все же не справился, прижался щекой к недоеденному куску и заснул. А семь мышек-норушек прибежали и прикончили сыр в один присест. Пока Сестры хозяйничали в доме, ни одна мышь не осмеливалась ступить сюда. А теперь — тут как тут! Утром Вильчик решил, что съел сыр сам — во сне. Но отчего же ему снова хочется есть?

О том, что Тетки Вильчика бесследно пропали, скоро прознала вся округа. Из Вильмингтона, Фоукингтона, Джевингтона, Виллингтона, Литлингтона и Лаллингтона снарядили следопытов. А после работы Вильчик искал Теток сам до поздней ночи. К концу месяца его помощники отступились. Вильчика тоже уговаривали прекратить поиски, но человек упрямо повторял:

— Буду искать, пока не найду. Спасибо вам, добрые люди, идите домой с Богом. А я Тетушек поищу — вдруг да объявятся.

И вот, в новогоднюю ночь, вскарабкался он на вершину Наветренного холма и увидел, как на серебристой поверхности моря отражается холодная луна. Над холмом завывали ветра, и Вильчик спрятался от леденящих порывов под кустом можжевельника. Сжавшись в комочек, он глядел на бескрайний простор и думал, что делать и как жить дальше.

— Ну-ка, встань, коротыш! — Голос прогремел, словно гром с неба. — До чего же ты чумазый! Помыться-то иногда не помешает!

Перед Вильчиком стоял самый высокий человек на

свете. Выше самых высоких домов в Вильмингтоне! Одежда на нем с миру по нитке собрана: не то подарена, не то украдена. Лохмотья цыганские вперемешку с господскими обносками. Ботинки явно просили каши, а бобровая шапка походила на охрипшую вдруг концертину. На пальце, однако, блестел золотой перстень с рубином. У пиджака остался лишь один рукав, одна штанина была короче другой, зато на поясе красовался красный кожаный ремень с металлическими бляхами, а на шее — пышный воротник из брабантских кружев. Великан опирался на широкую, точно дверь, лопату и жевал молодое дерево, как иные жуют соломинку.

Вильчик ростом не вышел, но храбрости ему было не занимать — на десять молодцов хватит. На великана он глянул без страха — лишь с восхищением и завистью.

— Вы самый высокий из всех моих знакомых, — промолвил Вильчик.

— А ты — самый маленький, — сказал великан. — Что привело тебя на Наветренный холм в столь поздний час, да еще зимой?

— Я ищу моих Семерых Тетушек, — ответил Вильчик.

— А я ищу своего единственного сына.

— А каков он с виду? — поинтересовался Вильчик. — Такой же высокий, как вы?

— Еще выше.

— Выше не бывает, — решительно сказал Вильчик.

— Наверняка выше, — заспорил великан. — На Колыбельном холме не баюкали младенца крупнее. Он был большой — с тебя ростом.

Глаза Вильчика радостно заблестели:

— Значит, я большой?

— Для взрослого ты коротыш, а для младенца — великан.

Радость в глазах Вильчика сразу потухла.

— Да, конечно... вы правы... Но почему вы ищете сына здесь?

— Так уж сложилось... Жена моя вечно ворчала, что парень наш чересчур тяжел, все плечи ей отмотал, все руки оттянул. Я раз ушел из дому — на контрабандный промысел, а она возьми да и повстречай цыган из Пинчема. «Хороший, — говорят, — у тебя ребенок. Сколько ему?» — «Шесть недель», — отвечает жена. «Неужто!? А мы думали — шесть месяцев! Да ему цены нету! Разве только золото тебе предлагать станут...» «А я его за бельевые при-

щепки продам,— говорит жена.— Сколько в нем прищепок уложится, за столько и продам!»

«По рукам!» — сказали цыгане.

— Представляешь, возвращаюсь я домой, а вместо моего сына тридцать прищепок валяются! Случилось все это двадцать пять лет тому назад, и с тех пор я брожу по свету, ищу этот табор. На прошлой неделе наткнулся на одну цыганку, древнюю старуху — сидит в придорожной канаве, трубку покуривает. Я ее спрашиваю: «Что с моим сыном сталось?» Она эдак сквозь зубы, трубку изо рта не вынимая: «Это который же твой?» «Да тот, которого вы двадцать пять лет назад за тридцать прищепок выменяли». «Какие были прищепки?» — уточнила цыганка. «Деревянные». «А-а! — кивнула она в конце концов. — Помню твоего сынка. Он нас разочаровал, и мы его бросили в котле для рыбы под можжевельным кустом на вершине Наветренного холма». «Давно?» — спрашиваю. «Да уж порядком». — «И чем же он вас разочаровал?» — «Знаешь, как дурная карта ложится? Вот и ему не та выпала. А больше я тебе ничего не скажу, иди-ка своей дорожкой, дай покурить спокойно». Я бросился сюда, на Наветренный холм, заглянул под этот самый куст — ты как раз под ним примостился, — да только никого не нашел. Тогда я стал копать. Копал-копал, выкопал рыбный котел, с грязью, но без ребенка. И тогда я стал рыть могилу, самую длинную могилу на свете — ведь моему сыну суждено было вырасти великаном. Вон, погляди...

И Вильчик увидел поодаль огромную, свежеврытую яму.

— Да уж, могила хоть куда, — согласился он. — Но великовата.

— Моему сыну как раз впору. Он же вырос великаном!

— Ни великаном, ни обычным человеком он не вырос. Каким был при рождении, таким и остался, — сказал Вильчик.

— С чего ты взял? — возмутился великан.

— Потому что он — это я, — сказал Вильчик.

Великан выронил лопату и громогласно расхохотался.

— Честное слово, — сказал Вильчик. — Во мне как раз умещается тридцать прищепок, мне ровно двадцать пять лет, а нашли меня под этим можжевельным кустом в котле для рыбы.

— Давно?

— Да уж порядком.
— Ну и ну! — воскликнул великан. Он лег на брюхо и, рассмотрев Вильчика попристальнее, произнес:

— Цыгане были правы. Ты и меня разочаровал.

— Эх, папа, посмотрел бы ты, как я высовываюсь из дымохода! — воскликнул Вильчик. — «Глядите, вон великан!» — меня так все дети называют.

— Да пропади ты пропадом вместе с твоим дымоходом! Мой сын должен, обязан был вырасти, чтобы чистить саму Луну, а не какие-то дымоходы!

Великан встал и, позабыв лопату, размашистым шагом направился прочь. У длинной могилы он замедлил шаг и обернулся к Вильчику:

— Эй, слышь, парень! Умыться-то не забудь!

Вильчик вздохнул и горестно покачал головой: его отец нашелся — и вот уже скрылся за Лоскутным полем... Не вернешь... Но зато Вильчику впервые в жизни выпала радость отцовский наказ исполнить. И он отправился к морю — умываться. Вверх по холмам и вниз по долинам шел он и шел, лишь однажды сбавил шаг возле огромной свежевырытой ямы, которую отец предназначил ему для могилы. Вильчик, конечно, знал, что яма оказалась так велика по ошибке, но все же малыш преисполнился гордости: его, пускай не глядя, посчитали великаном! И так ему стало хорошо и тепло на душе, даже ночь ледяная ни почем. И вот он уже у самой кромки воды. Волны шуршали и перекатывали гальку, был прилив, но Вильчик об этом не ведал, потому что никогда прежде не видел моря так близко, не видел, как бьется оно в белую твердь утесов. Он сел неподалеку от утесов и принялся развязывать шнурки.

Ночь выдалась морозная и недвижная. Море лежало, точно серая ледяная глыба, лишь по краям чуть колыхались оборки волн. Воздух же, казалось, промерз от поверхности воды до самого залитого лунным светом поднебесья. И все-таки Вильчик раздевался. Вдруг он услышал милые сердцу звуки: семь родных голосов, невидимые, перешептывались совсем рядом.

— Что делает Вильчик?

— Собирается купаться.

— Ночью? В такой холод?!

— Какое безрассудство!

— Ох уж эти мальчишки...

— Он же заболеет и умрет!

— Вели ему немедленно надеть носки и ботинки.

— Кто?.. Ты...ты... ты... ты... ты... ты...

Это же Тетушки! Вильчик вскочил и огляделся. Никого. Перед ним безлюдное море, справа и слева безлюдный пляж, а за спиной высятся безлюдные белые скалы. Нет, не видать Тетушек, думал Вильчик, шаря глазами по скалам — от подножия до вершины. Скалы столпились вокруг него, точно семь белых великанш в длинных крахмальных одеждах. А в ушах Вильчика все звучал шепот, голоса сплетались, спорили, сливались, но Вильчик различил:

— Какой сегодня день, сестры?

— Чья очередь?

— Кто подскажет ему, что можно и чего нельзя?

— Ты, Понедельник?

— Вторник?

— Пятница?

— Среда?

— Суббота?

— Четверг?

— Воскресенье?

— Какой сегодня день, сестра?

— Не знаю, я уже не различаю времени...

Нет, он не ошибся! Скалы и вправду говорили.

— Тетя Воскресенье! Тетя Понедельник! — радостно закричал Вильчик. Он бегал от скалы к скале, звал, стучался, прислушивался, целовал и гладил белые шершавые склоны.

— Вот вы где попрятались! Тетушки! Возвращайтесь! Дома без вас так пусто и одиноко. Тетя Суббота, сегодня суббота! А постель моя не постелена, и ужин не готов. Ну пожалуйста, возвращайтесь, помогайте мне во всем, как прежде!...

Неужели они так постарели? Неужели совсем окаменели их сердца? Не услышал Вильчик ответа от меловых скал. Ледяная ночь была уже на исходе, а Вильчик все стоял на коленях, упрашивая Семерых Тетушек вернуться в родной дом. Лишь на рассвете, еще более холодном и зябком, чем сама ночь, оставил Вильчик бесплодные старания, печально зашнуровал ботинки и собрался было идти домой. Вдруг семь шепотков раздались снова.

— Посмотрите на мой передник!

— Ох, повсюду эти черные пальцы.

— А меня он испачкал рукавом.

— А по мне прошелся ногами.
— У него и губы черные!
— Неужели нам никогда от него не отмыться?
— Погодите, сестры, не волнуйтесь. Море нас отмое.

Вильчик замер. Наконец-то ему открылась правда. Он, именно он, перепачкал белоснежную жизнь своих Тетушек, сажай и копотью выгнал их из беленого мелом домика. Вот они и укрылись в неприступной меловой крепости прибрежных скал. А теперь он и скалы умудрился перепачкать, но это не страшно: следы его ног, рук, губ скоро выбелит солнце, сотрет море, унесет время. А если бы он, Вильчик, стал вдруг белым? Может, Тетушки тогда вернуться?

И, полный решимости вернуть Тетушек, он отправился домой, к северу, мимо Фристана, мимо Капкан-холма и Наветренного холма. С первыми лучами солнца он добрался до Вильмингтона, согрел воды, плюхнулся в ванну и принялся оттирать въевшуюся в кожу копоть. Целый кусок желтого мыла измылил! Увы... Слишком много времени провел Вильчик в дымоходах: чистейший уголь рядом с ним показался бы слоновой костью, а черный ворон — белоснежным лебедем. Короче, из воды он вышел не белее прежнего.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Вильчик. — Не стоит горевать. Будь я великаном, лежать мне в могиле, что вырыл отец. Будь я белехонек, точно меловые утесы, жил бы поживал с моими милыми Тетушками. Да, видно, не судьба... И меня не отмоешь, и Теток не вернешь. А могила... Что ж, могила нужна. Попрошу-ка я завтра, чтоб отмерили для меня клочок землицы на вильмингтонском кладбище. Да и примусь за дымоходы, буду чистить их, куда ноги носят.

И чистил — еще добрых семьдесят пять лет. Уж на работу с костылями ковылял, а в дымоходах управлялся ловко и сноровисто, поскольку был трубочистом до мозга костей. Теперь уже правнучка Табби Банч кричала снизу: «Глядите! Глядите, там великан!», когда чумазое и довольное лицо Вильчика показывалось из трубы. До последних дней своих он оставался черен как ночь и ни капельки не подрос. Умер Вильчик, чуть-чуть не дотянув до ста лет. Хоронить его решили на вильмингтонском кладбище, на малюсеньком клочке земли. Вот положат завтра в крошечную ямку, точно малого ребенка, и закопают...

Нет-нет, не хлюпайте носом, не ищите по карманам платки. Неужели вы, глупышки, думаете, будто умер человек и — конец? Конец жизни оказался для Вильчика началом самых удивительных приключений.

Вечером, накануне похорон, случилось чудо. Оно несомненно случилось, хотя никто не видел его воочию. В четырех милях от Вильмингтона, около моря, затряслись прибрежные утесы и вышли из тверди Семь Сестер в белых передниках. Они пролетели над холмами и над долинами, и дорогу им освещала Луна. Деревенские спали крепким сном, когда Сестры опустились около некогда белоснежного домика. Теперь же он был чернее ночи. Сестры взошли по лестнице в комнату Вильчика и, окружив гроб, стали разглядывать племянника.

— Ох,— простонала тетя Воскресенье.— Как бы его искупать?

— А разве можно? — усомнилась тетя Четверг.

— Напрасный труд,— вздохнула тетя Среда.— Никакое мытье не поможет.

— Крошечный совсем... Ну сущий младенец,— любовно оглядывала Вильчика тетя Пятница.

— Наш малыш! — проговорила тетя Вторник.

— А он так хотел вырасти большим! — вспомнила тетя Суббота.

— Он будет большим! — твердо сказала тетя Понедельник.— Большим и белым. Так и останется в памяти людской: «Белый Великан из Вильмингтона». Дайте-ка мне его щетку и мешок.

Вынув Вильчика из гроба, она положила вместо него лохматую черную щетку. На древко натянула мешок для сажи и сказала:

— Ну, точь-в-точь Вильчик. Не отличишь.

Сверху она положила свежий зеленый куст — последний веник, которым Вильчик так и не успел обмахнуть дымоходы.

И, прихватив с собой Вильчика, совсем легонькую ношу, они отправились восвояси. На вершине Наветренного холма по привычке остановились — взглянуть на чистейшую морскую гладь, что простиралась в четырех милях к югу.

— Смотрите! — сказала Тетя Вторник.

— Что такое? — отозвалась Тетя Среда.

— Что-то приближается к берегу! — воскликнула Тетя Четверг.

- Что же это? — спросила Тетя Пятница.
- Лодка, — ответила Тетя Суббота.
- А в лодке человек, — добавила Тетя Воскресенье.
- Наш давно потерянный брат, — промолвила тетя

Понедельник.

Они ждали его больше ста лет. И теперь с вековым долготерпением, с каким утесы глядят на череду набегающих приливов, Сестры ждали, пока пришелец вытащит лодку на берег и доберется к ним, на вершину Наветренного холма. Впрочем, ждали они не так уж долго, ибо брат их, подобно им самим, был великаном и по холмам шагал широко, словно с кочки на кочку. С первого взгляда брат и сестры узнали друг друга.

— Сестренки! — сказал он. — Как всегда, с легким паром!

— Братец! — отозвались они. — А по тебе, как всегда, мыло с мочалкой плачут. Почему ты убежал из дома?

— По чести сказать, не стерпел ваших головомоек. Пересол всегда плох.

— Да и недосол тоже, — сказала Тетя Суббота, глядя на его грязную шею.

— Хватит спорить, уж все быльем поросло, — сказал великан. — Я приехал вовсе не для того, чтобы слушать ваше ворчание. Просто я нутром почуял, что пригожусь вам сегодня.

— Ты прав, — благодарно вздохнула Тетя Воскресенье. — Вырой, пожалуйста самую длинную могилу на свете.

— Так я же как раз начал рыть ее семьдесят пять лет назад! — воскликнул великан.

— А теперь ты ее дороешь, — сказала Тетя Понедельник.

Оглядевшись, великан нашел под можжевельным кустом свою лопату — точнехонько на том месте, где он бросил ее три четверти века назад. Копнул семь раз и откопал старый котел для рыбы. Тетушки положили Вильчика на дырявое дно, точно в колыбель. Великан взглянул на спящего последним сном Вильчика.

— Разрази меня гром! — закричал он. — Это же мой сын!

— Братец, ты уверен? — спросила Тетя Понедельник.

— Да разве второго такого сыщешь? — отозвался великан.

Тетки покачали головами:

— Нет! Второго такого не сыскать.

А Тетя Воскресенье добавила.

— Значит, он и вправду доводился нам племянником.

Пусть земля ему будет пухом.

И великан осторожно и надежно упрятал Вильчика под землю, в самую большую могилу на свете, а сверху насыпал холм — точно там и в самом деле лежал огромный, под стать ему самому, сын.

Закончив работу, великан спросил у сестер:

— Теперь что делать?

— Тебе больше нечего, — ответили сестры. — А у нас дел много.

— Мы еще встретимся? — спросил великан.

— Пока ты бороздишь моря, мы будем стоять на берегу. Мы будем ждать тебя вечно.

По холмам, как по кочкам, добрался великан до берега и, столкнув лодку в воду, вышел в открытое море.

А Семь Тетушек спустились на склон Наветренного холма и со стороны Вильмингтона нарисовали на нем Вильчика. Они изобразили его белым: вынули из груди свои сделанные из мела сердца и прямо на травянистом склоне выложили мелом великана с костылями в руках. Они знали, что Вильчик всегда мечтал стать большим и белым... Только вот беда — тетки отродясь ничего не рисовали, и получился у них все-таки не великан, а просто огромный карлик.

Вот и окончен труд. Семь Сестер перелетели через холмы и уже у самого моря услышали бодрый голосок:

— Спасибо, Тетушки!

Прямо над ними, на небесах, Вильчик старательно отмывал лик Луны. Он выглядывал из-за светила, словно из дымохода. И был явно счастлив — ведь он нашел работенку себе по нраву.

— Поглядите на Вильчика! — воскликнула Тетя Воскресенье. — Какой великан!

— Совсем мужчина, — довольно кивнула старуха Понедельник.

И Сестры снова замерли у воды, теперь уже навсегда.

* * *

На следующий день щетку, мешок и веник торжественно похоронили вместо Вильчика. Бросив на гроб последний ком земли, могильщик подумал: «Бедняга! Теперь уж не-

кому порадовать ребятишек, не на кого им показывать пальцем».

Но не успел он додумать эту печальную мысль, как услышал восторженный крик Табби, правнучки Табби Банч. Она летела к школе со всех ног, ребятишки высыпали навстречу.

— Ой! Быстрей! Скорей, там белый великан!

Дети прибежали на склон холма и не могли надивиться чуду. Потом и взрослые пришли, тоже подивились. И вот уже взглянуть на Белого Великана потянулся народ со всей округи и из дальних мест: не только из Сассекса, но даже из Кента, из Сёррея, из Гемпшира и из чужедадьней Америки. Со временем все позабыли, что Белый Великан — это Вильчик. Думали, что и в самом деле великан, который погребен во-о-он под тем могильным холмом. А Вильчик выглядывал из-за Луны, слушал досужие разговоры и радовался от души. Он стал, наконец, бел и велик! Так исполнилась мечта всей его жизни.

Чудесный рыцарь *

Жил некогда в графстве Сассекс чудесный рыцарь — другого такого не было, может статься, в целом свете. Он был из рода рыцарей, как иные бывают из рода пахарей или из рода дурней. И если о том говорят: «Он пахарь от роду», а об этом: «Он от роду дурень», то о моем герое сказали бы только: «Он прирожденный рыцарь».

Звали его сэр Джон-в-Мечтах, ибо был он великий рыцарь и всю жизнь мечтал о величайшем приключении, равном которому не было бы во всем рыцарском мире. Несколько раз на день начищал он свой щит, говоря, что не станет и думать о приключении, пока щит его не заблестит как должно. Он знал, что когда придет время для приключения, оно потребует от него не только крепкой руки и верного глаза — но всей его жизни, что была светочем чести, и силы духа, что был огнем, пылавшим в этом светоче.

---

* Перевод Н. М. Демуровой.

Однажды майским утром отправился сэр Джон взглянуть на белый свет, а чтобы лучше его разглядеть, пошел он по самому верху каменной стены. Шел он по стене и шел, и глядел в небо на солнце, пока в глазах у него не поплыл туман. И услышал он сквозь этот туман тонкий свист — так свистят дрозды по весне. Вдруг свист оборвался и чей-то голос сказал:

— Осторожно, сэр, как бы вам не упасть...

Тут сэр Джон споткнулся, опрокинул ведро с известкой, что стояло на стене, и — упал бы, если б чья-то рука не схватила его за лодыжку. Сделав над собой огромное усилие, он выпрямился — и увидел, что за ногу его держит паренек, сидевший на стене. Волосы у паренька были рыжие, а глаза — голубые.

Ведро упало на землю и испугнуло черного поросенка с тугим и круглым животиком и хвостиком-штопором, что мирно купался в луже, и хорошенькую курочку сассекской породы, которая что-то клевала в пыли.

Сэр Джон выпрямился и, улыбнувшись, сказал:

— Я тебе помешал.

— Нисколько, сэр, — отвечал паренек. — Я могу и при вас работать.

— Что это ты делаешь? — спросил сэр Джон.

— С вашего позволения, держу вас за ногу, сэр.

— А до того что ты делал?

— Чинил стену, сэр, и сейчас опять этим займусь.

— Как тебя зовут? — спросил сэр Джон.

— Дик Доветт, — отвечал паренек.

— А чем ты вообще занимаешься?

— Чищу курятники и свинарники, сэр.

— Хорошая работа, — сказал сэр Джон.

— Надо же кому-то ее делать, — ответил Дик и снова засвистал. Да так, словно хотел всех дроздов пересвистать.

— Ты счастлив? — спросил сэр Джон.

— Как солнышко в небе, — отвечал паренек.

— И спокойно спишь по ночам?

— Как младенец, сэр.

— И дурных снов не видишь?

— Никогда, сэр.

— Да... — произнес сэр Джон задумчиво. — Может, мне поменяться с тобою местами?

— Со мной? — удивился Дик. — Зачем это, сэр?

— Не знаю, — сказал рыцарь и, повернувшись, пошел своей дорогой.

Вскоре он дошел до конца стены и задумался, спрыгнуть ему с нее или нет; на лугу меж тем раздался звон колокола, сзывающего народ. Со всех сторон на звон сбегались люди, и когда собралась большая толпа, вперед вышел Городской глашатай. Правой рукой он звонил в колокол, а левой вел заплаканную девочку лет шестнадцати в простеньком синем платье. Она была чудо как хороша собой, высокая для своих лет, с толстой каштановой косой и карими глазами, которые она то и дело утирала передником.

Глашатай подтолкнул девочку вперед, чтобы все хорошенько ее рассмотрели, трижды ударил в колокол и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Это Одри из Частокольников! Она потеряла свой мяч. Тому, кто найдет его, она отдаст все, что у нее есть.

— А что у нее есть? — закричали все в один голос.

— Она сама да платье, что на ней надето, — сказал Глашатай.

Тут все женщины вздернули подбородки и разом сказали:

— Надо нам бежать домой, у нас там дела!

Повернулись и заторопились по домам.

Но мужчины остались на местах и глядели на Одри из Частокольников, думая, что она неплохая награда за мяч.

— А какой у не^е мяч? — поинтересовались они.

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Какой у тебя мяч?

Одри отерла глаза передником и сказала:

— Мяч у меня с одной стороны синий, с другой зеленый, а на нем картинки — звезды и цветы, ангелы и детишки, прекрасные, как в жизни. Мне его подарила крестная, когда я еще в колыбели лежала. С ним я и росла, других игрушек у меня не было.

Мужчины спросили:

— А где она его потеряла?

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Где ты его потеряла?

И Одри ответила:

— Я играла в мяч в Частокольниках, кидая его все выше и выше, вдруг ветер подхватил его и понес, так что я не видала, где он упал. Может, он пролетел миль сто, а потом прокатился еще сто...

Мужчины спросили:

— Когда она потеряла свой мяч?

Глашатай ударил в колокол и спросил:

— Когда ты потеряла свой мяч?

И Одри ответила:

— Десять лет назад, когда мне было шесть лет.

— Господи помилуй! — вскричал сэр Джон, стоявший на стене. — И с тех пор ты по нем плачешь?

— Ах, нет, сэр, — ответила Одри, присев. — Я о нем забыла и думать, а вспомнила лишь неделю назад, потому что семь ночей кряду мне снилось, что он упал в реку Муррей.

— Что это за река? — спросил сэр Джон.

— Не знаю, сэр. Но во сне мне приснилось, что это самая большая река в графстве Сассекс, и опасностей там хоть отбавляй, да к тому же там прячется фея.

Сэр Джон оглядел толпу на лугу, но никто из мужчин не сказал ни слова. И тогда сэр Джон закричал, да так громко, что его услышали все.

— Это приключение я беру на себя! Ступайте домой, добрые люди.

Когда на лугу никого не осталось, Одри из Частокольников взглянула с любовью на сэра Джона и сказала:

— Сэр, если позволите, я последую за вами к реке Муррей и разделю с вами все опасности.

Она сказала это так мило и без боязни, что сэр Джон наклонился, подал ей руку и произнес:

— Идем, смелая девочка.

Она легко вспрыгнула на стену и встала рядом с ним. Сэр Джон повел головой, словно норовистый конь, и пошел назад по стене, не глядя ни вправо, ни влево, а на одно только ясное небошко.

Вдруг он почувствовал, как две нежные ручки ухватили его сзади за плечи, а одна сильная — за лодыжку, и оглядевшись, увидел, что Одри и Дик крепко держат его, чтоб он не упал со стены, и смотрят на него с тревогой и нежностью. А ведро с известкой снова лежит на земле.

— Что с вами, дети? — спросил Рыцарь.

— А что это с вами, сэр? — воскликнул Дик.

Ибо щеки у сэра Джона были мокры от слез.

— Вам больно или вы попали в беду?

— Я здоров и весел, Дик, — отвечал Рыцарь. — Ибо сбывается моя мечта о чудесном приключении.

— Тогда отчего же вы плачете, сэр?

- Оттого, что глядел на солнце.
- Что же вы там увидели, сэр?
- Я увидел опасность и себя, идущего ей навстречу.
- Опасность, сэр Джон?
- Да, Дик.

В глазах у Дика мелькнула тревога, он тихонько при-
свистнул, и спросил:

- С вашего позволения, сэр, можно, и я пойду с вами?

Глаза у Рыцаря загорелись, он положил руку на голову Дика.

- Ты мечтаешь об опасностях, Дик? — спросил он.
- Вовсе нет, сэр, — отвечал Дик.
- Зачем же ты хочешь идти со мной?

Дик покраснел, откашлялся и сказал:

- Чтобы ловить вас за ногу, сэр.
- И только? — удивился сэр Джон.

— Да, с вашего позволения, сэр. Стену чинить я кончил, а к вечеру мы ведь вернемся? Так что покормить свиней и запереть кур на ночь я успею.

— Не знаю, когда мы вернемся, — сказал сэр Джон. — Может быть, никогда.

— Как угодно, сэр, — отвечал Дик. — Смотрите, не упадите!

— Прошу вас, будьте поосторожнее, милый Рыцарь, — сказала Одри у него за спиной.

- Пойдемте, дети, — сказал сэр Джон.

И, обогнав Дика, он пошел дальше по стене, оставив его лицом к лицу с Одри. Дик и не подозревал, что она стоит у Рыцаря за спиной, а услышав ее звонкий голос и увидев ее розовые щечки, он почесал в затылке и сказал:

- Ну и дела!

Но Одри смотрела вслед Рыцарю, как смотрят счастливые матери на своего ребенка, когда он начинает ходить.

- Он упадет? — спросила она.
- Постараюсь, чтоб не упал, — отвечал Дик.
- Спасибо, — сказала она. — Ты такой добрый!

Дик подобрал ведро и пошел за сэрмом Джоном, а Одри пошла за Диком, а кругленький черный поросенок по имени Поль и курочка сассексской породы по имени Эмили побежали за ними вдоль стены. Так они и бежали до тех пор, пока стена не кончилась, и Рыцарь с Диком и Одри не спрыгнули с нее на землю.

И вот рассказ о том, что с ними приключилось — час за часом.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ

Солнце медленно купалось в золоте своих лучей на синем небе с белыми облачками, наши друзья быстро шли вперед по дороге, а курочка и поросенок поспешали за ними. Однако случилось так, что сэр Джон в своем нетерпении на несколько шагов обогнал спутников, а они беседовали друг с другом. Вскоре показалась деревенька Чилтингтон, самая красивая в Англии, впрочем, так называют каждую вторую деревеньку на западе графства Сассекс. Несмотря на всю свою красоту, деревенька напоминала скрипку без струн, ибо в ней не было ни души.

— Странно,— сказал сэр Джон, останавливаясь.— Время, дети, подобно фонарщику, который выходит по ночам, чтобы зажечь фонари, а днем тушит их снова. Когда-то в этой глухой и слепой деревушке жизнь была ключом.

— Это было совсем недавно, сэр,— заметил Дик.— Вон там в саду еще лежат мотыга и грабли, а там кто-то просыпал горох второпях.

— Лет сто назад,— молвил сэр Джон задумчиво,— и больше уж он не торопится.

— Земля здесь свежевскопанная, сэр,— возразил Дик.

В эту минуту где-то за домом послышался тихий плач и стон.

— У кого-то беда,— забеспокоилась Одри.

— Пойду посмотрю,— сказал Дик.

И пошел на стон, а остальные двинулись за ним. За домом он увидел древнего старика, который рубил топором салат. Салат на грядке был посажен так, что из букв складывалось имя

БАРБИ

Старик рубил и плакал.

— Хочешь срезать салат, дедушка? — спросил Дик.

— Да, мальчик.

— Весь салат, дедушка?

— Да, мальчик.

— Тебе столько не съесть,— заметил Дик, вынимая из кармана перочинный нож.

— Я так люблю салат,— сказала Одри.

— Бери себе на здоровье, красавица. Мне он больше не нужен.

— Спасибо, дедушка,— сказал Дик.— Тогда мы возьмем немного на ужин. Салат очень хорош к ужину.

И он сунул пучок салата себе в ведро.

А Одри спросила старика:

— О чем ты плачешь?

И утерла ему слезы своим носовым платком.

— Из-за нее,— и старик кивнул на грядку.— Не нужен мне салат, раз ее у меня больше нет.

— Какое горе,— сказала Одри и утерла глаза носовым платком.

— Говорят, на небе хорошо,— сказал Дик и утер глаза тыльной стороной ладони.

— Добро бы на небе,— сказал старик,— а то ведь так, где-то посередке.

— Как это? — спросил Дик.

— Да на ветряке,— сказал старик,— на самом верхнем крыле. А ветра все нет да нет. Вся деревня туда сбегалась, дуют-дуют, да только, сдается мне, без толку.

— Мы пришли вовремя,— молвил сэр Джон.— Дик, тут нужно потрудиться!

И он присел на бревно и принялся изо всех сил начищать свой щит.

— Что ж, идемте, сэр,— сказал Дик.

Но Рыцарь погрузился в раздумья о предстоящем приключении и не слышал его.

Дик и Одри выбежали за околицу и увидели ветряную мельницу, вокруг которой толпился народ. Все дули что есть мочи, так что казалось, вот-вот лопнут, но крылья не двигались. На верхнем крыле стояла девочка — шелковистые волосы вокруг ее лица сияли, словно солнечные лучи. Одной рукой она держалась за крыло, а другой прижимала к груди рыжего котенка с золотыми глазами.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и сжала руки.

— Не ходи за мной,— попросил Дик и бросился к мельнице. Но она поспешила за ним. Они взбежали по лестнице, а на последней ступеньке Одри схватила его за рукав и снова воскликнула:

— Ах, Дик!

— Надо же кому-то это сделать,— сказал Дик.— Пугаться тут нечего, девочка.

Ибо Одри вдруг побелела, как полотно, что расстилают на траве под солнцем.

Дик вылез на крыло — толпа радостно закричала, а Одри следила за ним, ни жива ни мертва. Но вот он уже и вернулся с девочкой и котенком в руках! Девочка хмурилась, а котенок мяукал. Одри протянула руки

и прижала обоих к груди, и девочка заулыбалась, а котенок начал мурлыкать.

— Ах, Барби,— сказала Одри,— как это тебя туда занесло?

— Я хотела посмотреть,— сказала Барби.

— И увидела? — спросил Дик.

— Да,— отвечала Барби.— Я видела реку Муррей.

— Туда-то мы и идем,— обрадовалась Одри.

— Тогда и я с вами,— сказала Барби.— И Руфус тоже.

Когда они спустились вниз, все закричали еще громче, а какая-то женщина бросилась к ним.

— Мама,— сказала Барби,— я пойду на реку Муррей с этим большим мальчиком и девочкой.

— Иди, милая,— сказала женщина.— Только возвращайся домой к ужину.

— Я вам это обещаю, сударыня,— сказала Одри.

Сэр Джон, который как раз подошел в этот миг, с ярко начищенным щитом в руках, посмотрел с интересом на Барби и спросил:

— Так ты знаешь дорогу к реке Муррей?

— Да,— кивнула Барби,— но только до Круглого дома. А потом мне пришлось вернуться, чтобы не опоздать к чаю. Но сегодня я обязательно до нее дойду, чай там или не чай.

— Дик,— сказал Рыцарь, сияя.— Само небо нам помогает. Идемте, дети.

Барби поцеловала мать на прощанье, и они отправились в путь. Впереди шагал сэр Джон, за ним Дик и Одри, Барби весело прыгала между ними, а потом поросенок Поль, курочка Эмили и котенок Руфус.

— Как у него щит сверкает,— заметила Барби.

— Да,— согласился Дик,— блестит, словно новенький шиллинг. Другого такого рыцаря с таким блестящим щитом во всем Сассексе не сыщешь, правда?

Он взглянул на Одри, а она взглянула ласково на Рыцаря и сказала:

— Да, не сыщешь.

ЧАС ДНЯ

Барби повела их через нагретую солнцем поляну; меж кустов можжевельника, казалось, струился золотой искристый дождь.

Они прошли через пустой загон для кроликов, пере-

секли дорогу и вдруг оказались в прохладном лесу, где солнечные искры лишь изредка падали с ветвей, когда их шевелил ветерок, а деревья стояли в зеленом блеске грез. Они пошли медленнее и заговорили тише, как и следует в лесу. Немного погодя они вышли на залитую солнцем просеку. Яркий свет слепил глаза, так что поначалу они ничего не видели. Им только послышалось, что неподалеку кричат совыята, а мать сова отвечает: «У-ху! У-ху!» Осмотревшись, они поняли, что крик раздавался из небольшой круглой башни, что стояла на опушке. Башня была сложена из камня, а в стене прорублены дверь и крошечное окошко, забранное решеткой. Барби остановилась.

— Куда теперь, я не знаю,— сказала она.— Это Кру-
глый дом, а дальше я никогда не была.

— Может, совы знают,— молвила Одри.— Ведь совы мудрее многих.

И закричала:

— Совушки-совы! Скажите нам, как пройти к реке
Муррей?

Но совы только насмешливо заушали в ответ.

— Зайдем и посмотрим на совяток,— предложила
Барби.

Дик дернул дверь.

— Заперто,— сказал он.— Дверь слишком толстая,
так легко не сломаешь. Придется искать дальше.

Они зашагали дальше по дороге и вскоре наткнулись на сэра Джона, который прошел, как всегда, вперед и теперь застыл на месте, подняв руку, словно прося их прислушаться. Где-то близко раздавались хриплые голоса, они протяжно кричали: «Эй, тя-нем! По-тя-нем!», прерываемые приглушенным плачем и всхлипыванием. Крики доносились из-за фермы, что стояла на опушке леса; передняя и задняя двери ее были распахнуты, так что сквозь дом проходил столп солнца. Стоя здесь, на свету, можно было увидеть темные деревья леса с той стороны дома.

— Взгляните, дети,— сказал сэр Джон,— как короток переход через дом жизни; от света нашего появления до сумерек ухода шагов десять, не более. И конец любезнее начала. Пойдем же сквозь дом!

— Пожалуй, сэр,— сказал Дик,— надо узнать, что там у них стряслось, не так ли?

Ибо к этому времени плач и всхлипыванье заглушили

все остальные звуки, и крика «Потянем!» было почти не слышно.

— Ах, поспешим! — сказала Одри.

Они поспешили — и на огороде, что лежал меж фермой и лесом, увидали немолодого фермера и его работников, что тянули капусту.

— Тя-нем! По-тя-нем! — закричал Фермер, ухватив кочан, что был поближе.

Работники напряглись, дернули за веревку — кочан выскочил, а они повалились на землю. Поднявшись на ноги, они отряхнули пыль с одежды и снова взялись за веревку, ожидая сигнала от Фермера.

Увидев незнакомцев, идущих гуськом через дом, они остановились, отирая пот красными клетчатыми платками.

— Я помогу вам дергать капусту, — предложил Дик.

— Что же, помоги, молодой человек, — простонал Фермер в ответ.

— Всю надо повидергать?

— Всю до единой.

— Ну и пир у вас будет! — сказал Дик, ухватившись за капусту обеими руками.

Кочанов там было штук восемьдесят, не меньше.

— Капуста — вещь вкусная, — заметила Одри.

— Возьми себе сколько хочешь, голубушка. Мне она все одно в горло не пойдет.

— Мы тебе очень признательны, Фермер, — сказал Дик. — Капуста очень хороша с салатом.

И он положил три крепких кочана себе в ведро. Фермер же все вздыхал и стонал.

— А почему ты горюешь? — спросила Одри.

— Потому что не видать мне больше в этой жизни моей милой доченьки Кристи. Глаза б мои не смотрели на эту капусту, ведь это она ее сажала.

— Какое горе! — проговорила Одри и отвернулась.

Дик переступил с ноги на ногу, чтобы выразить свое сочувствие, и спросил:

— Когда же это случилось, Фермер?

— Час назад, — отвечал тот. — И виноват я один. Она все просилась на реку Муррей, а я ее все не пускал. Боялся, что простынет она там до смерти. Манила ее эта вода, да и только! Взял вот я и запер ее в Круглом доме в лесу, а ключ, чтоб не потерять, привязал к ручке колодезного ведра, да только забыл об этом, как пошел за во-

дой, а ведро, как на грех, возьми да соскочи в воду. Там оно сейчас и плавает, можете сами взглянуть.

И он в сердцах откинул ногой крышку колодца: глубоко внизу плавало на темной воде перевернутое ведро.

Сэр Джон внимательно выслушал Фермера, и глаза у него засверкали.

— Дик,— сказал он,— вот приключение, о котором я мечтал.

— Да, сэр,— отвечал Дик.— Надо достать из колодца ключ, ведь дверь в тот дом не сломаешь. Я уже пробовал.

Но сэр Джон не слушал — он изо всех сил начищал свой шит.

Тут Дик взялся за веревку и подергал ее. Убедившись, что веревка крепкая, он привязал ее к пряжке своего кожаного пояса.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и изо всех сил вцепилась ему обеими руками в плечи.

— Надо же кому-то это сделать,— сказал Дик.— Пугаться тут нечего, Одри.

Ибо она побелела, как молоко, когда, пенясь, оно бежит с одной стороны из сепаратора, в то время как желтые сливки текут с другой.

Он махнул работникам, они подошли и осторожно спустили его в колодец, а Одри закрыла глаза и сосчитала до ста пятидесяти. А потом она открыла глаза, наклонилась над колодцем и протянула Дику руки, чтобы помочь ему вылезти наверх, хоть он и закричал:

— Отойди, глупая!

Он боялся, как бы она не упала.

Минута — и он стоял на земле рядом с ней; но ноги у нее подкосились, и она опустилась перед ним на колени, будто бы для того, чтобы отвязать веревку от пряжки.

— А теперь выпустим девочку,— сказал Дик, и они поспешили к Круглому дому, где без умолку кричали совы.

— Совушка! — крикнула Одри.— Мы пришли тебя выпустить, если ты скажешь нам, как пройти к реке Муррей.

Тут в окошке, забранном решеткой, показалось задорное личико с пушистыми волосами до плеч.

— У-ху! У-ху! — послышалось в ответ.— И не скажу, и не выйду, если не пообещаете взять меня и Майка с собой.

— Что ж,— сказал Дик и повернул ключ в замке. Кристи выбежала из дома, а за ней мохнатый терьер — худой и веселый песик с любящими глазами.

Фермер схватил Кристи на руки и принялся целовать, а она ласкалась к нему, приговаривая:

— До свиданья, папа! Я ухожу. Я иду на реку Муррей с этими людьми и животными.

— Ну, хорошо, хорошо,— согласился Фермер.— Только возвращайся домой засветло.

— Это я вам обещаю, сэр,— сказала Одри.

Тут к ним подошел сэр Джон, держа в руках свой сверкающий щит и, поглядев серьезно на Кристи, спросил:

— Милое дитя, это ты можешь провести нас к реке Муррей?

— О да,— отвечала Кристи так же серьезно,— но только до того сада, в лесу. Дальше я никогда не ходила.

— Дик,— молвил Рыцарь,— нам помогают волшебные силы. Пойдемте, дети.

И он зашагал вперед, куда показала Кристи, а Кристи и Барби побежали за ним, а Дик и Одри поспешили за ними, а поросенок Поль, курочка Эмили, котенок Руфус и песик Майк за ними следом.

— Как ты хорошо кричишь совиным голосом,— сказала Барби Кристи.

— Да,— согласилась Кристи и посмотрела на Барби, а потом на Одри.— А какой у вашего отца щит красивый!

— Он им не отец,— ответил Дик,— но щит у него и вправду блесит, словно полная луна. Другого такого рыцаря с таким чудесным щитом во всей Англии не сыщешь, правда?

И он посмотрел на Одри, а она взглянула с грустью на Рыцаря, а потом опустила глаза и прошептала:

— Да, во всей Англии не сыщешь.

ДВА ЧАСА

Солнце уже стало заглядывать за край тучки, когда они свернули на зеленую лесную тропинку. В конце ее виднелась старая калитка, а за ней — сад в гуще леса, прекрасный, как райский сад. Но и в раю, видно, бывают свои печали, ибо из-за деревьев слышались громкие рыдания, прерываемые взрывами шутихи.

— Взгляните, дети,— сказал сэр Джон,— как обманчив даже рай земной, сулящий вечную радость. Что может быть благословеннее и прекраснее этого сада? Но горе постигло и того, кто здесь обитает. Давайте узнаем, что с ним случилось.

— Да, сэр,— сказал Дик, услышав, что громкий взрыв потряс воздух.— А то он тут натворит дел.

Они обошли клумбу с цветами и увидели в этом раю крошечного мальчика с темными, как вишни, глазами, из которых по загорелым щекам градом катились крупные слезы. Он сидел посреди маленькой грядки, на которой росло всего понемногу: один ранний лук и один сладкий горошек, один люпин и один куст картошки, один выюнок бобов и маргаритка и много еще другого, но все по одному кустику. А по краям грядки росла белая и красная редиска. Мальчик бросал в нее шутихи, и они с треском взрывались.

— Хочешь вырвать всю редиску, сынок? — спросил Дик.

— Да-а-а! — сквозь слезы пробормотал мальчик в ответ.

— Всю до единой?

— Да-а-а!

— У тебя от нее живот разболится, — сказал Дик, принимаясь дергать редиску.

— А я ее есть не бу-у-ду!

— Как, разве ты не любишь редиску? — спросила Одри. — Я, так очень люблю.

— Вот ты и ешь! — сказал мальчик.

— Спасибо, сынок, — сказал Дик. — Мы так и сделаем. Редиска так хороша с салатом — лежит вокруг зелени бело-красным кольцом, просто загляденье!

И с этими словами он бросил горсть редиски в свое ведро.

— А зачем ты ее вырвал? — спросила ласково Одри, посадив малыша себе на колени и утирая его грязные щеки.

— Потому что это ее редиска! — крикнул мальчик и указал пальцем на доску через ручей в конце сада. — А она не пускает меня в ручей без взрослых!

Тут он сунул палец в рот, взглянул на Дика, на Одри, скатился с ее колен на землю и с воплем помчался в конец сада.

— Сильвия, они пришли! Теперь ты меняпустишь?

Все поспешили за ним — на доске, перекинутой через ручей, в конце сада они увидали прелестную крошечную юную фею. Трудно было сказать, откуда она пришла: из царства фей, ангелов или детишек, ибо глаза у нее смеялись, как у феи, сияли добротой, как у ангела, а улыбка, игравшая в уголках рта и ямочках на щеках, была весела и задорна, как у ребенка. Стройный ее стан облегалось синее-зеленое платье, а загорелые ручки и ножки были открыты ветру и солнцу. Она стояла, склонив голову, вытянув вперед обе руки ладонями вверх. В пальцах фея сжимала концы расщепленной ореховой ветки и водила ею над ручьем.

— Вильф! Вильф! — вскричала она. — Ты хочешь поплескаться в ручье, а как мне тебя пустить, если я не узнаю, есть в нем вода или нет?

И она уставилась на ореховую рогатинку — и та стала медленно поворачиваться, пока, наконец, не указала прямо на ручеек, что протекал под перекинутой через него доской. Она взглянула на загорелого малыша, уцепившегося за ее подол, и на остальных, стоявших на берегу, взглянула серьезно, но так, словно прятала от них улыбку, и сказала:

— Да, вода здесь есть, так что можешь идти, но только если и они пойдут тоже.

— Конечно, пойдём, — сказала Одри, захлопав в ладоши.

— Ура! — крикнул Дик, взмахнув ведром.

— Ах! — сказала Кристи.

И Барби повторила за ней:

— Ах!

И оба запрыгали от радости.

— Только это очень-очень опасно, — сказала Сильвия. — Путь вам преградят пороги и водовороты, густые заросли, что подступают к воде с обоих берегов, так что придется пробираться по колено в воде, а еще затонувшие корабли, киты и крокодилы, морские змеи, сирены и комары. Вы утонете, вас искусают, разорвут на части, объедят, околдуют на веки веков, если только...

— Если только что? — закричали все в один голос.

— Если только вам на помощь не приду я, — сказала Сильвия, загадочно усмехнувшись.

Но они уже разулись, и, связав шнурками ботинки, повесили их себе на шеи.

— Кто боится? — крикнул Дик.

— Только не я! — крикнули в ответ Одри, Барби, Кристи и Вильф.

А Поль захрюкал, а Эмили закудаhtала, а Руфус замыкал, а Майк залаял.

— Тогда за мной! — воскликнула фея Сильвия задорно и спрыгнула, звонко смеясь, в ручей, который тек по камушкам меж крутых берегов, так густо поросших ольхой и орешником, что из сада его совсем не было видно. А за ней в воду прыгнул Вильф, а за Вильфом — Барби, прижимая к груди Руфуса, а за Барби — Кристи, держа за ошейник Майка, а за Барби — Одри, подхватив на руки Эмили, а за Одри — Дик, сунув под мышку Поля. И все они громко кричали от радости.

ТРИ ЧАСА

Солнце, словно золотой корабль, застыло среди синего неба с белыми барашками, когда, исцарапанные и мокрые по пояс, они вышли к тому месту, где ручей выбегал из-под земли. Они все еще громко визжали и хохотали.

Кристи потеряла свою ленту, Барби разодрала до крови коленку, у Вильфа на голове появилась шишка, коса у Одри совсем растрепалась и в волосах запутался репейник, а у Дика рубашка порвалась у самого плеча. Одна только Сильвия вышла из воды невредимой.

Выбравшись на берег, они увидали сэра Джона, который сидел под дубом и натирал до блеска свой щит. Он прошел лесом и лугом вдоль ручья и теперь поджидал их возвращения.

— Ну, дети, — сказал, он, как всегда кротко улыбаясь, — никто из вас не погиб?

— Ни одна душа, сэр, — ответил Дик.

— А все благодаря Дику, — сказала Сильвия. — Такого опытного мореплавателя я в жизни не видала. Он все опасности преодолел и всем был защитой.

— А все благодаря Сильвии, — возразил Дик. — Она самая добрая из фей, охранявших когда-либо бедных смертных. Она нас от всех бед спасла. Хоть матушке, конечно, придется положить заплату на мою рубашку.

— А сирены стащили мою ленту! — похвасталась Кристи.

— А драконы искусаи мне ногу! — сказала с гордостью Барби.

— А великаны набили мне шишку! — пробормотал угрюмо Вильф.

— А ведьмы дергали меня за косу! — радостно сообщила Одри.

— А Эмили снесла яичко, — сказала Сильвия. — И Дик всех спас и яичко тоже.

— Крутое яйцо хорошо для салата, — сказал Дик. — Разрезать на четыре дольки и пустить, словно белые с золотом лодки на зеленую гладь салата... Знать бы только, где это яичко сварить.

— Его сварит Отшельник из Хардхэма, — сказала Сильвия. — Он одними яйцами с луком питается.

— А где Отшельник живет?

— В излуине реки, — сказала Сильвия.

— Что ж, это нам по дороге, — сказал Рыцарь. — Идемте, дети.

И он зашагал вперед, туда, куда показывала Сильвия, а она направляла его, легонько трогая рукой, то влево, то вправо, а сама шла следом, а Вильф спешил, переваливаясь, за нею, а за ним шли гуськом Кристи и Барби, и Дик и Одри, взявшись за руки, и Руфус, весь мокрый и мрачный, и Майк, мокрый и радостный, и Поль, мокрый и невозмутимый, а замыкала шествие Эмили, мокрая и вне себя от радости.

— Какой у вашего дедушки щит прекрасный! — сказала Сильвия.

Дети, не оборачиваясь, засмеялись, а Дик ответил:

— У него нет ни детей, ни внуков, но щит у него светел, как его мечты. Ведь другого такого рыцаря с таким дивным щитом не сыщешь в целом свете, правда?

И он улыбнулся Одри. Но она только с грустью взглянула на своего Рыцаря, а потом на Дика и покачала головой.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Наконец они вышли за Сильвией на дорогу, которая после всех блужданий показалась им очень просторной; вскоре они уже были у моста, под которым текла широкая река. Сэр Джон просиял, словно на лицо его из-за тучи упал луч солнца, и с радостным криком застыл посередине моста.

— Дитя, это наконец река? — спросил он у Сильвии.

— Да,— отвечала она,— а Отшельник живет вон там, за высохшим руслом канала.

— Пусть подождет,— сказал сэр Джон,— ибо сердце мое радуется на пороге приключения.

И, взяв Одри за руку, он продолжал:

— Милое дитя, я дал тебе слово и не вернусь, пока не найду реку Муррей, а в ней — твой мяч.

А Одри взглянула ему прямо в глаза и отвечала своим звонким голосом:

— Я тоже дала тебе слово. Так что возьми меня в жены, когда захочешь.

— Я возьму тебя в жены, как только мы найдем, кто бы нас обвенчал.

— Отшельник из Хардхэма вас обвенчает,— сказала Сильвия.— Он круглый год только о том и мечтает, да только некогда было венчать.

— Жаль мне его огорчать,— сказал сэр Джон,— но только я не променяю свою реку и на тысячу отшельников.

— Вы ее не потеряете,— сказала Сильвия,— если пойдете через Хардхэм. Она там рядом протекает под Пулбороским мостом, прямо рукой подать.

— Так тому и быть,— сказал Рыцарь.— Идемте, дети.

И они пошли быстрым шагом вперед по узкой тропе, что пролежала вдоль высохшего русла канала, а потом поднялись по заросшему травой склону туда, где сидел Отшельник из Хардхэма.

Он сидел под каменными арками маленькой часовни, в которой не было ни крыши, ни окон, ни дверей,— один только чистый воздух, льющийся с небес. Внутри часовни был алтарь, украшенный цветами, а вокруг на старинной кладке висели цветочные гирлянды и венки, которые так благоухали, словно то была комната невесты.

Отшельник сидел на камне в лучах заходящего солнца, на нем было белое одеяние, и на каждой руке по кольцу; слева от него стояла миска с крошками хлеба, справа — блюдо капустных листьев, а у ног его, обутых в сандалии,— блюдо с сахарной водой. А вокруг него резвились крольчата, и он кормил их зелеными листьями правой рукой, а между ними прыгало множество птиц, и он сыпал им крошки левой, и некоторые из них садились ему на руку и на колени и клевали крошки прямо из рук.

Увидев, кто подымается к нему вверх по склону, Отшельник сказал:

— Друзья, вот идут к нам наши братья и сестры.

И поднялся на ноги так тихо, что не вспугнул ни птицы, ни зверя, ни насекомого, и ступил вперед, протянув к нашим друзьям старые руки, и взяв Одри за руку правой рукой, сказал:

— Добро пожаловать, милая невеста.

А потом он повернулся к Дик и, протянув к нему левую руку, сказал:

— Добро пожаловать и тебе, юный жених. Вы вступаете в самое прекрасное приключение в жизни.

Одри потупилась, а Дик вскинул голову и взглянул на сэра Джона: что-то он скажет? Но при слове «приключение» сэр Джон опустил на землю и принялся начищать свой щит.

Все молчали, словно ждали чего-то, и никто, кроме сэра Джона, не знал, что делать.

И Одри в смущении прошептала:

— Ах, Дик!

А Дик почесал в затылке и, взглянув еще раз на сэра Джона, сказал:

— Что ж, это надо сделать. Не пугайся, дорогая.

Ибо щеки ее побледнели, словно дикие розы перед тем, как опасть.

И Дик с Одри вошли в часовню с Отшельником из Хардхэма, а дети и животные вошли вместе с ними. Там Отшельник снял со своих рук два золотых кольца и обвенчал Одри с Диком.

ПЯТЬ ЧАСОВ

Когда Дик и Одри обвенчались, они вышли из часовни под пенье птиц и жужжание насекомых, и писк и смех животных и детей, что играли вместе в траве.

Сэр Джон поднял глаза от своего щита, что сиял, но не так ярко, как глаза Одри и Дика, и молвил:

— Какой у вас счастливый вид!

И тогда они объяснили ему, почему. Он взглянул задумчиво на Одри и спросил:

— Кто же тогда найдет тебе твой мяч?

А Одри сказала, что мяч ей теперь совсем не нужен.

— Все же,—сказал сэр Джон,—я не должен оставлять поиски, ибо я все еще мечтаю найти в реке Муррей твой мяч с цветами и звездами, милое дитя, даже если тебе уже все равно.

Он поднялся, но Дик спросил, разве он не останется на свадебный пир.

И они положили на блюдо листы капусты и выстлали их салатом, а сверху бело-алым кольцом — редиску, и крутое яичко, что снесла Эмили, разрезав его на дольки и пустив по зеленому морю листьев, словно золотые и серебряные лодки. А Отшельник из Хардхэма принес сачок для ловли бабочек и снял им огромную испанскую луковицу, что висела в углу часовни, и разрезал ее ножом на восемь частей, и раздвинул дольки, так что она раскрылась, словно водяная лилия, и укрепил ее в центре зеленого поля салата на венце из редисок. А пока он все это делал, он плакал, но не от радости и не от горя.

Это и был их свадебный пир, и все отведали дивного салата.

ШЕСТЬ ЧАСОВ

Солнце уже почти ушло на покой, а луна уже почти поднялась на небо, когда закончился свадебный пир, и Дик с Одри сказали, что пора вести детей домой. Но сэр Джон заявил, что должен идти своей дорогой. Он поцеловал детей и Одри на прощанье и, взяв Дика за руку, сказал:

— Присмотри тут за Одри, пока меня не будет.

— Постараюсь, сэр,— пообещал Дик Доветт.

— Я бы остался с вами и помог вам,— сказал сэр Джон-в-Мечтах,— но щит мой, наконец, сверкает, как должно, и я должен найти реку Муррей и пройти по ней до истока.

И в сгустившихся сумерках он зашагал от них прочь по дороге в Пулборо, где река течет под мостом. И глядя, как мерцает вдали его щит, Кристи тихонько шепнула Барби:

— Но ведь мы нашли реку Муррей и прошли ее всю до истока.

И Барби шепнула в ответ:

— Да, там река Арун, он пошел совсем не туда.

Сильвия улыбнулась и наморщила лобик; Вильф крепко спал, а остальные не слышали.

СЕМЬ ЧАСОВ

Когда дети были разведены по домам, а Дик и Одри пошли к себе, Дик достал что-то из кармана и протянул Одри.

— Что это? — спросила Одри.

— Свадебный подарок, — сказал Дик. — Я нашел его в ручье, когда мы пробирались по нему.

И Одри засмеялась от радости.

— Ах, да ведь это мой мячик! Смотри, вот дети и цветы на зеленой стороне и звезды и херувимы — на синей. Он совсем не выцвел! Блестит и сияет, как новенький! Кто бы мог подумать?! Какой он красивый!

Она подбросила мячик в воздух, поймала, поцеловала с синей стороны, потом — с зеленой и положила себе в карман.

ЭЛИНОР ФАРДЖОН
Седьмая принцесса

Главный редактор Объединения «ВМКЦ»

В. В. Бацалёв

Заведующий редакцией

А. П. Скогореv

Редакторы

Т. Г. Решетникова, А. П. Скогореv

Художественный редактор

С. С. Радимов

Технический редактор

Н. М. Привезетцева

Корректоры

Л. И. Серова, Е. М. Тюрина

ИБ № 120

Сдано в набор 22.03.91. Подписано в печать 14.11.91. Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 53,78. Уч.-изд. л. 13,96. Заказ № 537. Тираж 80 000 экз. Цена 12 р.

Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр». 101463, Москва, ГСП-4, К-6, ул. Петровка, 26.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93.

12 руб.